

11-107/2
ISSN 0134-2428
ISSN 0130-1748

ИЗВЕСТИЯ СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР

СЕРИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

ВЫПУСК 3

1982

№ 11

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
НОВОСИБИРСК

1145

ИЗВЕСТИЯ СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР

СЕРИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

Год основания журнала 1957 Год основания серии 1963	Периодичность журнала 15 номеров в год Периодичность серии 3 выпуска в год	№ 11 (356) Вып. 3	Сентябрь 1982
--	---	----------------------	------------------

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

В. А. Демидов. В. И. Ленин и некоторые вопросы национально-государственного строительства в Сибири	3
Б. Л. Борисов. Основные этапы развития национальной государственности народов Сибири	10
В. С. Познанский. Участие трудящихся национальных районов Сибири в разработке Конституции СССР	18
М. Н. Колоткин. Национальные секции партийных комитетов Сибири в борьбе с голодом (1921—1922 гг.)	25
В. В. Демидов. Социалистические преобразования в сибирской национальной деревне (1926—1932 гг.)	30
Л. Н. Кекалова. Ликвидация безработицы в Сибири — одно из крупнейших завоеваний Советской власти	36
А. Г. Борзенков, В. А. Миндолин. Интернациональное воспитание молодежи в Новосибирском научном центре	42
Л. М. Горюшкин, И. Т. Лозовский. Менделеев и Сибирь	48

ЭКОНОМИКА

Б. П. Орлов. Развитие экономики Сибири на отдельных этапах социалистического строительства	60
Т. Б. Барапова. Основные показатели развития промышленности Сибири в десятой пятилетке	71
А. А. Гришин, Д. В. Черных. К методологии разработки внутриобластной Продовольственной программы (на примере Новосибирской области)	77
С. Д. Агеева, Б. П. Орлов. Некоторые черты инвестиционного процесса в Западно-Сибирском нефтегазовом комплексе	85
Э. Г. Джиоев. Вопросы размещения инфраструктурных объектов торговли в нефтегазодобывающих районах Западной Сибири	90
Ю. П. Воронов, Ю. Г. Полляк. Определение профессиональной и классовой принадлежности в методологии советской статистики 20-х годов	97
В. А. Бажанов, Ч. Данпийцоодол. Некоторые методические вопросы развития машиностроения и металлообработки в МНР	106

Материалы конференции 1981 г. комиссии индустриальных систем международного географического союза

Г. Дж. Р. Линдж. О некоторых аспектах исследований	111
Сюзан Савей. Многонациональная корпорация «Пешине — Южин — Кюльман»	112
З. Татаи. Индустриализация в деревнях	113
Сигеру Ямамото. Изменения в размещении черной металлургии в Японии	114
Р. Г. Карагедов. Механизм функционирования социалистической экономики	115

ФИЛОЛОГИЯ

А. И. Федоров. Современная языковая ситуация в национальных районах Сибири и ее изучение	129
С. О. Малевинский. О классификации собирательных существительных в древнерусском языке	135

СООБЩЕНИЯ, КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ, ХРОНИКА

В. О. Потмал. Учебные экскурсии на иностранном языке (на материале немецкого языка)	141
В. И. Арзамаскин, Б. С. Бурыхин. Региональное программное планирование. Вопросы теории и практики	144
Ю. С. Никульников, А. Я. Якобсон. Из научного наследия И. М. Маергойза	146
А. П. Леонтьев. Финансовые проблемы социалистического воспроизводства	148
А. И. Федоров, С. Н. Оненко. Нанайско-русский словарь. Нанай-лоча хэсэп-куни	150
Б. П. Полевой. История Сибири в трудах академика М. П. Алексеева	151
Михаил Борисович Шейнфельд (к 60-летию со дня рождения)	153

ИЗВЕСТИЯ СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ АН СССР

Главный редактор журнала чл.-кор. АН СССР М. Ф. Жуков

Заместитель главного редактора чл.-кор. АН СССР В. Г. Дулов

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

Д-р экон. наук К. А. Багриновский, д-р филос. наук В. И. Бойко, д-р ист. наук Л. М. Горюшкин; д-р ист. наук Н. Я. Гуцин, чл.-кор. АН СССР А. П. Деревяко; д-р ист. наук В. Е. Ларичев (отв. секретарь серии); канд. экон. наук Е. Д. Малинин, д-р ист. наук А. С. Московский, д-р экон. наук Б. П. Орлов (зам. ответственного редактора), д-р филос. наук О. С. Разумовский, канд. ист. наук Р. С. Русаков (зам. ответственного редактора), д-р филол. наук Е. И. Убрятова, д-р филол. наук А. И. Федоров.

Адрес редакции: 630099, Новосибирск, 99, ул. Советская, 18, комн. 331. Тел. 22-00-44.

Редактор И. Н. Стригун

Художественный редактор Э. С. Филоновичева

Технический редактор Л. П. Минеева

Корректоры Г. Д. Смоляк, А. В. Пименов

Сдано в набор 8.06.82. Подписано к печати 15.09.82. МН-05234. Формат 70×108/16. Высокая печать. Усл. печ. л. 13,3. Усл. кр.-отт. 13,8. Уч.-изд. л. 14. Тираж 1518 экз. Заказ 207.

Издательство «Наука», Сибирское отделение, 630099, Новосибирск, 99, Советская, 18.
4-я типография издательства «Наука», 630077, Новосибирск, 77, Станиславского, 25.

© Издательство «Наука»
«Известия Сибирского отделения АН СССР», 1982 г.

ИЗВЕСТИЯ СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР

№ 14, вып. 3

СЕРИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

1982

В. А. ДЕМИДОВ

В. И. ЛЕНИН И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В СИБИРИ

30 декабря 1982 г. исполняется 60 лет со дня образования Союза Советских Социалистических Республик — первого в мире единого союзного многонационального государства рабочих и крестьян. Рождение Союза ССР — результат победы Великой Октябрьской социалистической революции, живое воплощение идей В. И. Ленина, ленинских принципов национальной политики. «Залогом прочности этого союза, — говорится в постановлении ЦК КПСС о 60-й годовщине образования СССР, — Ленин считал полное взаимное доверие, добровольное согласие, исключение любой формы неравенства в отношении между нациями. Убежденный интернационалист, он последовательно и непримиримо боролся за революционное сплочение всех трудящихся против любых перегибов в решении национальных проблем. Политический и организационный гений Ленина, его исполинская работа соединили в одно целое силу боевой организации коммунистов, революционную энергию пролетариата и неодолимое стремление народов к национальному равенству и свободе»¹.

Советское национально-государственное строительство в Сибири — составная и неразрывная часть становления и развития СССР как федеративного государства, убедительный пример победы идей пролетарского интернационализма, претворения в жизнь ленинской национальной политики Коммунистической партии.

Национально-государственное строительство в Сибири прошло несколько этапов, но самым сложным и трудным был период от октября 1917 г. до слияния «буферной» Дальневосточной республики и завершения советизации Забайкалья и Дальнего Востока. По времени этот период совпал с подготовкой и образованием Союза ССР. В изучении этого периода достигнуты значительные успехи, но до настоящего времени остаются вопросы, вызывающие дискуссии и споры среди историков².

Очевидно, что выработка единства взглядов по дискуссионным вопросам возможна лишь на основе тщательного и всестороннего изучения ленинского теоретического наследия по национальному вопросу. В предлагаемой статье особое внимание обращено на отношение В. И. Ленина к национальной программе австрийских социал-демократов, принятой на съезде в Брюсселе в 1899 г. Автор исходит из убеждения, что ленинская критика Брюссельской национальной программы дает не только надежный методологический инструмент к научно обоснованному анализу тактики большевиков по отношению к буржуазным националистам и некоторых сторон советского национально-государственного строительства в Сибири, но и позволяет внести необходимые уточнения в истолкование програм-

¹ О 60-й годовщине образования Союза Советских Социалистических Республик. — Правда, 1982, 21 февраля.

² См. Хаптаев П. Т. За научное освещение событий истории Бурятии. — Байкал, 1979, № 1; Демидов В. А. Тактика большевиков Центросибиря по отношению к буржуазно-националистическим организациям. — В кн.: Большевики Сибири в трех революциях. Новосибирск, 1981.

мных положений партии о территориальной областной автономии. Еще в 60-х годах П. Г. Семенов выступил с утверждением, что «национально-территориальная автономия, как и государственная федерация, не являлась до Октябрьской революции собственно программным требованием партии»³. В дальнейшем в литературе, в том числе и в новейшей⁴, многие авторы критиковали этот тезис, настаивая на том, что автономия «могла быть только национально-территориальной». Обе стороны оперировали ленинскими документами, но допускали, как это ни странно, одну и ту же ошибку, а именно: игнорировали то содержание, которое В. И. Ленин вкладывал в понятие «национально-территориальная автономия», ошибочно отождествляли конкретно-историческое содержание этого понятия с программным требованием партии «признавать автономию разных областей, особенно областей и округов с разным национальным составом населения»⁵. Точно так же беспредметно выяснять, отвлекаясь от конкретно-исторического содержания понятия «национальная автономия», был ли В. И. Ленин «за» или «против» «национальной автономии» в теперешнем ее понимании. Но в прошлом, как известно, под этим термином фигурировала буржуазно-националистическая «культурно-национальная автономия»⁶.

В дореволюционное время понятие «национально-территориальная автономия» В. И. Ленин использовал лишь в связи с критикой национальной программы австрийских социал-демократов. Заметив, что «брюнская национальная программа с.-д. становится целиком на почву национально-территориальной автономии», В. И. Ленин категорически заявлял: «Так далеко мы бы не пошли»⁷. Почему? Потому, что эта программа половинчатая, «неудовлетворительная с точки зрения интернационализма»⁸. «Сразу нелепость видна»⁹.

Нелепость Брюнской национальной программы, вставшей целиком на почву «национально-территориальной автономии», состояла в том, что она, хотя и отвергала экстерриториальный, персональный принцип, но так же, как и программа культурно-национальной автономии, абсолютизировала национальный момент, выдвигая лозунг объединения однопациональных сел, местечек, районов и т. д. в автономное единое целое. Характеризуя это требование Брюнской национальной программы, В. И. Ленин писал: «Это — лозунг компромиссный, ибо здесь нет и тени экстерриториальной (персональной) национальной автономии. Но и этот лозунг ошибочен и вреден, ибо вовсе не дело российских с.-д. соединять в одну нацию немцев лодзинских, рижских, питерских, саратовских»¹⁰.

В. И. Ленин подчеркивал, что национальный состав населения — один из важнейших экономических признаков, но не единственный и не важнейший среди других. «Поэтому, — писал он, — целиком и исключительно становиться на почву «национально-территориалистического» принципа марксисты не должны»¹¹. Выделение сел, местечек, районов с единым национальным составом населения в «национально-территориальную автономию» означало бы, что города с пестрым составом населения оказались бы вне пределов этой автономии. «Отрывать города от экономически тяготеющих к ним сел и округов из-за «национального» момента нелепо и невозможно»¹². В. И. Ленин, большевики выступали за областную

территориальную автономию, границы которой должны быть установлены с учетом хозяйственно-бытовых, национальных и других признаков. Имея в виду автономию такого типа, В. И. Ленин писал: «Совершенно очевидно, что нельзя себе представить современного действительно демократического государства без предоставления такой автономии всякой области с сколько-нибудь существенными хозяйственными и бытовыми особенностями, с особым национальным составом населения и т. п.»¹³.

Поронинское совещание ЦК РСДРП с партийными работниками (1913 г.), связывая постановку национального вопроса с борьбой за последовательно демократическое республиканское устройство государства, записало: «В особенности необходима при этом широкая областная автономия и вполне демократическое местное самоуправление, при определении границ самоуправляющихся и автономных областей на основании учета самим местным населением хозяйственных и бытовых условий, национального состава населения и т. д.»¹⁴.

Создание автономных округов «хотя бы самой небольшой величины» с цельным национальным составом населения В. И. Ленин считал бесспорно важным¹⁵. Он боролся лишь против того, чтобы целиком становиться на почву «национально-территориалистического» принципа. В. И. Ленин разъяснял, что гораздо правильнее австрийского то решение, которое было намечено Поронинским совещанием: «Национальный состав населения поставлен здесь рядом с другими условиями (в первую голову хозяйственными, затем бытовыми и т. д.), которые должны послужить основанием к установлению новых границ»¹⁶...

Брюнская национальная программа, базируясь на территориально-этническом обособлении, прямо противоположна большевистскому программному лозунгу областной автономии. Эта программа представляла собой компромисс с планом культурно-национальной автономии: в обоих случаях выдвигалась идея создания национально обособленных групп со своими местными и центральными «публично-правовыми» государственными учреждениями. Разница состояла лишь в том, что Брюнская национальная программа, вставшая целиком на почву «национально-территориальной автономии», отвергала создание каких-либо автономных национальных групп без отношения к территории, в то время как культурно-национальная автономия, напротив, требовала создания таких автономных групп на экстерриториальной (персональной) основе.

В. И. Ленин, большевики, выдвигая революционно-демократическую программу решения национальных проблем, настойчиво боролись как против шовинизма, так и против всяческих форм местного национализма, решительно отвергали националистическую «культурно-национальную автономию» и ее компромиссный вариант. Главную задачу они видели в том, чтобы отстоять единство классовой борьбы за социализм, дать отпор всем проявлениям буржуазного и черносотенного национализма.

«Сознательные рабочие, — подчеркивал В. И. Ленин, — отстаивают — в отличие от всех разновидностей националистической буржуазии — не только самое полное, последовательное, до конца доведенное равенство наций и языков, но и слияние рабочих разных национальностей в единых пролетарских организациях всякого рода».

В этом — коренное отличие национальной программы марксизма и какой угодно буржуазии, хотя бы самой „передовой“¹⁷.

Победа Великого Октября открыла новый этап в жизни народов нашей страны. Второй Всероссийский съезд Советов, сообщая о низложении буржуазного Временного правительства, заявил, что Советская власть обеспечит всем нациям, населяющим Россию, подлинное право на само-

³ Семенов П. Г. Нации и национальная государственность. — Вопросы истории, 1966, № 7, с. 76.

⁴ Основные направления изучения национальных отношений в СССР. М., 1979, с. 106; От капитализма к социализму. Основные проблемы переходного периода. М., 1981, с. 369.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 71.

⁶ Термины культурно-национальной автономии: «экстерриториальный», «персональный», «национальный». См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 393.

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 148.

⁸ Там же, т. 23, с. 211.

⁹ Там же, т. 24, с. 393.

¹⁰ Там же, т. 23, с. 318.

¹¹ Там же, т. 24, с. 149.

¹² Там же.

¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 145.

¹⁴ КПСС в резолюциях и решениях..., т. 1. М., 1970, с. 387—388.

¹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 148.

¹⁶ Там же, с. 149.

¹⁷ Там же, т. 25, с. 145.

определение. Советское правительство, руководствуясь ленинскими принципами национальной политики, провозгласило равенство и суверенность народов России, право на самоопределение вплоть до отделения, отмену всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений. Третий Всероссийский съезд Советов, состоявшийся в январе 1918 г., объявил, что Российская Советская Республика учреждается на основе свободного союза свободных народов как федерация советских национальных республик. В. И. Ленин рассматривал федерацию «как переход к сознательному и более тесному единству трудящихся, научившихся добровольно подниматься выше национальной розни»¹⁸. В Программе РКП(б), принятой VIII съездом партии в марте 1919 г., федерация была признана наиболее целесообразной формой советского национально-государственного строительства¹⁹.

Национальная политика пролетариата, завоевавшего власть, состояла «в неуклонном фактическом проведении в жизнь сближения и слияния рабочих и крестьян всех наций в их революционной борьбе за свержение буржуазии»²⁰.

В Сибири, как и в других районах страны, национальное движение развивалось по двум направлениям: революционно-демократическому и буржуазно-националистическому. Первое направление представляли трудящиеся массы. Их национальные лозунги сочетались с общими социально-политическими требованиями: власть — Советам, земля — крестьянам, мир — народам. Руководимые большевиками, они объединялись вокруг Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов без различия национальностей. Напротив, буржуазно-националистические группы, встретив враждебно победу Октябрьской революции, всемерно насаждая национальную рознь и обособление, блокировались с русской контрреволюцией. В разных районах Сибири этот блок принимал различные формы, но повсюду его антисоветское, антинародное содержание оставалось неизменным. Если, например, в Горном Алтае местные националисты, подстрекаемые томскими эсерами-областниками, пытались вести борьбу против Советской власти под флагом выделения Горного Алтая в «самостоятельный» округ, то бурятские националисты, поддержанные иркутскими и забайкальскими земцами, форсируют строительство национально обособленных автономных учреждений по схеме: бурятский сомон — хошун — аймак — Бурнацком. Факты, взятые в совокупности, показывают, что в основу такого рода «аймачной» автономии, являвшейся детищем бурятской буржуазной и феодально-клерикальной верхушки, закладывался лозунг национально-территориального обособления, впервые сформулированный в Брюссельской национальной программе австрийских социал-демократов. На аналогичных принципах строили свою государственность башкирские и калмыцкие буржуазные и феодально-клерикальные элементы. Но обстоятельства сложились так, что только в Бурятии государственные учреждения, базировавшиеся на национально обособленных административно-территориальных единицах, просуществовали вплоть до 1923 г.

Буржуазно-националистическому типу аймачной «национально-территориальной автономии» Центросибирь, бурятская группа большевиков противопоставляли подлинно интернационалистский тип областной советской автономии, организованной с учетом хозяйственных, бытовых, национальных и иных признаков, главное назначение и содержание которой заключалось в сочетании классовых интересов трудящихся всех народов с национальными интересами каждого из них. Выражая эту точку зрения, руководитель бурятской группы М. М. Сахьянова писала: «Примером того, как пролетариат борется против национально-сепаратистских стремлений крупной и мелкой буржуазии, служит резолюция украинских

Совдепов, которая гласит, что Украинская республика не национальная, а краевая Украинская республика, объединяющая все национальности и входящая в состав Всероссийской Федеративной Советской Республики. Так и только так может быть решен национальный вопрос в нашей Советской республике, как его разрешают товарищи украинцы»²¹.

Историческое значение Бурятской группы Центросибиря состоит в том, что она, смело порвав ржавые цепи национализма, заняла последовательную интернационалистскую позицию, настойчиво призывала бурятскую бедноту оставить национально обособленные учреждения, организовать в улусах и хошунах Советы и «в противовес стремлению кулачества создавать обособленные органы власти, образовать смешанные уездные, губернские Советы рабочих, крестьянских и бурятских депутатов»²².

Курс на создание русско-бурятских Советов, которым и должна принадлежать власть в автономной Бурятии, разрыв с буржуазными националистами отвечал не только классовым интересам пролетариата, но и патристическим, национальным интересам всего бурятского народа. В. И. Ленин подчеркивал, что «рабочие, предпочитавшие политическое (и идейное) сближение с *своей* буржуазией *единству* с пролетариатом других наций, совершили бы измену и социализму, и демократии, и *своей* родине»²³.

В период временного падения Советской власти в Сибири националисты поддерживали контрреволюционное Сибирское правительство и кровавую диктатуру Колчака, видя в этом единственное средство сохранения своих классовых привилегий. Все их разговоры о «национальном самоопределении» оказались пустым блефом. В системе колчаковской военно-бюрократической диктатуры буржуазно-националистические и феодально-клерикальные элементы выступали послушным орудием реакции, по их националистическим вождениям противоречили великодержавному курсу русской белогвардейщины. Вот почему колчаковцы не только осуществляли жесткое давление на своих партнеров по контрреволюции, но и подвергали репрессиям отдельных деятелей. На рабочем ходатайстве Бурнардумы о признании самоуправления один из колчаковских министров наложил выразительную резолюцию: «Выпороть бы вас».

Буржуазные и феодально-клерикальные националистические элементы, оказавшись в одном лагере с русскими белогвардейцами и иностранными интервентами, утратили ореол представителей национальных интересов. Трудящиеся массы убеждались в их несостоятельности и, постепенно изживая националистические предрассудки, шли на сближение с революционным пролетариатом и крестьянством, подключались к активной борьбе за власть Советов. На съезде сомонных депутатов Хоринского аймака, состоявшемся в феврале 1920 г., представители с мест отмечали: «Живя среди русского населения, мы, конечно, были вовлечены в движение. Отношения с русскими были дружественные, а недоразумений не было». Отметив, что сохранение хотя бы для видимости контактов с атаманом Семеновым является «фактом, налагающим позорное пятно на весь бурят-монгольский народ», съезд категорически потребовал от Бурнардумы «немедленного официального расторжения своего соглашения с атаманом Семеновым» и обратился с призывом к населению «в случае неподчинения думы настоящему требованию считать ее несуществующей и не подчиняться никаким ее распоряжениям»²⁴.

Изгнание колчаковцев и интервентов и восстановление Советской власти в Сибири позволили поставить вновь вопрос о создании таких форм национальной государственности, которые отвечали бы классовым задачам пролетариата и соответствовали национально-бытовым условиям угнетенных в прошлом сибирских народностей. В постановлении Политбюро ЦК РКП(б), проект которого в середине октября 1920 г. был подготовлен

¹⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 73.

¹⁹ КПСС в резолюциях и решениях..., т. 2. М., 1970, с. 45.

²⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 111.

²¹ Власть труда, 1918, 9 апреля.

²² Там же, 18 мая.

²³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 378.

²⁴ ЦГА ДВ, ф. Р-1465, оп. 1, д. 13, л. 82, 87.

В. И. Лениным²⁶, признано необходимым проведение в жизнь автономии в соответствующих конкретных условиях форм для тех восточных народностей, которые не имели еще автономных учреждений, в первую очередь для калмыков и бурят. Под руководством Сиббюро ЦК РКП(б) была проведена всесторонняя подготовительная работа. 27 апреля 1922 г. ВЦИК принял постановление об образовании в составе РСФСР Якутской Автономной Советской Социалистической Республики. 1 июня 1922 г. была образована Горно-Алтайская (Ойротская) автономная область.

Становление национальной государственности в Бурятии осуществлялось в своеобразных условиях. Бурятское население, проживавшее к западу от Байкала, оказалось в пределах РСФСР, а буряты Забайкалья — в пределах «буферной» Дальневосточной республики и на территории, остававшейся еще подконтрольной белогвардейцам и интервентам. Вплоть до ликвидации «читинской пробки» здесь продолжала функционировать Бурнардума, помогавшая семеновцам вести борьбу с партизанским движением.

Как в РСФСР, так и в ДВР государственное строительство среди бурят начиналось на основе национально ограниченных административно-территориальных единиц. Но в РСФСР аймачные и хошунные органы возглавили коммунисты и сторонники Советской власти, а в ДВР обстоятельства сложились так, что во главе национально обособленных органов оказались ставленники бурятского ийоната. Все это оказывало влияние на формы и методы решения национальных проблем. 9 января 1922 г. ВЦИК юридически оформил образование Бурят-Монгольской области РСФСР. Территориальная чересполосица и национальное обособление ликвидировались. Бурятская автономная область РСФСР возникла на принципах интернационализма и на базе власти Советов. Ликвидация национально-территориального обособления способствовала установлению взаимопонимания и дружбы между бурятами и русскими и изживанию национальных трений. В ДВР также образуется Бурят-Монгольская автономная область, но на основе национально обособленных административно-территориальных единиц. Безусловно, этот шаг представлял собой отступление от последовательного марксистско-ленинского решения вопроса. Но это был революционно целесообразный компромисс, обусловленный необходимостью осторожного подхода к нации, в которой процесс классовой дифференциации не достиг еще такой степени, чтобы можно было полностью отстранить от власти эксплуататоров. Сложилась ситуация, когда сохранение национально обособленных административно-территориальных учреждений и даже признание их автономии являлись ступенькой от национализма к интернационализму.

Коммунисты, идя на компромисс, последовательно боролись против национализма. Не только для передовых представителей бурятского народа, но и для широких масс становилось все более очевидно, что путь к возрождению идет через интернациональное сближение трудящихся в борьбе за власть Советов. Этот поворот к интернационализму, ярко проявившийся в момент самороспуска ДВР и начавшегося процесса советизации, означал историческое поражение бурятского национализма.

С воссоединением Забайкалья и Дальнего Востока встал вопрос об объединении двух бурятских областей в автономную республику. «Республика эта, — говорилось в докладной записке Бурятского обкома РКП(б), — ни в коем случае не должна строиться на практиковавшемся в ДВР принципе национального обособления бурятского населения... Организация Бурреспублики должна строиться по территориальному принципу, т. е. с включением в ее состав и чересполосного русского населения»²⁸.

Центральный комитет партии одобрил предложения Бурятского обкома РКП(б). 30 мая 1923 г. Президиум ВЦИК юридически оформил об-

разование Бурят-Монгольской АССР специальным декретом. Началась сложная и кропотливая работа по формированию центральных и местных органов управления, окончательному определению границ и внутриреспубликанскому районированию. Национальная чересполосица и обособление повсеместно ликвидировались. В отчете Бурревкома Первому республиканскому съезду Советов, состоявшемуся в декабре 1923 г., отмечалось, что «в основу районирования был положен принцип экономического тяготения»²⁷.

Опыт образования Бурятской АССР в известной мере можно считать уникальным. Он убедительно показал националистический характер Брун-ской национальной программы, выступавшей с требованием национально-территориального обособления, еще раз продемонстрировал животворную силу ленинской национальной политики и принципов советского национально-государственного строительства.

*Новосибирский государственный университет
им. Ленинского комсомола*

²⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 342.

²⁸ ЦГА БАССР, ф. 287, оп. 1, д. 101, л. 33.

²⁷ Образование Бурятской АССР. Сборник архивных документов. Улан-Удэ, 1964, с. 234.

Б. Л. БОРИСОВ

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ НАРОДОВ СИБИРИ

Шестидесятилетие СССР — знаменательное событие в жизни советского народа, свидетельство торжества ленинской национальной политики КПСС. В рамках Союза ССР, единого многонационального государства рабочих и крестьян, открылись невиданные возможности социального, экономического и культурного прогресса для всех народов нашей страны. В их числе и поднявшиеся к самостоятельному историческому творчеству благодаря Великой Октябрьской социалистической революции коренные народы Сибири, создавшие свою советскую национальную государственность в виде различных форм автономии.

Развитие национальной государственности у народов Сибири обеспечило широкое распространение социалистической демократии, создание реальных возможностей для непосредственного участия трудящихся всех национальностей в управлении государственным и общественными делами, их совместной деятельности и сближения в условиях строительства социализма и коммунизма. В ходе подготовки к 60-й годовщине образования СССР ЦК КПСС в специальном постановлении отмечал необходимость «широко освещать достижения союзных и автономных республик, автономных областей и округов...»¹

В настоящей статье рассматриваются основные этапы развития национальной государственности народов Сибири, т. е. Бурятской, Тувинской и Якутской АССР, Горно-Алтайской и Хакассской автономных областей, Ханты-Мансийского, Ямало-Ненецкого, Таймырского, Эвенкийского, Агинского и Усть-Ордынского Бурятских автономных округов.

В развитии национальной государственности народов Сибири с нашей точки зрения следует выделить три главных этапа.

Первый этап — становление и упрочение национальной государственности. Он начинается от Великой Октябрьской социалистической революции и длится до победы социализма в нашей стране, принятия Конституции СССР 1936 года и приведения в соответствие с ней всех форм национальной государственности, т. е. примерно до конца 30-х годов.

Второй этап — с конца 30-х годов и до принятия Конституции СССР 1977 г. Внутри этого этапа следует выделить два периода — с конца 30-х годов и до конца 50-х годов и с конца 50-х годов до 1977 г.

Третий этап начинается с принятия новой Конституции СССР в 1977 г. Как отмечалось на XXVI съезде КПСС, «с принятием Конституции СССР, а затем — конституций союзных и автономных республик начался новый этап в работе Советов народных депутатов»², а следовательно, и в развитии национальной государственности народов Сибири.

Различные этапы развития национальной государственности народов Сибири в исторической и юридической литературе освещены довольно неравномерно. Наибольшее количество литературы посвящено первому этапу развития национальной государственности, как по отдельным автоно-

миям, так и обобщающего характера³. По другим же этапам литературы значительно меньше, многие проблемы слабо изучены.

Особенности становления и развития национальной государственности народов Сибири тесно связаны со спецификой их социально-классовой структуры, с ее диалектическим развитием.

Как хорошо известно, до Великой Октябрьской социалистической революции коренные народы Сибири находились на различных стадиях докапиталистического развития. Из всей пестроты общественно-экономических укладов, существовавших в России⁴, среди народов Сибири преобладал патриархальный, т. е. имело распространение натуральное хозяйство, но с известной долей феодальных или полуфеодальных отношений, а также усиливающегося пропитывания капитализма из России. Основное население национальных районов Сибири было крестьянским с более или менее развитыми кулацко-байскими элементами. Развитого промышленного пролетариата среди них не было, пролетарская прослойка среди наиболее крупных народов состояла из наемных сельскохозяйственных рабочих — батраков. Лишь у некоторых народов существовала своя интеллигенция, весьма незначительная по удельному весу.

Не следует, однако, забывать, что коренные народы Сибири жили в России среди представителей других национальностей, прежде всего рядом с русским народом. И российский рабочий класс (главным образом русский) оказывал на них революционное влияние. Уже по переписи 1897 г. в Якутской области насчитывалось около 8,5 тыс. промышленных рабочих, а в Забайкальской области, где проживала основная масса бурятского населения, — свыше 15,5 тыс.⁵ Коммунистическая партия рабочего класса России видела в угнетенных отсталых народах своего союзника в борьбе с царизмом, с эксплуататорами.

После Великой Октябрьской социалистической революции влияние рабочего класса России на коренные народы Сибири еще более возросло. Рабочий класс через свою Коммунистическую партию, через свою советскую социалистическую государственность, несмотря на тяжелые условия гражданской войны, успешно претворяет в жизнь разрабатанную В. И. Лениным национальную политику, обеспечивает право наций на самоопределение и создание национальной государственности.

Обобщая первый опыт партии по государственному строительству среди ранее отсталых народов, В. И. Ленин в речи на втором конгрессе Коминтерна подчеркивал, что идея советской организации проста и может быть применяема не только к пролетарским, но и к крестьянским феодальным и полуфеодальным отношениям, «...установлено определенно, — говорил Владимир Ильич, — что всем трудящимся массам среди наиболее отдаленных народов близка идея Советов, что эти организации, Советы, должны быть приспособлены к условиям докапиталистического общественного строя...»⁶ Именно в советском строе рабочий класс России нашел ключ к решению национального вопроса, к созданию многонационального государства на началах подлинного равноправия национальностей и их добровольного союза.

Более крупные и развитые народы Сибири создают свою советскую государственность уже вскоре после окончания гражданской войны:

³ История национально-государственного строительства в СССР. Национально-государственное строительство в СССР в переходный период от капитализма к социализму (1917—1936 гг.). М.: Мысль, 1968; История Сибири, т. 4. Л.: Наука, 1968; Санжиев Г. Л. В. И. Ленин и национально-государственное строительство в Сибири (1917—1937 гг.). Улан-Удэ, 1971; Зибарев В. А. Советское строительство у малых народностей Севера (1917—1932 гг.). Томск, 1968; Федоров М. М. Развитие советской государственности в Якутии (1918—1937 гг.). Якутск, 1968; Шулунов И. Д. Становление советской национальной государственности в Бурятии (1919—1923 гг.). Улан-Удэ, 1972; и др.

⁴ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 296.

⁵ Численность и состав рабочих в России на основании первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. Т. 1, 1906, с. 4.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 246.

¹ О 60-й годовщине образования СССР. Постановление ЦК КПСС. Правда, 1982, 21 февраля.

² Материалы XXVI съезда КПСС. М.: Политиздат, 1981, с. 64.

в 1922 г. образуются Якутская АССР и Ойротская (Горно-Алтайская) автономная область, в 1923 г. — Бурят-Монгольская (Бурятская) АССР и Хакасский уезд (в 1925 г. преобразован в Хакасский округ, а в 1930 г. — в Хакасскую автономную область)⁷.

Такое решение национального вопроса у народов Сибири, становление и развитие их советской национальной государственности способствовало укреплению союза рабочего класса России с трудовым крестьянством национальных окраин.

Несколько иначе протекал этот процесс у малых народов севера Сибири, находившихся на более низком уровне развития. Здесь до начала 30-х годов как переходная форма к советской государственности действовали органы родового самоуправления, родовые Советы и туземные райисполкомы, через которые проводилась большая работа с трудящимися этих народностей, постепенно внедрялись идеи классового самосознания и навыки участия в управлении. И лишь в декабре 1930 г. после создания необходимых условий на территории расселения малых народов севера Сибири образуются автономии в форме национальных округов, а также отдельные национальные районы и сельсоветы. Выполняется одно из важных ленинских указаний: «...для устранения всякого национального гнета крайне важно создать автономные округа, хотя бы самой небольшой величины, с цельным, единым, национальным составом...»⁸.

Подробно процесс становления национальной государственности у малых народов севера Сибири, кроме уже упомянутой работы В. А. Зибарева, рассмотрен в ряде монографических исследований о развитии этих народов⁹.

В данной статье нам хотелось бы подчеркнуть некоторые главные особенности становления и упрочения национальной государственности у народов Сибири.

Становление национальной государственности народов Сибири проходило под руководством Коммунистической партии и государства рабочего класса. Партия и Советское государство помогли трудящимся всех народов Сибири создать и укрепить свои органы власти, администрации и суда, действовавшие на родном языке. В национальные районы были направлены лучшие кадры партийных, советских и комсомольских работников, врачей и учителей, знавших быт и психологию местного населения и беззаветно отдававших свои силы и знания подъему их экономики и культуры. Одновременно партия и Советское государство уделяли значительное внимание подготовке собственных кадров из трудящихся местных национальностей, особенно из молодежи. Формировались кадры национального рабочего класса и новой социалистической интеллигенции, прежде всего учителей, врачей, работников управления.

В этом процессе значительную роль сыграли специальные органы центральной власти — Наркомнат РСФСР (1917—1924 гг.), Комитет содействия народностям северных окраин при Президиуме ВЦИК (1924—1935 гг.), Совет Национальностей ЦИК СССР (1924—1936 гг.). Эти органы разрабатывали и проводили в жизнь мероприятия по всестороннему развитию национальной государственности, экономики и культуры народов страны, опираясь на научные исследования и обобщение опыта, для чего привлекались видные ученые и представители всех народов.

Таким образом, вопреки различным клеветническим утверждениям о «руссификаторской» политике и т. п., именно Коммунистическая партия

⁷ Основные вопросы создания и укрепления автономий Сибири освещены в работах: История Бурятской АССР, т. 2. Улан-Удэ, 1959; История Якутской АССР, т. 3. М., 1963; Очерки по истории Горно-Алтайской автономной области. Горно-Алтайск, 1973; Очерки истории Хакасии советского периода 1917—1961. Абакан, 1963.

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 148.

⁹ Бударин М. Е. Путь малых народов Крайнего Севера к коммунизму. КПСС — организатор социалистических преобразований в национальных районах севера Западной Сибири. Омск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1968; Увачан В. Н. Путь народов Севера к социализму. М.: Мысль, 1971; и др.

и Советское государство, российский рабочий класс, претворяя в жизнь ленинскую национальную политику, обеспечили создание и упрочение национальной государственности у всех народов Сибири в формах, соответствующих их национально-бытовым условиям. Это позволило за короткие сроки добиться значительных успехов в развитии экономики и культуры национальных районов, в активизации трудящихся масс и вовлечении их в единые ряды строителей социализма.

К 1936 г. повсюду были достигнуты успехи в коренизации государственного аппарата (от 1/4 до 1/3 работников государственных органов составляли представители коренного населения). Одновременно значительно выросли во всех национальных районах Сибири ряды рабочего класса и интеллигенции, в том числе и из представителей коренных национальностей, крестьянство в значительной мере стало колхозным. Окрепли партийные организации, в их составе увеличилось число коммунистов из местных национальностей.

Все это позволило поднять политическую активность самых широких масс трудящихся, укрепить дружбу и сотрудничество всех народов Сибири в борьбе за социализм. В результате такой политики Коммунистической партии народы Сибири приняли самое активное участие в обсуждении проекта Конституции СССР 1936 г. и в претворении в жизнь ее положений.

Так, например, только трудящиеся Бурятии, Якутии, Горного Алтая и Хакасии провели почти 8200 собраний по обсуждению проекта Конституции СССР 1936 г. на предприятиях, в колхозах и совхозах, на которых присутствовало свыше 415 тыс. чел. Проект Конституции также обсуждался на 923 пленумах Советов и исполкомов, на всех районных, областных и республиканских съездах Советов. Всего в этих четырех автономиях трудящиеся внесли более 2800 предложений и дополнений к проекту Конституции¹⁰.

Нельзя не подчеркнуть, что на районных съездах Советов в Бурятии среди 1818 делегатов насчитывалось 950 бурят, 753 русских и 115 представителей других национальностей, а на республиканском съезде Советов соответственно — 144, 130 и 25. На Всеякутском съезде Советов присутствовало среди 171 делегата 104 якута, 41 русский и 26 представителей других национальностей. В работе краевых съездов Советов Восточно-Сибирского, Западно-Сибирского и Красноярского краев принимало участие 1534 делегата, из них 1173 русских и 413 представителей других национальностей, а из 26 899 делегатов районных съездов этих краев русских было 22 741, представителей других национальностей — 4158¹¹.

Активно прошли и первые избирательные кампании на основе положений Конституции СССР 1936 г. и принятых в соответствии с ней конституций союзных и автономных республик¹² по выборам в Верховный Совет СССР (12 декабря 1937 г.), в Верховные Советы союзных и автономных республик (26 июня 1938 г.) и в местные Советы депутатов трудящихся (24 декабря 1939 г.).

Выборы в верховные и местные органы государственной власти позволили сформировать новую единую систему государственных органов во всех автономиях Сибири — систему Советов депутатов трудящихся, выдвинуть тысячи лучших представителей всех народов в эти органы и на руководящую работу. В Совет Национальностей Верховного Совета СССР было избрано 38 депутатов от автономий Сибири; в Верховный Совет Бурятии — 89 депутатов, Якутии — 130 депутатов, в местные Советы только этих двух республик — более 10 тыс. депутатов. Среди депутатов во всех автономиях Сибири — представители коренных народов, русские, украинцы и многие другие.

¹⁰ ЦГАОР, ф. 1235, оп. 114, д. 17, л. 14—15.

¹¹ ЦГАОР, ф. 1235, оп. 114, д. 18, л. 92—97, 110—116.

¹² Конституция РСФСР была принята 21 января 1937 г., Конституция Бурят-Монгольской АССР — 11 августа 1937 г., Конституция Якутской АССР — 9 марта 1937 г.

Так, например, в состав Верховного Совета Бурятии входило 43 бурят, 35 русских и 11 представителей других народов, в числе 371 депутата областных Советов Горного Алтая и Хакасии и окружных Советов шести национальных округов Сибири были 171 представитель коренных национальностей, 175 русских и 25 депутатов других национальностей. Всего в состав местных Советов РСФСР было избрано депутатами 4103 якута, 2270 бурят, свыше 2 тыс. представителей народов Севера, 644 алтайца и 577 хакасов¹³.

В 1938—1939 гг. в сибирских автономиях были избраны Верховные Советы в Бурятии и Якутии, областные Советы — в Горном Алтае и Хакасии, 6 окружных Советов национальных округов, 1 окружной Совет административного округа, 94 районных, 13 городских, 3 районных в городе, 26 поселковых и 1034 сельских Совета¹⁴.

Таким образом, характерными чертами начала второго этапа в развитии национальной государственности народов Сибири стало создание во всех автономиях единой системы Советов снизу доверху, вовлечение в политическую жизнь самых широких масс трудящихся (обсуждение проекта Конституции, избирательные кампании и т. п.), возрастание политической активности всех национальностей Сибири. По многим показателям народы Сибири встали в один ряд с другими народами страны, ранее более развитыми, становятся активными участниками социалистического строительства, управления делами общества и государства.

Серьезным испытанием для нашей страны стала Великая Отечественная война. Это испытание было выдержано с честью всеми народами Сибири. Они внесли достойный вклад в разгром гитлеровской Германии и империалистической Японии как активным участием на всех фронтах, так и героическим трудом в тылу¹⁵. Большую роль в деле мобилизации и организации масс для достижения победы над врагом сыграли органы государственной власти и управления национальных автономий Сибири.

В конце войны — в октябре 1944 г. — в состав СССР на правах автономной области РСФСР вошла Тува (в октябре 1961 г. преобразована в Тувинскую АССР)¹⁶. В течение нескольких месяцев после вступления Тувы в состав СССР ее государственные органы были перестроены в соответствии с Конституцией СССР.

После окончания Великой Отечественной войны государственные органы сибирских автономий развернули работу по восстановлению и дальнейшему развитию народного хозяйства, по ликвидации последствий войны. В эти годы возобновляется работа по подготовке партийных и советских кадров, по совершенствованию национальной государственности. Уточняются некоторые наименования автономий Сибири. Так, 7 января 1948 г. Ойротская автономная область переименована в Горно-Алтайскую автономную область, а ее областной центр Ойрот-Тура стал именоваться Горно-Алтайск. 7 июля 1958 г. Бурят-Монгольская АССР переименована в Бурятскую, Бурят-Монгольские Агинский и Усть-Ордынский национальные округа — в Бурятские¹⁷.

Начиная с 1946 г. регулярно проводились выборы органов власти, в Советы вовлекались новые силы, в том числе и из представителей народов Сибири.

¹³ ЦГА Бур. АССР, ф. 475, оп. 6, д. 331, л. 97—98; Итоги выборов в местные Советы депутатов трудящихся РСФСР 24 декабря 1939 г. М., 1940, с. 34, 42, 59, 77, 94, 111, 128.

¹⁴ РСФСР. Административно-территориальное деление на 1 апреля 1940 года. М., 1940, с. 8—13.

¹⁵ См. Народы Сибири в Великой Отечественной войне (Материалы науч. конф., посвящ. 50-летию образования СССР). Кызыл, 1973; Базаржапов В. В. Национальные районы Сибири и Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск: Наука, 1981; и др.

¹⁶ Подробный анализ национальной государственности Тувы, ее специфики и развития дан в работе: Хороший П. П. Социалистическая государственность тувинского народа. Кызыл, 1974.

¹⁷ Сборник Законов СССР. 1938—1967. Т. 1. М.: Известия, 1968, с. 163, 178.

Однако в первый период второго этапа развития национальной государственности (с конца 30-х и до середины 50-х годов) были допущены и некоторые ошибки, прежде всего шаблонность в решении ряда проблем без достаточного учета специфики социальной структуры, уровня культуры, уклада жизни и природно-экономических условий, особенно в районах Севера. В ряде случаев общие немалые успехи в развитии страны и республики, достижения всех автономий вызвали неправильные оценки уровня развития отдельных народов Сибири, желаемое принималось за действительное, происходило забегание вперед.

Отрицательно сказались и последствия Великой Отечественной войны: отвлечение (в том числе и из Сибири) основных сил, средств и кадров на восстановление западных районов страны.

На эти недостатки обратил внимание XX съезд КПСС, наметивший и пути их преодоления. В соответствии с решениями съезда центральные государственные органы СССР и РСФСР стали уделять большое внимание национальным районам Сибири, анализу работы их государственных органов, внимательному разбору недостатков в их деятельности, оказанию им необходимой помощи¹⁸.

Таким образом, после принятия в 1936 г. Конституции СССР, а в 1937 г. конституций союзных и автономных республик национальная государственность народов Сибири вступила в новый — второй этап своего развития. Унифицируется вся система государственных органов в сибирских автономиях (ликвидируются существовавшие ранее «кочевые Советы», особые законодательные акты и т. п.), обеспечиваются единые формы и методы их деятельности. Однако в этих районах еще сохраняются более низкие показатели уровня социально-экономического развития по сравнению со средним уровнем в СССР и РСФСР. Недостаточный учет этого привел в послевоенные годы к некоторому снижению темпов развития экономики и культуры.

После XX съезда КПСС начинается новый период второго этапа развития национальной государственности народов Сибири, когда исправление недостатков предшествующего периода позволило более быстрыми темпами двинуться вперед, в сравнительно короткие сроки достичь среднего уровня показателей СССР и РСФСР, а в отдельных районах и превзойти их, в полной мере использовать все возможности для развития каждой национальности.

Так, например, по переписи населения 1939 г. в СССР доля городского населения составляла 32%, в РСФСР — 33%, а в национальных районах Сибири лишь Хакасия (40%) и Бурятия (31%) по данному показателю были близки к этому уровню. В других районах он был значительно ниже (Тува — 5%, Горный Алтай — 15, Ханты-Мансийский округ — 8%, а Таймырский, Агинский и Усть-Ордынский округа вообще не имели городских поселений). Согласно данным переписи 1979 г., доля городского населения в СССР составила 62%, в РСФСР — 69, а в автономиях Сибири — в среднем 58%, причем отдельные из них достигли и даже превысили общесоюзный уровень (Якутия — 61%, Хакасия — 68, Ханты-Мансийский округ — 78, Таймырский округ — 65%)¹⁹. Городские поселения быстро развиваются во всех автономиях, их социальная структура меняется за счет роста рабочего класса, интеллигенции, возрастания культурного уровня населения всех национальных районов.

В связи с развитием промышленности, транспорта и совхозным строительством быстро пополняется рабочий класс национальных районов. В 1940 г. численность рабочих и служащих в национальных районах Сибири составляла 335 тыс. чел., в 1958 г. — уже 602 тыс., а в 1971 г. —

¹⁸ См. Ленин В. И. КПСС о советском многонациональном государстве. М.: Политиздат, 1981, с. 158—164; Национальная государственность союзных республик. М.: Юридическая литература, 1968, с. 76; и др.

¹⁹ Данные приводятся по материалам соответствующих Всесоюзных переписей населения, по Туве за 1939 г. — оценка на 1 января.

1230 тыс. чел.²⁰ В последующие годы в целях более быстрого подъема сельского хозяйства в большинство национальных районов Сибири Советское государство осуществило большие капиталовложения в эту отрасль. За исключением Бурятии, Бурятских автономных округов и Горного Алтая, во всех других автономиях Сибири колхозы были преобразованы в совхозы, а бывшие колхозники стали рабочими.

В ходе этих преобразований укреплялась национальная государственность народов Сибири, росла политическая активность масс, развивались все формы социалистической демократии. Выравнивание социальной структуры всех народов Сибири с общесоюзного хозяйства национальных районов привели в конечном итоге к тому, что все народы Сибири стали неотъемлемой частью сложившейся в нашей стране новой исторической общности людей — советского народа, достигнув за значительно более короткие сроки, чем другие народы, средних общесоюзных показателей, сравнявшись во всем с ранее более развитыми национальностями. В этом заслуга КПСС и Советского государства, успех ленинской национальной политики.

В развитии национальной государственности в районах Сибири произошли значительные сдвиги, которые привели к новому этапу, закреплению в Конституции СССР 1977 г. Всестороннее исследование этого этапа еще впереди, в данной статье хотелось бы отметить лишь его главные характерные черты.

Новая Конституция СССР как нормативная основа охватила все звенья автономий и законодательно закрепила все лучшее, что сложилось в национальной государственности за годы Советской власти. Кроме того, намечены пути, методы и формы ее дальнейшего развития и совершенствования, взят курс на всестороннее развертывание социалистической демократии с учетом специфики каждой автономии.

На основании и в соответствии с новыми Конституциями СССР и РСФСР в апреле 1978 г. в Бурятии, Туве и Якутии были опубликованы для всенародного обсуждения проекты новых Конституций этих автономных республик, а в конце мая на специальных сессиях республиканских Верховных Советов были приняты и введены в действие их новые Основные Законы.

Принятые Конституции соответствуют Конституциям СССР и РСФСР и учитывают особенности каждой автономной республики, специфику их развития. В этих конституциях закрепляется расширение прав автономных республик как в обеспечении экономического и социального развития на своих территориях, так и в решении вопросов, отнесенных к ведению РСФСР и СССР.

Конституция СССР (глава 11-я) и Конституция РСФСР (глава 9-я) предусматривают принятие специальных законов об автономных областях и округах. Важнейшие положения их правового статуса записаны в союзном законе об областных, краевых и окружных Советах народных депутатов. На этой базе Верховный Совет РСФСР 20 ноября 1980 г. принял Закон об автономных округах РСФСР, единый для всех автономных округов. По представлениям областных Советов после всестороннего обсуждения в каждой автономной области Верховный Совет РСФСР 2 декабря 1981 г. принял законы об автономных областях, в том числе Закон о Горно-Алтайской автономной области и Закон о Хакасской автономной области²¹. В этих законах закреплены предусмотренные Конституциями СССР и РСФСР более широкие права автономных областей и округов в социально-экономическом и культурном строительстве, в развертывании социалистической демократии.

На основе новой Конституции СССР в 1979—1980 гг. прошли выборы в Верховный Совет СССР, в Верховные Советы РСФСР и АССР и в мест-

ные Советы народных депутатов. В сибирских автономиях были избраны 9 депутатов в Совет Союза и 49 депутатов — в Совет Национальностей Верховного Совета СССР, 24 депутата — в Верховный Совет РСФСР, 505 депутатов — в Верховные Советы Бурятии, Тувы и Якутии, 1050 депутатов — в областные и окружные Советы народных депутатов и более 43,5 тыс. — в 109 районных, 35 городских, 3 районных в городе, 153 поселковых и 949 сельских Советов. В числе депутатов местных Советов — 7587 якутов, 5603 бурята, 2647 тувинцев, 1193 алтайца, 946 хакасов и более 4 тыс. представителей народностей Севера. На основе новой Конституции СССР значительно выросло и общее количество депутатов в Советах сибирских автономий, и численность депутатов из местных национальностей.

В составе депутатов местных Советов ярко отразились те существенные изменения, которые произошли в социальной структуре населения сибирских автономий. Среди избранных депутатов женщины составили 49,2%, молодежь до 30 лет — 35,6, рабочие и колхозники — 65,5, занятые в промышленности, строительстве, на транспорте и в связи — более 30, занятые в сельском хозяйстве — около 40%.

Существенно вырос образовательный уровень депутатов. В 1939 г. среди депутатов местных Советов сибирских автономий депутаты с высшим образованием составляли незначительную долю. В Якутии, например, во всех местных Советах было всего 102 депутата с высшим образованием, в том числе в сельских Советах — 11 депутатов. В областных Советах Горного Алтая и Хакасии и в пяти окружных Советах национальных округов было всего 28 депутатов с высшим образованием, а в Эвенкийском окружном Совете вообще не было депутатов с высшим образованием. В 1980 г. доля депутатов с высшим образованием в местных Советах сибирских автономий составила 22,4%, со средним — 52,6, с неполным средним — 20,6, а с начальным образованием — всего 4,4%. В числе депутатов избраны 52 доктора и кандидата наук. Таким образом, три четверти депутатов местных Советов всех автономий Сибири имели законченное высшее и среднее образование, в их числе — инженеры и техники, агрономы и зоотехники, врачи, учителя, многие передовые рабочие и колхозники²². Такой состав местных Советов позволяет им квалифицированно решать как все вопросы местного значения, так и общегосударственные проблемы. Именно такое положение позволило расширить права автономий, их Советов, закрепить это законодательно и успешно претворять в жизнь. В этом характерная черта национальной государственности на новом этапе ее развития.

И наконец, указанные особенности ведут к дальнейшей активизации трудящихся в управлении государственным и общественными делами, в развертывании социалистической демократии.

Во всех сибирских автономиях успешно претворяются в жизнь исторические решения XXVI съезда КПСС, в том числе и его указания о дальнейшем совершенствовании национальных отношений, национальной государственности. Обеспечение права всех наций на должное представительство в партийных и государственных органах, обеспечение специфических запросов граждан некоренных национальностей в области языка, культуры и быта, борьба против тенденций, направленных как на искусственное стирание национальных особенностей, так и на искусственное их раздувание — все это способствует дальнейшему сближению трудящихся всех наций на пути к коммунизму, успехам всех автономий и отмечающего свое шестидесятилетие многонационального и несокрушимого Союза ССР.

Новосибирская высшая партийная школа

²² Данные подсчитаны автором по источникам: Первая сессия Верховного Совета СССР (десятый созыв). Стеногр. отчет. М., 1979; Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1980, № 10; Народное хозяйство РСФСР в 1979 г. Стат. ежегодник. М., 1980; Итоги выборов и состав депутатов местных Советов народных депутатов РСФСР, 1980 г. Стат. сборник. М., 1980.

²⁰ Народное хозяйство РСФСР в 1961 году. М., 1962; Народное хозяйство СССР 1922—1972. М., 1972.

²¹ Советская Россия, 1980, 22 ноября; Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1981, № 49, ст. 1664, 1667.

В. С. ПОЗНАНСКИЙ

УЧАСТИЕ ТРУДЯЩИХСЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ РАЙОНОВ СИБИРИ В РАЗРАБОТКЕ КОНСТИТУЦИИ СССР

К 60-м годам XX века в СССР была достигнута полная и окончательная победа социализма, создано общество с высоким уровнем всех основных сфер общественной жизни — экономической, социальной, политической, духовной. «В совместном труде, в борьбе за социализм, в боях за его защиту родились новые, гармоничные отношения между классами и социальными группами, нациями и национальностями — отношения дружбы и сотрудничества», — констатировал XXIV съезд КПСС¹.

Создание общенародного социалистического государства вызвало необходимость принятия новой Конституции; XXV съезд КПСС предложил, чтобы в ней были зафиксированы завоевания социалистического строя, основные черты развитого социалистического общества и его политических организаций.

Новая Конституция страны, как и Конституции 1918, 1924 и 1936 гг., базировалась на ленинской установке о главной задаче социалистического законодательства: «Советская Конституция служит и будет постоянно служить трудящимся и является могучим орудием в борьбе за осуществление социализма... Советская республика объединяет трудящихся всех наций и отстаивает интересы трудящихся без различия наций»². С того времени, когда Владимир Ильич произносил эти слова перед рабочими Пресни, равенство наций в СССР стало не только юридическим, но и фактическим. Экономические связи внутри страны, взаимное обогащение духовной жизни всех наций и народностей СССР при все развивающихся межнациональных связях привели к появлению новой исторической общности — единого советского народа. В стране развитого социалистического общества ликвидировано само понятие «отсталый народ». Национальный вопрос получил подлинно гуманистическое разрешение, что привело к расцвету наций и их постепенному сближению, о чем и мечтал В. И. Ленин.

Весной 1977 г. проект Конституции СССР был вынесен на всенародное обсуждение. В него преемственно вошли главные, незыблемые для социалистического государства положения — утверждение абсолютного равенства людей, обязанность каждого трудиться и право пользоваться всеми благами социалистического общества. История, в первую очередь Великая Отечественная война, заставила ввести специальную главу о защите социалистического Отечества. Научно-техническая революция вызвала необходимость обратить внимание на сохранность природы. А в целом нужно было юридически оформить и законодательно закрепить исторические достижения советского народа. Перед всем миром Советский Союз мог гордо объявить, что в стране «построено общество мощной, планомерно расширяющейся экономики, неуклонного подъема благосостояния и культуры народа, социально-политического и идейного единства всех

классов и социальных слоев, нерушимой дружбы наций и народностей, общество подлинной свободы людей труда»³.

В обсуждении проекта Конституции приняли участие 140 млн. чел., что составило более 4/5 взрослого населения государства. Всенародный референдум проходил в обстановке политического и трудового подъема.

С энтузиазмом обсуждался проект Конституции в национальных районах Сибири — Бурятской, Тувинской и Якутской автономных республиках, Горно-Алтайской и Хакаской автономных областях и Агинском Бурятском, Усть-Ордынском Бурятском, Таймырском (Долгано-Ненецком), Эвенкийском, Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком национальных округах. Этому способствовала широкая гласность хода кампании, внимание к ней местных партийных органов. Был проведен ряд специальных организационных мероприятий. О наиболее интересных сообщениях в центральной печати. Так, корреспондент «Правды» А. Ставрухин на страницах газеты рассказал о том, что в Заиграевском районе Бурятской АССР райком КПСС и редакция газеты «Вперед» пригласили на беседу представителей лесхозов, колхозов и других производственных коллективов, которые привезли в райцентр предложения трудящихся⁴. В газетах появились постоянные рубрики «Важная веха нашей жизни» (иногда с разделом «Я предлагаю») в «Правде Бурятии», «Обсуждаем проект Конституции СССР» в «Социалистической Якутии» и т. д. Подобные рубрики ввели на своих страницах и газеты, выходящие на языках коренных народов Сибири. Партийно-советский актив, ученые выступали с лекциями на предприятиях, в учреждениях; агитбригады обкомов КПСС выезжали в сельскую местность и вылетали в отдаленные районы; тысячи агитаторов вели беседы с гражданами по месту жительства. Депутаты различных органов советского государственного аппарата проявили себя как лучшие пропагандисты. Так, на заседании Президиума Верховного Совета Бурятской АССР председатель Улан-Удэнского аймачного исполкома П. А. Горбунов, отчитываясь о работе местных Советов по организации всенародного обсуждения проекта Конституции СССР, доложил, что депутаты провели (до сентября) свыше трехсот собраний. На этих собраниях выступило более ста депутатов, внесено и собрано 1245 предложений, которые рекомендовано учесть при окончательном редактировании Конституции.

Объяснение активности депутатов и всего населения находим в высказываниях самих выступавших. Э. Сыренова в республиканской газете «Бурятская Правда» писала, что ее мать батрачила с десяти лет. Сама она выросла тоже в крайней бедности. Целым событием для девочки-бурятки был подарок деда — сшитое им из мешковины платье. Деда, красного партизана, вскоре убили белобандиты. Насколько контрастна прошлому сегодняшняя жизнь: «Я — рассказывала Э. Сыренова, — дочь батрачки, получила высшее образование, работу учителем и как депутат городского Совета участвую в обсуждении проекта Основного Закона нашей страны». Воспоминания о прошлом, о тяжелом ручном труде, которыми поделились на партийном собрании в Улан-Удэнском локомотивном депо старейшие работники А. К. Лихачева и В. В. Рыбинский, не только взволновали коммунистов-железнодорожников, но и вызвали огромный трудовой подъем.

Сравнения достигнутого с уровнем довоенных лет и особенно дореволюционного времени служили лучшим агитационным материалом. Это касалось и общих цифр, и конкретных фактов. Каждого советского человека восхищало, что национальный доход в СССР почти в 70 раз выше, чем в царской России. В Якутии с гордостью обсуждали данные, приведенные в докладе председателя Президиума Верховного Совета автономной республики А. Я. Овчинниковой о том, что с довоенной поры

¹ Материалы XXIV съезда КПСС. М.: Политиздат, 1971, с. 76.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 535, 536.

³ К советскому народу. К народам, парламентам и правительствам всех стран. М., 1977, с. 4, 5.

⁴ Правда, 1977, 18 августа.

объем промышленности возрос в 30 раз, сформировался большой отряд рабочего класса, который стал ведущей производительной силой в крае, в высокоразвитую отрасль превратилось сельское хозяйство, свершилась культурная революция, 2/3 населения имеет высшее, среднее и незаконченное среднее образование. В Хакасии в результате бурного промышленного развития в 60—70-х годах действовало более ста крупных предприятий, в том числе Сорский молибденовый комбинат, Черногорское КСО, Абаканский и Тейский железные рудники, Черногорский и Изыхский угольные разрезы, в числе ста работающих в автономной области кандидатов наук — 36 хакасов. В Туве, где в момент вхождения в СССР было всего 42 колесных трактора и 2 комбайна, теперь тысячи этих машин работают на совхозных полях, объем промышленной продукции после 1944 г. увеличился почти в 50 раз, а производство валовой продукции — в 20 раз. В Агинском Бурятском национальном округе Читинской области на собраниях приводили данные из отчета о завершении посевной в 1926 г., напечатанном тогда же в местной газете «Шэнэ Байдал» («Новая жизнь»): «В нашем Агинском аймаке посеяно 126,4 десятины разных культур», и сопоставляли с нынешней площадью сельхозкультур в 220 тыс. га. В Бурятии за 60 лет Советской власти в 3 раза увеличилось количество школ, учащихся в них — в 10 раз, а учителей — в 12 раз. Число последних достигло почти 10 тыс. Из 880-тысячного населения учились 206 тыс. чел. (в общеобразовательной школе, профтехучилищах, техникумах, вузах), 1/3 преподавателей в вузах Бурятской АССР имела ученые степени. Если в Якутии до Великой Отечественной войны было всего 3700 специалистов с высшим и средним образованием, то в 1977 г. их количество достигло 100 тыс., причем третья часть из коренного населения. В Турачакском районе Горно-Алтайской автономной области, где до революции была сплошная безграмотность, теперь действует 15 библиотек с книжным фондом в 140 тыс. экз. на русском и алтайском языках, и спрос на литературу все растет.

Типичная картина обсуждения проекта Конституции в национальных районах Сибири: сравнение прошлого и настоящего, разбор статей о правах и обязанностях советских людей, одобрение ленинской политики КПСС.

В колхозе имени Калинина Онгудайского района Горно-Алтайской автономной области при обсуждении проекта Конституции СССР первой попросила слово Е. Шабыкова. Подчеркнув, что Советская власть дала возможность женщине-алтайке учиться и творчески работать (она главный экономист колхоза), Е. Шабыкова напомнила, что после войны в хозяйстве было 10 конных плугов и примитивный сельхозинвентарь, а теперь — 36 тракторов, 25 автомобилей, 11 зерновых комбайнов. Выступавшая предложила одобрить новый текст Государственного гимна: «Хорошо, что оставлен без изменения первый куплет: «Союз нерушимый республик свободных сплотила навеки Великая Русь». Мы, малые народы, никогда не забываем, что именно Русь сплотила нас, именно русский народ поднялся на призыв великого Ленина, сверг царя, положил начало новому обществу. В братстве с русским народом народы нашей страны образовали могучий Советский Союз». Другие ораторы поддерживали проект новой Конституции в целом, особенно выделяя пункты о праве каждого на труд, о равенстве всех людей.

Единодушное одобрение без каких-либо предложений о поправках и редакции встретили у трудящихся статьи проекта Конституции, предусматривающие дальнейший всесторонний расцвет и неуклонное сближение всех наций и народностей СССР. Всем казались идеальными лаконичное определение главной задачи союзного многонационального государства: «сплотить все нации и народности в целях совместного строительства коммунизма» и развернутое положение о национальной программе: «Граждане СССР различных рас и национальностей имеют равные права. Осуществление этих прав обеспечивается политикой всестороннего развития и сближения всех наций и народностей СССР, воспитанием

граждан в духе советского патриотизма и социалистического интернационализма, возможностью пользоваться родным языком и языками других народов СССР».

Как известно, некоторые товарищи, исходя из посылки, что сложилась единая советская нация, внесли предложения о ликвидации союзных и автономных республик. ЦК КПСС отверг эти предложения, так как искусственное форсирование проходящего процесса кроме вреда ничего не принесет, о чем настойчиво предостерегал еще В. И. Ленин⁵. Можно с удовлетворением отметить, что в национальных районах Сибири подобные скоропалительные выводы об отмирании многонационального Союза, объединяющего на самой демократической основе 15 республик, и об отмирании Российской Федерации с ее автономными республиками и областями и национальными округами, не делались и на обсуждение не выносились.

Неверные положения некоторых философов и социологов, не сумевших понять Программу КПСС и решения XXIV съезда партии по вопросу развития национальных отношений и толкующих проходящий в стране процесс расцвета и сближения наций и народностей как «слияние» наций, были своевременно раскритикованы в печати. Конституцию СССР граждан развитого социалистического общества справедливо расценили как этапный и эпохальный документ дальнейшего расширения и углубления социалистической демократии. В нем народ прежде всего и желал видеть демократическое сочетание интересов СССР, как единого и нерушимого государства, и входящих в него республик.

Повсеместно на собраниях приветствовалось наличие в высшем органе законодательной власти — Верховном Совете СССР двух равноправных палат: Совета Союза и Совета Национальностей.

За десятилетия Советской власти нормой жизни стала совместная трудовая деятельность людей различных национальностей. Так, город Ак-Довурак в Тувинской АССР называют «город дружбы на Хемчике»: здесь на асбестовом комбинате им. В. И. Ленина трудятся и живут одними интересами инженеры, техники и рабочие тридцати национальностей. Если когда-то байская верхушка аборигенных народов Сибири пугала их приходом «пришельцев» — русских переселенцев, то теперь на местах только радуются прибытию новоселов, помогающих превращать неосвоенные огромные территории в развитые промышленно-аграрные районы. Еще в 20-е годы якутские буржуазные националисты прикрывали свою борьбу против Коммунистической партии и Советской власти лозунгами о грядущем наступлении многомиллионной «гидры», которая «вытеснит» якутов из их огромного края на побережье Северного Ледовитого океана, где они погибнут голодной смертью. Быстрый рост населения отнюдь не ведет коренные народы Северо-Востока к вымиранию от голода. Помимо роста продукции сельского хозяйства все увеличивается завоз продовольствия для удовлетворения нужд края. Так, Якутия во второй половине 70-х годов ежегодно получала из других районов страны 12 тыс. т картофеля, 8 тыс. т овощей, 30 тыс. т мяса и мясопродуктов, 160 тыс. т молочных продуктов⁶. И волнуют партийно-советские органы не вопросы «наплыва» массы населения, а совершенно иные. При обсуждении проекта Конституции СССР председатель Нерюнгринского горсовета М. П. Кочнев выдвинул предложение об усилении охраны природы в зоне формирования Южно-Якутского территориально-промышленного комплекса.

Очень редкие статьи «Проекта» вызывали принципиально различные мнения. Предметом спора оказалось снижение возрастного ценза избираемых в Верховные Советы СССР и РСФСР. Некоторые считали, что жизнь подтвердила решение, принятое в 1945 г., об отмене конституционного права выбирать депутатов в высшие органы с 18 лет. Но большинство

⁵ Брежнев Л. И. Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 6. М., 1978, с. 525.

⁶ Социалистическая Якутия, 1977, 7 сентября.

одобрило эту статью в «Проекте», учитывая резкое повышение знаний у молодежи.

В результате всенародного обсуждения в стране в Конституцию СССР вошло более 400 дополнений и поправок, которые коснулись более ста статей из 174. Значительная же часть предложений, полезных, но не подходящих для фиксации в Основном Законе, будет учтена при подготовке других законодательных актов. Многие предложения при обсуждении проекта Конституции в национальных районах Сибири касались усиления ответственности за качество производства работ, жесткого пресечения антиобщественных поступков (стяжательства, спекуляции, хулиганства), строгой охраны природы. К примеру, М. Птицын из с. Майя Якутской АССР предложил статью о допущении в СССР индивидуальной трудовой деятельности дополнить текстом о том, чтобы эта деятельность не стала источником наживы и спекуляции. Понятна озабоченность честного советского гражданина, но ведь в Конституции имеется прямое указание: «Государство регулирует индивидуальную трудовую деятельность, обеспечивая ее в интересах общества» (ст. 17-я). Поэтому очень многие пожелания трудящихся, хотя и выражают общественное мнение, не могли быть включены в Конституцию, а находят свое применение, исполняются в практической работе советских, судебно-правовых и других органов нашего государства.

7 октября 1977 г. вся Советская страна с радостью встретила утверждение новой Конституции СССР.

На ее основе были приняты новые Конституции союзных республик, в том числе РСФСР.

Обсуждение Конституции РСФСР совпало с поездкой Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева по Сибири и Дальнему Востоку. На встречах Л. И. Брежнева с партийным и хозяйственным активом, с трудящимися рассматривались вопросы перспектив и задач экономического развития восточных районов, что, естественно, благоприятно повлияло на ход обсуждения Конституции Российской Федерации в сибирском регионе страны. Зародилась идея включить в Основной Закон РСФСР специальную главу, посвященную государственному плану экономического и социального развития республики, который должен повысить роль и эффективность планирования на основе учета не только отраслевого, но и территориального принципа. В национальных районах Сибири активность трудящихся в этот период была на самом высоком уровне. Н. Ф. Агарков, первый секретарь Усть-Ордынского Бурятского округа КПСС, привел следующие данные: «Более 90 проц. самостоятельного населения округа приняло участие в обсуждении Конституции РСФСР, причем каждый восьмой выступил, выразил свое отношение, внес свои замечания и предложения»⁷.

Верховным Советам автономных республик, входящих в Российскую Федерацию, предстояло принять свои новые конституции, а Верховному Совету РСФСР законы об автономных областях и автономных округах России.

В начале 1978 г. в автономных республиках, в том числе находящихся на территории Сибири — Бурятии, Туве, Якутии, дополнительно прошла кампания по принятию своих конституций.

В республиках были созданы комиссии по подготовке конституций, которые возглавили первые секретари обкомов партии. В республиканской печати опубликовали проекты конституций, где наряду с воспроизведением положений из уже принятых Конституций СССР и РСФСР учитывались местные, в первую очередь — национальные особенности: национально-государственное и административно-территориальное устройство, которое не может быть изменено без согласия автономной республики; функционирование родного языка наряду с русским и обучение на нем

⁷ Внеочередная седьмая сессия Верховного Совета РСФСР (девятый созыв). 10—12 апреля 1978 г. Стенографический отчет. М., 1978, с. 141.

детей коренной национальности и т. д. Чтобы усилить заботу о женщинах, особенно в животноводческих районах, Верховный Совет Бурятской АССР образовал новую постоянную комиссию по вопросам труда и быта женщин, охраны материнства и детства.

С большим воодушевлением проходило обсуждение проекта собственной конституции в Туве. Принятая в СССР на правах автономной области Тува в 1961 г. была преобразована в автономную республику и не имела своей конституции. В новой республике произошли разительные перемены: в 1945 г. рабочие и служащие составляли менее 10% трудоспособного населения, а в 1977 г. — 70%; объем капиталовложений в четвертой (для Тувы первой) пятилетке был меньше, чем в девятой, в 33 раза; посевная площадь за это время увеличилась в 16 раз, достигнув 370 тыс. га и т. д. В Кызыле прошло около трехсот собраний, в которых участвовало почти 33 тыс. чел. и выступило 1047 чел. Всего в республике поступило 5730 предложений с одобрением проекта Конституции, а в них содержалось 143 предложения о необходимости внести изменения и редакционные уточнения в некоторые статьи. Одна из 17 выступивших на внеочередной 8-й сессии Верховного Совета республики депутат Верховного Совета СССР, чабан У. С. Манчит-оол рассказывала: «Жители Чаа-Холя смотрят телевизоры, живут в электрифицированных домах», что на всех собраниях «в 28 местах», где присутствовало около двух тысяч человек, народ единодушно одобрял проект Конституции Тувинской АССР⁸. (В животноводческом совхозе «Дружба» Улуг-Хемского района пришлось проводить такое большое количество собраний в разных местах из-за специфики работы, чтобы выслушать мнение чабанов на всех отгонных пастбищах.)

Редакционные комиссии внимательно изучили и рассмотрели все поступившие замечания и предложения. На прошедших в конце мая 1978 г. сессиях Верховных Советов республик редакционные комиссии доложили о своей работе и здесь с учетом дополнительных предложений депутатов окончательно приняли поправки. В Туве, например, по сравнению с проектом окончательный текст Конституции отличается изменением двух статей, редакционными уточнениями в шести статьях и поправкой, внесенной в одну статью.

Верховный Совет РСФСР на основе Конституции СССР, определяющей правовой статус автономных областей и округов, принял законы о них. В ноябре 1980 г. — об автономных округах (бывш. национальных округах) и в декабре 1981 г. — об автономных областях⁹. Согласно этим, новым в практике Советского государства, законам, национальным районам Российской Федерации, в том числе Сибири, предоставлены более широкие, сравнительно с прежним положением, полномочия во всех областях государственного, хозяйственного и социально-культурного строительства. Так, за органами государственной власти и управления автономных областей обеспечивается право сношения с органами государственной власти и управления СССР не только через соответствующие краевые органы, но и непосредственно. В бюджеты автономных областей передается часть прибыли расположенных на их территории предприятий, что значительно увеличивает материальные возможности местных органов власти. Гораздо больше предоставлено прав в вопросах использования и охраны земель, вод, лесов, подр. животного мира, что особенно важно для улучшения жизни малых народов.

Залогом несокрушимого Советского государства В. И. Ленин считал «те законы, тот государственный строй, который мы творим у себя»¹⁰. Новая Конституция СССР — блестящее итоговое подтверждение творчества масс на определенном историческом этапе жизни советского наро-

⁸ Внеочередная восьмая сессия Верховного Совета Тувинской АССР (четвертый созыв). Стенографический отчет. Кызыл, 1978, с. 66.

⁹ Советская Россия, 1980, 22 ноября, 1981, 3 декабря.

¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 288.

да. Можно гордиться, что и там, где некогда царили «патриархальщина, полудикость и самая настоящая дикость», аборигенные народы Сибири вместе со всем советским народом вступили на путь перехода к строительству непосредственно коммунистического общества. В братской семье подлинно народного государства им предстоит свершить очередной этап грандиозного ленинского плана, создать именно в нашей стране образец для всех народов мира — коммунизм. Как отмечено в решениях XXVI съезда партии и указано в постановлении ЦК КПСС «О 60-й годовщине образования Союза Советских Социалистических Республик», «развитой социализм наглядно демонстрирует перасторжимую взаимосвязь расцвета и сближения всех наций и народностей страны с углублением социалистической демократии. Историческим рубежом в развитии советского общества явилось принятие новой Конституции СССР»¹¹.

*Институт истории, филологии и философии
СО АН СССР, Новосибирск*

М. Н. КОЛОТКИН

НАЦИОНАЛЬНЫЕ СЕКЦИИ ПАРТИЙНЫХ КОМИТЕТОВ СИБИРИ
В БОРЬБЕ С ГОЛОДОМ
(1921—1922 гг.)

Переход молодой республики Советов после окончания гражданской войны к мирному хозяйственному строительству начинался в обстановке крайней разрухи, вызванной интервенцией и белогвардейской контрреволюцией. К лету 1921 г. положение усугубилось стихийным бедствием — сильной засухой, поразившей огромные пространства юга Украины, Поволжья и Северный Кавказ. Засухой и неурожаем оказались охвачены более тридцати губерний страны с общей численностью населения до 35 млн. человек. Жертвой неурожая стал каждый пятый гражданин республики¹.

Буржуазия всего мира пыталась представить дело так, будто голод есть прямое следствие социалистической революции. В. И. Ленин говорил, что в это время вся заграница закричала: «„Вот, смотрите, вот результаты социалистической экономики“». Вполне естественно, конечно, они промолчали о том, что на самом деле голод явился чудовищным результатом гражданской войны»².

Перед лицом грозной опасности ЦК РКП(б) организовал всенародную борьбу с голодом. В обращении «Задачи партии в борьбе с голодом», принятом 21 июля 1921 г., была намечена широкая программа первоочередных мероприятий по планомерной борьбе со стихийным бедствием. Центральный Комитет предписывал немедленно развернуть широкую агитацию с тем, чтобы поднять все партийные организации, массы рабочих и крестьян, как это было в дни военных нашествий.

Важная роль в мероприятиях партии по борьбе с голодом отводилась Сибири, где сельское хозяйство находилось в лучшем состоянии и меньше было разорено. Выступая на X съезде РКП(б), В. И. Ленин отмечал: «Излишков гораздо больше на различных окраинах республики — в Сибири, на Северном Кавказе, — но именно там всего меньше был налажен советский аппарат, именно там Советская власть была менее устойчива, и оттуда был очень затруднен транспорт»³.

Деятельность партийных органов Сибири по активному привлечению трудящихся на борьбу с голодом получила в литературе достаточное освещение⁴. Менее исследовано участие национальных меньшинств в борьбе с голодом. Этим и определяется задача настоящей статьи.

16 июля 1921 г. Сибревком принял решение о создании Сибирского комитета помощи голодающим (Сибкомголода) и его отделений во всех

¹ Поляков Ю. А. 1921-й; победа над голодом. М.: Политиздат, 1975, с. 19.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 285.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 13—14.

⁴ Хенкин Е. М. Трудящиеся Сибири в борьбе с голодом (1921—1922 гг.). Автореф. канд. дис. Томск, 1965; Чижев Г. И. Участие трудящихся Омской губернии в борьбе с голодом в 1921—1922 гг. — В кн.: Деятельность партийных организаций Западной Сибири в период восстановления народного хозяйства. 1920—1925 гг. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1965; Галкина Т. И. Продовольственные отряды Омской губернии в борьбе за хлеб (1920—1921 гг.). — В кн.: Сибирь и Дальний Восток в период восстановления народного хозяйства, вып. 4. Томск: ТГУ, 1965.

губерниях Сибири. В их состав вошли опытные партийные, советские и хозяйственные работники, представители общественных организаций, в том числе и представители национальных секций. Для работы среди национальных меньшинств в ряде губерний были созданы специальные уездные и волостные комиссии. Уже 8 сентября 1921 г. решением коллегии Сиббюро ЦК образован татаро-казахский комитет помощи голодающим⁵, а позднее и комиссии «помгола» для работы среди эстонцев, латышей, немцев, проживающих в Сибири.

В это же время, пользуясь всенародным бедствием, подняли голову буржуазные и националистические элементы. В августе 1921 г. был создан «Новониколаевский комитет по оказанию помощи еврейским детям голодающих губерний» («Евкомпод»). Отдел юстиции Сибревкома, возвращая переписку по поводу создания этого «комитета», отмечал, «что хотя к организации его законных препятствий не существует, но с принципиальной точки зрения недопустимо, чтобы при бедствии, носящем общенародный характер, создавались комитеты помощи, проникнутые узконационалистической тенденцией»⁶.

Весной 1922 г. на заседаниях Новониколаевского губкома РКП(б) рассматривался вопрос о «комиссии помощи голодающим», созданной в губернии из представителей духовенства, которые вели активную пропаганду религиозных взглядов среди татарского и казахского населения. Решено было передать этот материал на окончательное рассмотрение Сиббюро ЦК, а до принятия им решения вести борьбу против духовенства, используя для этого всякую возможность⁷.

Можно отметить некоторое искажение партийной линии и на первом этапе деятельности отдельных национальных секций РКП(б). На совещании ответственных секретарей губернских и уездных татаро-казахских секций партийных комитетов Сибири, проходившем 16 ноября 1921 г., в вопросе о помощи голодающим выявились определенные расхождения. Была принята резолюция о помощи только прибывающим в Сибирь и лишь после поправки Сиббюро ЦК постановили оказывать помощь не только прибывающим, но и оставшимся в голодающих губерниях⁸.

Немецкая и татаро-казахская секции сначала развернули работу в русле только национальной взаимопомощи. Специальная комиссия по проверке Сиббюро ЦК по оказанию помощи голодающим (председатель Южин-Яров), прибывшая в Сибирь в мае 1922 г., констатировала «весьма опасный и скользкий путь» татаро-казахской и отчасти немецкой секций, превративших кампанию по борьбе с голодом вообще в борьбу с голодом среди их национального населения⁹.

Подобные случаи свидетельствовали прежде всего о недостаточной политико-воспитательной и агитационно-пропагандистской работе партийных органов. Сказывалась и молодость сибирской партийной организации. Для изживания негативных моментов Сиббюро приняло самые энергичные меры. В циркулярном письме всем секциям Сибири, разосланном в сентябре 1921 г., оно настойчиво требует вести борьбу с голодом, основываясь на принципах пролетарского интернационализма. Еще раз это было подчеркнуто летом 1922 г., когда проверялась работа представительства Наркомнаца в Сибири.

Активную роль в организации трудящихся на борьбу с голодом сыграла партийная печать национальных секций. Газета «Сибирь Тээлине» — орган эстонской секции Сиббюро ЦК — отвела 15% объема всех газетных площадей для освещения этого вопроса. До 3 марта 1922 г. в 30 номерах было помещено 20 статей по этой проблеме¹⁰. Много статей по этой теме опубликовала татаро-казахская газета «Азад Себер». Немец-

кая газета «Дер Дорфрат» выпустила специальное обращение, в котором призывала немецкое население Сибири помочь голодающим Поволжья¹¹. Широко практиковался выпуск специальных листовок, брошюр, обращений, которые проникали в самые отдаленные уголки. Подотдел наименьшинств Новониколаевского губкома партии в апреле 1922 г. издал брошюру «На борьбу с голодом» тиражом 20 тыс. экз. Немецкая секция Алтайского губкома в специальном воззвании «На помощь голодающим братьям» обратилась ко всем немецким крестьянам губернии с призывом «считать оказание помощи Поволжью своей основной задачей», для чего добровольно отчислить не менее 1% с урожая в фонд голодающим, полностью выплатив при этом продналог и семенную ссуду¹². В воззвании татаро-казахской секции Каргатского укома РКП(б) Новониколаевской губернии «Помоги Поволжью — облегчишь свою тяготу» прямо говорилось, что нужно общими усилиями выполнить призыв партии: «Десять обеспеченных должны взять на свое попечение одного голодающего».

Развернулась широкая кампания по сбору добровольных пожертвований среди населения. Она имела огромное значение как подлинное проявление братской взаимопомощи и классовой солидарности всех трудящихся и коренным образом отличалась от обычной благотворительности, присущей буржуазному обществу. Подобные кампании носили коллективный и трудовой характер. К 20 февраля 1922 г. немецкая секция Сиббюро ЦК собрала для голодающих 15 тыс. пудов зерна, 749 пудов картофеля, более 4 млн. руб.¹³ Только в Славгородском уезде Алтайской губернии немецкими колонистами было собрано и отправлено в Маркштадтскую и Люксембургскую коммуны Поволжья 9 тыс. пудов преимущественно семенного хлеба¹⁴. Члены польской секции Новониколаевская добровольно отчислили в пользу голодающих часть заработной платы, что составило 49 тыс. руб. Татарская секция Иркутского губкома партии в феврале 1922 г. собрала 8 млн. 500 тыс. руб. и значительное количество продовольствия.

Распространенной формой помощи голодающим явились платные концерты и спектакли. Уже в августе 1921 г. Сиббюро ЦК дало разрешение польской агитлетучке получать плату за спектакли продуктами. Татаро-казахская секция Каинского укома партии Новониколаевской губернии провела в сентябре и октябре 1921 г. ряд спектаклей, интернациональный концерт-митинг, чистый сбор с которых составил 195 тыс. руб.¹⁵ Особенно успешно работали в этом направлении в Енисейской губернии, где спектаклями и концертами было охвачено большинство национальных деревень. Использовалась наглядная агитация. Во всех уездах Новониколаевской губернии к апрелю 1922 г. были организованы передвижные выставки и витрины с материалами о Поволжье, которые посмотрели тысячи людей¹⁶.

Посланные на места инструкторы национальных секций партийных комитетов сумели развернуть широкую агитацию в помощь голодающим. Этот вопрос стал главным в повестке дня проходивших повсюду крестьянских сходо, беспартийных конференций и собраний. У трудящихся Алтайской губернии в 1922 г. разместились свыше 980 немецких семей, эвакуированных из Самары и Саратова¹⁷. На всем пути следования эвакуированных и беженских масс, в основном в крупных городах и железнодорожных узлах, создавались пункты питания и медико-санитарного обслуживания, искивались необходимые дополнительные помещения для постоя. Татарская комиссия «помгола» в Томске открыла специальный

⁵ ПАНО, ф. 1, оп. 3, д. 19, л. 86.

⁶ ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 808, л. 110.

⁷ ПАНО, ф. 1, оп. 1, д. 1519, л. 53.

⁸ Там же, д. 1297, л. 31.

⁹ Там же, д. 1592, л. 107.

¹⁰ ПАНО, ф. 1, оп. 1, д. 1592, л. 106.

¹¹ Дер Дорфрат, 1921, 10 и 17 сентября.

¹² ПААК, ф. 2, оп. 1, д. 259, л. 5, 43.

¹³ ПАНО, ф. 1, оп. 1, д. 1592, л. 106.

¹⁴ Советская Сибирь, 1922, 27 апреля.

¹⁵ ПАНО, ф. 13, оп. 1, д. 953, л. 30, 32.

¹⁶ ПАНО, ф. 10, оп. 1, д. 955, л. 2.

¹⁷ ПААК, ф. 2, оп. 2, д. 283, л. 86.

дом для приема голодающих, который обслуживал до 70 человек¹⁸. Весной 1922 г. на пожертвования немецких крестьян сел Шиллинг и Поповна Новинской волости Омской губернии были организованы бесплатные столовые для прибывающих беженцев. Осенью 1922 г. немецкая секция Омского губкома партии провела обследование переселенцев из голодающих губерний, в ходе которого выяснилось, что требуется улучшение медицинского обслуживания населения¹⁹.

Особое внимание уделялось спасению детей. Наиболее распространенной формой помощи детям являлась их централизованная эвакуация из охваченных голодом районов в местности, благополучные в смысле урожая. По данным Е. М. Хенкина, в Сибирь в общей сложности прибыло из голодающих губерний 7345 детей организованным путем и более 10 тыс. стихийно²⁰.

С осени 1921 г. в Сибирь стали прибывать первые эшелоны и санитарные поезда с детьми, среди которых было много представителей национальных меньшинств. Партийным органам и национальным секциям необходимо было в кратчайшие сроки принять, разместить, одеть и накормить тысячи детей. Первая партия эвакуированных детей в количестве 160 человек была отправлена в Бийск. В сопроводительном послании говорилось: «Готовьтесь к встрече еще 550 детей. Спешите с дальнейшей посылкой детей до наступления распутицы». Нельзя читать без волнения телеграфные сообщения тех тревожных дней. «15 октября 1921 г. санпоезд номер 1044 отправлен Семипалатинск. На днях будет направлен номер 213. Количество детей 450. Выходе будет сообщено особо. Дети р а з д е т ы», — говорилось в телеграмме на имя Томского губернского отдела народного образования²¹.

В ноябре 1921 г. на заседании татаро-казахской секции Сиббюро ЦК РКСМ принято решение «выявить максимум энергии по устройству голодающих детей!» В Новониколаевской губернии было размещено свыше 3 тыс. детей, в Томской — 730²². Татарская секция Иркутского губкома РКП(б), приняв положенное ей по плану количество детей и обеспечив их самым необходимым, в октябре 1921 г. ходатайствовала перед татаро-казахской секцией Сиббюро ЦК о присылке им дополнительно еще двухсот детей. Вскоре в Иркутск был отправлен санпоезд, в котором находилось более 300 башкирских детей²³. В Славгородском уезде Алтайской губернии нашли приют и кров 400 немецких детей из Поволжья²⁴. Во многих городах и селах Сибири беженцы и их дети находили не только жилье и пищу. Велось обучение детей грамоте и различным видам ручного труда. На средства трудящихся национальных меньшинств открывались детские дома для эвакуированных детей, один из которых возник в с. Манзур Иркутской губернии. Всего же в Иркутской губернии было организовано 7 детских домов для детей татар и башкир, прибывших из Поволжья²⁵. По данным немецкой секции Омского губкома партии, «сбор средств в пользу немецких детдомов дал очень солидные результаты, ибо детские дома будут обеспечены продовольствием на всю зиму». К началу марта 1921 г. из Сибири в губернии, подвергшиеся стихийному бедствию, было отгружено 4 млн. 136 тыс. пудов семенного зерна²⁶.

Всего за период с июня 1921 г. по 1 февраля 1922 г. по семи сибирским губерниям было собрано пожертвований в пользу голодающих около 4 млрд. рублей в денежных знаках 1922 г., отправлено 225 вагонов продовольственных грузов.

В эти тяжелые дни страна Советов получила также интернациональную поддержку международного пролетариата, на средства которого было закуплено и отправлено в Советскую Россию более 33 млн. пудов продовольствия. Однако основным источником помощи голодающим являлись внутренние ресурсы. К середине марта 1922 г. трудящиеся Сибири обеспечили досрочный сбор продовольственного налога и продуктов питания для населения охваченных неурожаем мест. В фонд государства было сдадено 35 млн. пудов сельхозпродуктов, 1 млн. пудов мяса, 363,8 тыс. пудов масла. В пересчете на ржаные единицы было заготовлено около 49 млн. пудов²⁷. Политбюро ЦК РКП(б) объявило всем трудящимся Сибири глубокую благодарность за оказанную помощь.

В борьбе с голодом проявились высокая сознательность и дисциплина, подлинный патриотизм и интернационализм советского народа. Достойный вклад в преодоление грозного бедствия внесли трудящиеся многонациональной Сибири.

*Новосибирский государственный университет
им. Ленинского комсомола*

¹⁸ Известия Томского губкома РКП(б), 1922, № 15, с. 24.

¹⁹ ПАНО, ф. 13, оп. 1, д. 353, л. 32.

²⁰ Хенкин Е. М. Трудящиеся Сибири в борьбе с голодом..., с. 14.

²¹ ГАНО, ф. 1053, оп. 1, д. 367, л. 21.

²² ПАТО, ф. 1, оп. 1, д. 730, л. 17.

²³ ПАНО, ф. 1, оп. 1, д. 923, л. 35.

²⁴ Дер Дорфрат, 1921, 24 декабря.

²⁵ ПАНО, ф. 1, оп. 1, д. 1344, л. 22.

²⁶ Сибирский революционный комитет (авг. 1919 — дек. 1925 г.). Сб. док. Новосибирск, 1959, с. 338.

²⁷ Хенкин Е. М. Указ. соч., с. 11.

В. В. ДЕМИДОВ

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ
В СИБИРСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ДЕРЕВНЕ
(1926—1932 гг.)

Социалистическое преобразование деревни на основе ленинского кооперативного плана — историческое завоевание всех народов нашей страны. Для национальных районов, где крестьянство составляло основную массу населения, коллективизация сельского хозяйства стала основным содержанием и условием перехода к социализму.

Сибирские историки проделали большую работу по изучению истории социалистических преобразований в национальных районах Сибири, получивших в разное время статус автономных республик, областей и округов. В монографии «Историография крестьянства Советской Сибири» дан историографический анализ литературы по истории коллективизации в Бурятии, Якутии, Горном Алтае, Хакасии и у народностей Севера¹. Однако остается пока мало исследованным процесс коллективизации среди народностей, не имеющих в границах Сибири национальной государственности. Между тем изучение документальных материалов по истории сибирской деревни накануне и в годы коллективизации позволяет в некоторой степени восполнить этот пробел.

По переписи 1926 г. в Сибирском крае насчитывалось около 40 национальностей общей численностью 1913,3 тыс. человек, что составляло 22% ко всему населению края. Выходцы из европейской части страны: украинцы, немцы, латыши, эстонцы, поляки и пр. составляли около 70% нерусского населения Сибири. В партийно-советских документах тех лет они обозначались термином «западные национальности». Коренные народности Сибири, а также выходцы из Средней Азии и Поволжья (татары, казахи, мордва, чуваш и т. д.) именовались «восточными национальностями».

Создание автономных республик, областей и округов на территории Сибири обеспечивало для народов этих национально-государственных образований наиболее полное выявление возможностей экономического и культурного развития каждой национальности. Те же цели преследовались и при выделении национальных районов и сельских Советов. В апреле 1926 г. ВЦИК утвердил образование Горно-Шорского района, а в июне 1927 г. — немецкого. В 1929 г. в Славгородском и Омском округах организуются украинские Славгородский и Полтавский районы. Одновременно шло оформление национальных сельских Советов. На 1 октября 1927 г. в крае насчитывалось 487 национальных сельсоветов. Там, где хозяйственные и территориальные факторы затрудняли их выделение, сохранялись сельсоветы со смешанным населением, но в этом случае особое внимание уделялось представительству национальных меньшинств в Советах. Всего в Сибири имелось 713 смешанных сельсоветов².

Партийные органы, проводя курс на укрепление Советов, стремились обеспечить такую организацию их практической работы, которая охватывала бы повседневные нужды трудящихся и решала вопросы этих нужд при участии самих трудящихся. На пути решения этих задач стояли огромные трудности: малочисленность и распыленность сибирского отряда рабочего класса, огромные расстояния и слабые средства сообщения, недостаток подготовленных кадров из национальностей, более мощная, чем в других районах, кулацкая прослойка. В 1927 г. в Сибкрае кулаки составляли 6,7%, а в среднем по РСФСР — 3,7%. В немецких, латышских, эстонских и польских поселениях удельный вес кулачества достигал 10%³. В этих условиях еще более необходимой становилась последовательная работа по пробуждению классового самосознания и политической активности бедняцко-середняцких слоев деревни. «У пролетариата, — писал В. И. Ленин, — нет и быть не может иных средств против шатания мелкой буржуазии, как развитие классового сознания и сплоченности масс, обучение их на опыте политического развития»⁴.

Во время избирательной кампании в Советы в 1927 г. партийные организации основное внимание уделяли формированию бедняцко-середняцкого актива. Развернулась работа по проведению бедняцких собраний, ставших своеобразной школой политического воспитания и просвещения. По неполным данным на такого рода собраниях участвовало до 50% национальной бедноты. В целом избирательная кампания прошла удовлетворительно. Удельный вес национальностей в сельских Советах поднялся с 15,5 до 17,4%, улучшился их социальный состав.

В июне 1927 г. в Новосибирске состоялось I краевое совещание по работе среди национальных меньшинств. Присутствовало 68 делегатов, в том числе 28 представителей западных национальностей. Совещание, обсудив ряд хозяйственно-политических вопросов, разработало план практических мероприятий по укреплению бедняцко-середняцкого блока и усилению работы Советов, подготовке и выдвижению национальных кадров и развертыванию кооперативного строительства⁵. В руководящих органах кооперации были выделены инструкторы по работе среди национальных меньшинств. Документы совещания, ставшие своеобразным руководством для работы среди национальных меньшинств, были изданы отдельной брошюрой на русском, мордовском и татарском языках.

Кооперация являлась основной организационной формой движения крестьянства к социализму. Сибирь стояла на одном из первых мест в стране по степени кооперированности населения. В национальной деревне также наблюдался рост всех видов кооперации. В 1927 г. среди национальностей Сибкрая насчитывалось 276 простейших объединений различного типа, а также 10 коммун, 46 сельхозартелей и 31 товарищество по совместной обработке земли⁶. Активизировалась работа крестьянских комитетов обществ взаимопомощи (ККОВ). По неполным данным, в крае насчитывалось 243 национальных ККОВ, которые, наряду с организацией взаимопомощи, оказывали содействие кооперированию и выдвижению бедняцко-середняцкого актива на общедеревенские посты в советских и кооперативных организациях.

XV съезд ВКП(б), состоявшийся в декабре 1927 г., взял курс на коллективизацию сельского хозяйства. «В настоящий период, — говорилось в резолюции „О работе в деревне“, — задача объединения и преобразования мелких индивидуальных крестьянских хозяйств в крупные коллективы должна быть поставлена в качестве основной задачи партии в деревне»⁷. Съезд указал, что социалистическое преобразование деревни

³ ПИАО, ф. 2, оп. 1, д. 3955, л. 246; ф. 76, оп. 1, д. 570, л. 24.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 14, с. 269—270.

⁵ Решения I Сибирского краевого совещания по работе среди национальных меньшинств. Новосибирск, 1927, с. 15—18.

⁶ ЦГАОР, ф. 1235, оп. 123, д. 171, л. 226.

⁷ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 8-е изд., доп., т. 4. М., 1970, с. 57.

¹ Историография крестьянства Советской Сибири. Новосибирск, 1976, с. 400—475.

² ЦГАОР, ф. 1235, оп. 123, д. 146, л. 18.

должно осуществляться лишь на добровольной основе. Коммунистам предстояло развернуть среди трудящихся широкую пропаганду преимуществ крупного общественного хозяйства.

Видную роль в проведении директив XV съезда партии играли национальные секции Сибкрайкома ВКП(б): латышская, эстонская, татаро-казахская, немецкая, польская и мордовская. В 1928 г. национальные секции провели окружные и районные совещания партийного, советского и хозяйственного актива по вопросам о работе в национальной деревне и развитии колхозного движения.

Верным помощником партийных организаций выступал комсомол. При Сибкрайкоме ВЛКСМ действовали татаро-казахская, латышская, эстонская и мордовская секции комсомола. Комсомольцы активно участвовали в пере выборах в Советы, проводили собрания с беспартийной молодежью, работали в культпросветучреждениях. В их деятельности постепенно возникали новые направления: дифференцированный подход к различным группам молодежи, переход к планомерной работе среди батрачества и бедноты, содействие различного рода сельскохозяйственным товариществам и артелям.

В 1928—1929 гг. среди национальных меньшинств края было вновь организовано 13 коммун, 14 сельхозартелей, 36 ТОЗов, 58 машинных товариществ и 40 прочих объединений. Продолжалась работа по укреплению Советов и бедняцко-середняцкого блока. В ноябре 1928 г. Сибкрайисполком опубликовал подробный циркуляр о формах и методах работы среди нацменьшинств в связи с очередными выборами в Советы, а в конце ноября состоялся расширенный пленум Сибирского краевого Совета по делам национальных меньшинств.

Переыборная кампания в Советы прошла в обстановке нарастания политической дифференциации крестьянства. С одной стороны, повысилась активность бедноты и середняков, укрепился бедняцко-середняцкий блок, с другой — усилилось сопротивление эксплуататорских элементов. Однако кулакам и баям не удалось увлечь за собой бедняцко-середняцкие массы. В голосовании приняло участие 69,7% избирателей нерусского населения края. В среднем по РСФСР голосовало 60,7% избирателей⁸. Несомненно, это был крупный успех партийных организаций, сумевших сплотить вокруг Советов основные массы трудящихся национальных меньшинств.

Состоявшееся в июне 1929 г. краевое партийное совещание национальных работников констатировало «огромную популярность Советской власти среди трудящихся улуса, аула и деревни». Вместе с тем совещание подчеркнуло, что наступление на капиталистические элементы аула и деревни вызвало усиление сопротивления кулацко-байских и других антисоветских элементов. Совещание призвало усилить борьбу с враждебными вылазками кулаков и баев, активизировать работу по преодолению хозяйственной и культурно-политической отсталости, шире вовлекать батрачество, бедноту и лучших середняков во все звенья советских и хозяйственных органов, расширить подготовку кадров культпросветработников⁹.

Новая деревня создавалась революционным творчеством трудящихся крестьян в союзе с рабочим классом под руководством Коммунистической партии. В Сибири, в том числе среди национальных меньшинств, колхозное движение набирало темпы. Если на 1 ноября 1929 г. уровень коллективизации немцев Омского округа составлял 19,2%, то к 1 января 1930 г. он поднялся до 35%. В декабре 1929 г. Совет национальностей ЦИК СССР, рассмотрев доклад «О работе среди национальных меньшинств Сибкрая», указал на необходимость совершенствовать формы и методы работы среди нацменьшинств, завершить оформление национально-административных единиц, ввести в практику деятельности местных Советов

делопроизводство на родном языке, продолжить работу по коренизации советского и хозяйственного аппарата, усилить вовлечение крестьянских масс в колхозы¹⁰.

Большое значение придавалось учету национальных особенностей в колхозном строительстве. 11—14 февраля 1930 г. при Сибкрайкоме состоялось совещание работников западных национальностей. «Задача совещания, — говорил видный партработник Сибири, латыш Л. А. Папарда, — найти пути преодоления трудностей среди национальных меньшинств»¹¹. Основным условием колхозного строительства признавалось «самое широкое развитие всех видов массовой работы, поднятие активности и сознательности батрачества, бедноты, середняцких масс с тем, чтобы на основе подлинно массовой коллективизации разрешить и вторую логически вытекающую отсюда задачу — ликвидацию кулачества как класса». В качестве первоочередных намечались задачи: организовать и активизировать бедняцкие группы, поднять агитацию и пропаганду, командировать на места из промышленных центров отдельных работников и рабочие бригады из нацменьшинств, обеспечить обслуживание населения на родном языке, усилить интернациональное воспитание. В резолюции подчеркивалось: «Решительно осудить применение принудительных методов коллективизации и базировать всю работу по колхозному строительству на началах сплочения бедноты, батрачества и середняков и подъема их инициативы и самостоятельности»¹².

Решения совещания приобретали особую злободневность. Кулаки и другие противники Советской власти пытались сорвать коллективизацию, провоцировали национальную рознь, развернули агитацию за выезд из СССР. Эмиграционные настроения наблюдались у некоторой части немецкого, польского, белорусского, латышского и эстонского населения. Ошибки и искривления партийной линии в колхозном строительстве еще более усугубляли положение.

По решению Политбюро ЦК ВКП(б) 2 марта 1930 г. была опубликована статья И. В. Сталина «Головокружение от успехов», а 14 марта ЦК партии принял постановление «О борьбе с искривлениями партийной линии в колхозном движении». Борьба за устранение перегибов в колхозном строительстве, начатая в крае еще в феврале 1930 г., развернулась с новой силой. На места, в том числе и в национальные районы, был командирован окружной и краевой партийно-комсомольский актив. Видную роль в борьбе с искривлениями линии партии в колхозном строительстве сыграли рабочие-двадцатитысячники. В Сибирь их прибыло 1786, в том числе 85 эстонцев, латышей, евреев, поляков, немцев и других.

Исправление ошибок в колхозном строительстве сопровождалось важными экономическими мероприятиями. Колхозы и колхозники на два года освобождались от налогов на общественный и находящийся в личном хозяйстве скот. Анулировалась их задолженность по землеустройству. Предоставлялись некоторые другие льготы, в том числе и с учетом национальных факторов. В результате колхозное движение не только стабилизировалось, но и наметилось оживление в колхозном строительстве. XVI съезд ВКП(б), проходивший летом 1930 г., в связи с разворачиванием колхозного движения по-новому поставил вопрос об опоре Советской власти в деревне, подчеркнул, что колхозы могут быть построены только на основе добровольности, что основной формой колхоза является сельхозартель, но наряду с артелью, в некоторых районах незернового характера, а также в национальных районах могут получить массовое распространение товарищества по общественной обработке земли как переходная форма к артели. Съезд наметил меры по интернациональному воспитанию трудящихся, указал на необходимость борьбы как с уклоном к великодержавному шовинизму, так и к местному национализму.

¹⁰ ЦГА РСФСР, ф. 296, оп. 1, д. 431, л. 24.

¹¹ ПАНО, ф. 2, оп. 1, д. 4109, л. 3.

¹² Там же, ф. 3, оп. 3, д. 495, л. 47—50.

⁸ Революция и национальности, 1930, № 1, с. 90.

⁹ Известия Сибкрайкома ВКП(б), 1929, № 17-18, с. 11—18.

На основе перелома в настроении середняка — центральной фигуры доколхозной деревни, нарастали темпы коллективизации. За период с октября 1930 г. по апрель 1931 г. уровень коллективизации по национальным хозяйствам Западно-Сибирского края поднялся с 21,3 до 43,6%¹³. Вокруг вопросов колхозного строительства в деревне продолжалась острая классовая борьба. Кулацко-байские элементы пускали в ход подкуп, шантаж, угрозы, не останавливаясь перед актом индивидуального террора. В Павлоградском районе они убили организатора колхозов в казахских аулах Жондоса Идрисова, в Ново-Омском районе — активистку колхозного строительства среди эстонцев Алиде Омук, в Абаканском районе — селькора латгальской газеты т. Копрю. В Уярском районе Восточно-Сибирского края от рук кулаков пал председатель латышского колхоза «Тайга» Яков Крумин и т. д.

Часть кулаков и баев была экспроприирована еще в 1930 г. Но эта мера затронула лишь верхушечный слой. Условия для полной ликвидации кулачества как класса еще не созрели. К весне 1931 г. положение изменилось. К вопросу экспроприации кулачества нерусского населения партийные и советские органы подходили дифференцированно. Выселению подлежали кулаки-немцы. По отношению к кулакам других национальностей вопрос нуждался в дополнительном рассмотрении. При этом крайком ВКП(б) требовал «ни в коем случае не допустить раскулачивания административными мерами, без участия масс»¹⁴.

Расширение организационно-политической работы, активизация бедняцко-середняцких слоев деревни, решительная борьба с кулачеством и байством с учетом национальных особенностей обеспечили выполнение директив партии по колхозному строительству. К ноябрю 1931 г. уровень коллективизации по Западной Сибири достиг примерно 60%, по Восточной Сибири — 56%. Темпы коллективизации национальных хозяйств, несмотря на специфические трудности, не отставали, а порою превосходили среднесибирский уровень. В ноябре 1931 г. 67,3% национальных хозяйств Западной Сибири состояло в колхозах¹⁵. В Восточно-Сибирском крае уровень коллективизации национальных хозяйств в целом совпадал со среднекраевыми показателями.

21 ноября 1931 г. открылось очередное совещание национальных работников при Западно-Сибирском крайисполкоме. Отметив значительные успехи в хозяйственном и культурном строительстве, совещание пришло к выводу, что нацменьшинства Немецкого, Полтавского, Славгородского, Черлакского, Павлоградского, Родинского, Карасукского, Знаменского, Борисовского и других районов в основном завершили коллективизацию. Удельный вес социалистического сектора в посевных площадях поднялся в 1931 г. по сравнению с предыдущим годом с 36 до 83%, увеличилась товарность земледелия и животноводства. Было решено поставить в центр внимания советских и общественных организаций и в первую очередь самих колхозных масс вопросы организационно-хозяйственного укрепления колхозов, добиваться правильного учета и четкой организации труда, введения индивидуальной и групповой сдельщины, ликвидации обезлички, внедрения планового начала в работу колхозов, повышения трудовой дисциплины, распределения доходов в соответствии с количеством и качеством затраченного труда¹⁶.

Социалистическая перестройка деревни сопровождалась подъемом политико-массовой и культурной работы. В 1932 г. в национальных районах и селах Западной и Восточной Сибири действовало 1919 школ, 382 избы-читальни, 864 красных уголка, 52 библиотеки. В Западно-Сибирском крае было охвачено всеобщем 85—95% детей школьного возраста,

та, в Восточно-Сибирском крае — до 97%¹⁷. Велась напряженная работа по ликвидации неграмотности взрослого населения. Продолжалось издание национальных газет: на татарском — «Азат Себер» («Освобожденная Сибирь»), казахском — «Кзыл Ту» («Красное знамя»), латышском — «Сибирпяс Циня» («Борьба Сибири»), латгальском — «Тайснейба» («Правда»), немецком — «Коллективист», эстонском — «Коммунар». Их разовый тираж с октября 1929 г. по май 1932 г. увеличился с 13,5 тыс. до 35 тыс. экз.¹⁸

Коллективизация сельского хозяйства, означавшая великую революцию в экономических отношениях, во всем укладе многонационального крестьянства, стала основным и решающим этапом их приобщения к социализму. В ходе социалистического строительства происходил экономический и культурный подъем народов, создавались необходимые условия для социалистического развития всех наций и народностей Сибири.

Новосибирский государственный университет
им. Ленинского комсомола

¹³ ГАНО, ф. 47, оп. 1, д. 1144, л. 70.

¹⁴ ЦАНО, ф. 3, оп. 2, д. 242, л. 41.

¹⁵ ГАНО, ф. 47, оп. 1, л. 1144, л. 70.

¹⁶ Сборник постановлений и распоряжений президиума Западно-Сибирского крайисполкома, его управлений и отделов, № 35. Новосибирск, 1932, с. 3173.

¹⁷ ЦГА РСФСР, ф. 296, оп. 1, д. 533, л. 31; ЦАНО, ф. 3, оп. 5, д. 128, л. 123; Сибирская советская энциклопедия, т. 3. М., 1932, стлб. 661; Культурное строительство в Сибири, 1917—1941 гг. Сборник документов. Новосибирск, 1979, с. 337.

¹⁸ ЦАНО, ф. 2, оп. 1, д. 4343, л. 24; ф. 3, оп. 5, д. 504, л. 245.

Л. Н. КЕКАЛОВА

ЛИКВИДАЦИЯ БЕЗРАБОТИЦЫ В СИБИРИ — ОДНО ИЗ КРУПНЕЙШИХ ЗАВОЕВАНИЙ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Появление резервной армии труда в капиталистическом обществе впервые объяснил К. Маркс как социально-экономическое явление, порождаемое действием всеобщего закона капиталистического накопления¹. Важнейшим рычагом этого накопления является «избыточное» трудящееся население. В. И. Ленин подчеркивал, что «...Избыточное население... составляет необходимую принадлежность капиталистического хозяйства, без которой оно не могло бы ни существовать, ни развиваться»².

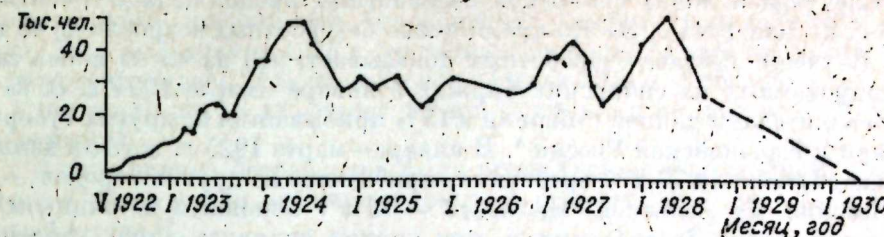
Для капиталистов — это резерв дешевой и бесправной рабочей силы, средство для усиления эксплуатации всего рабочего класса. Для трудящихся жз безработица — один лишь материальные, физические и моральные страдания и лишения.

Унаследованная от старого строя безработица при переходе от капитализма к социализму в Советской стране была крупной социально-экономической проблемой. До революции в Сибири, как и во всей России, не было полной занятости рабочих. Отходники и сезонные рабочие, скапливающиеся в городах, являлись источником безработицы, увеличивавшейся в годы промышленных кризисов.

Массы обездоленных людей существовали и в первые годы после революции. В апреле 1918 г. отделы труда зарегистрировали в Западной Сибири 10 тыс. безработных, в Восточной Сибири — 6 тыс.³ Государство рабочих и крестьян не имело еще необходимых материальных предпосылок полного уничтожения безработицы. Но сразу же в общей цепи первоочередных задач органы Советской власти разрабатывали и проводили в жизнь ряд мер, направленных на ослабление безработицы. Одним из существенных моментов в этом направлении явилось создание 25 октября 1917 г. Народного комиссариата труда (НКТ) в составе Советского правительства. На этот орган власти возлагались задачи не только учета и распределения трудовых ресурсов, но и оказания срочной помощи безработным.

11 декабря 1917 г. В. И. Ленин подписал «Положение о страховании на случай безработицы»⁴. Ленинский декрет лег в основу «Положения ВЦИК и СНК о страховании на случай безработицы», в котором впервые в мире в целях борьбы с безработицей было решено осуществлять социальное обеспечение не за счет отчислений рабочих, а за счет нанимателей и государства⁵. Однако гражданская война на время задержала создание органов труда и социального обеспечения в ряде районов страны.

В Сибири отделы труда, созданные в конце 1919 — начале 1920 г., сразу же после освобождения края от колчаковщины столкнулись с проблемой восстановления кадров пролетариата, распыленного за время империалистической и гражданской войн. По всему краю ощущался

Динамика зарегистрированной безработицы по данным сибирских бирж труда. Составлено по данным: ГАНУ, ф. 532, оп. 1, д. 1491, л. 40; д. 1492, л. 27; д. 1494, л. 1, 29; Профсоюзное движение, 1922, № 11, с. 29; Жизнь Сибири, 1925, № 7—8, с. 218, № 10—11, с. 213; Рогачевская Л. С. Ликвидация безработицы в СССР..., с. 149.

недостаток квалифицированной рабочей силы. Так, в 1920 г. по сибирским городам (без учета данных по Иркутску и Новониколаевску) органы Сибтруса смогли направить на работу лишь 32% требуемого количества⁶. В период «военного коммунизма» в Сибири, как и по всей стране, были введены чрезвычайные меры в области труда: всеобщая трудовая повинность и использование армии на трудовом фронте.

Переход к мирному строительству, к новой экономической политике совершался в сложной обстановке отсталости и разрухи. Методы регулирования трудовых ресурсов были очень сложными. С переходом к НЭПу встала задача рационального использования рабочей силы. С одной стороны, на предприятия начали возвращаться демобилизованные из армии рабочие и постепенно восстанавливалось отходничество крестьян в город на заработки, с другой — закрытие ряда предприятий и сокращение управленческого аппарата вело к появлению временного избытка рабочих рук.

Первые признаки безработицы в городах Сибири появились в 1922 г. На протяжении 20-х годов безработица заметно парастала. Имея несколько видов учета безработных, таких, как переписи населения, профсоюзный учет, остановимся на данных ежемесячного учета сибирских бирж труда. Допуская некоторую неполноту этих материалов, возьмем их за основу для изучения городской безработицы, так как через органы НКТ проходил основной контингент безработных.

Динамический разрез безработицы характеризует состояние рынка труда в Сибири (см. рисунок). Рост безработицы с 3 тыс. чел. в мае — июне 1922 г. до 23 тыс. чел. в июне 1923 г. объясняется следующими причинами: существовавшим аграрным перенаселением, начавшимся сокращением штатов, демобилизацией армии, возрастанием предложения женского труда и подростков в связи с потерей мужчин-кормильцев. Темп роста был значительным: безработица за год (с июня 1922 г. по июнь 1923 г.) возросла в 7,6 раза. Ее причины выявлены только по Новониколаевской бирже, но они показательны и для других районов. Ниже приведены данные на июнь 1923 г.⁷:

	%
Прибывшие из деревень и городов	
Новониколаевской и других губерний	41
Впервые предлагающие свой труд	24
Уволенные по сокращению штатов	19
Демобилизованные из Красной Армии	2
Прочие причины	14

В этот период прибывшие из сельской местности и других городов Сибири преобладали над количеством безработных, уволенных по сокращению штатов.

⁶ Прошин В. А. К вопросу о проведении всеобщей трудовой повинности в период «военного коммунизма» (конец 1919—1921 гг.). — В кн.: Вопросы истории советской Сибири. Томск, 1980, с. 47.

⁷ ГАНУ, ф. 532, оп. 1, д. 1481, л. 11.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 659.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 173.

³ Рогачевская Л. С. Ликвидация безработицы в СССР. 1917—1930 гг. М.: Наука, 1973, с. 69.

⁴ Ленин В. И. Биографическая хроника. Т. 5. 1917—1918 гг. М., 1974, с. 126.

⁵ СУ СССР, 1917 г., отд. 1, № 8, ст. 111.

Следующая волна сибирской безработицы продолжалась с сентября 1923 г. по май 1924 г. За это время число безработных возросло до 48 тыс. чел. Изучение состава безработных показывает, что из числа вновь зарегистрированных на сибирских биржах в январе—марте 1924 г. 85% являлись жителями данной губернии и 15% прибывшими из других губерний Сибири и Европейской России⁸. В январе—марте 1925 г. жители данного города составляли 77% безработных, прибывшие из других городов — 11, прибывшие из сельской местности — 12%⁹. Основным источником пополнения армии безработных в этот период являлись лица, уволенные по сокращению штатов и в связи с ликвидацией ряда предприятий и учреждений. По данным на январь—март 1924 и 1925 гг. на их долю приходилось от 47 до 58%, совсем не работавшие по найму составляли от 15 до 33%. Остальные слои населения составляли незначительную часть безработных¹⁰.

Рост безработицы в 1924 г. и спад ее на протяжении 1925—1926 гг. связаны с системой работы бирж труда и их учетом безработных. До 1925 г. биржи труда существовали как монопольные органы по посредничеству. Обращение к ним при найме рабочей силы и регистрации безработных на биржах труда были обязательны. Учет бирж труда за 1924 г. наиболее полно отражает состояние рынка труда в Сибири. С января 1925 г. была отменена обязательность найма через биржи, но за ними сохранялась посредническая деятельность. Очевидно, часть безработных перестала обращаться к услугам бирж труда; поэтому динамика безработицы и отражает понижение ее уровня по сравнению с 1924 г.

После реорганизации работы бирж труда профсоюзы Сибири настояли на включении в коллективные договоры с хозяйственными органами пункта об обязательности найма членов профсоюзов, зарегистрированных на биржах труда. Пик роста безработицы в апреле 1927 г., достигший почти 43 тыс., отражает наплыв безработных, являвшихся членами профсоюзов. Так, среди вновь зарегистрированных с октября 1926 г. по март 1927 г. члены профсоюзов составляли 83%¹¹. Динамика безработицы 1927—1928 гг. характеризовалась резкой сменой сезонных периодов: возрастанием числа безработных в апреле 1928 г. до 50 тыс. и спадом в октябре 1928 г. до 26 тыс. В октябре—ноябре 1927 г. профсоюзами была проведена всесоюзная перепись безработных. Изучение ее данных по Сибири показывает падение процента уволенных по сокращению штатов и увеличение процента сезонников (до 31). Значительное количество уволенных по собственному желанию (до 18%) говорит о текучести рабочей силы¹².

В целом основная причина существования безработицы в Сибири в 20-е годы — временное появление свободных рук, связанное с вынужденным закрытием мелких и средних предприятий и сокращением управленческого аппарата.

Среди безработных Сибири преобладали служащие и лица без определенной профессии и квалификации, впервые предлагающие свой труд. Около половины безработных составляли женщины и подростки, значительный процент приходился на долю неквалифицированных рабочих. Так, на 1 января 1924 г. профессиональный состав безработных по Сибири характеризовался следующими данными: транспортные рабочие — 4%, группа индустриальных профессий — 23, служащие — 39, чернорабочие и прочие — 34%. На 1 января 1925 г. соответственно — 6, 27, 32 и 35%¹³.

По возрастному цензу безработных можно разделить на три группы (данные на 1 января 1926 г.): лица средних возрастов от 22 до 39 лет — 53%; подростки и юношество — 27%; от 40 лет и выше — 20%¹⁴.

⁸ ГАНО, ф. 532, оп. 1, д. 1489, л. 2.

⁹ Там же, д. 1491, л. 10, 10 об.

¹⁰ Там же, д. 1489, л. 2 об.; д. 1491, л. 10, 10 об.

¹¹ ГАНО, ф. 532, оп. 1, д. 1491, л. 1.

¹² Итоги работы профсоюзов Сибкрая. 1927—1929 гг. Новосибирск, 1929, с. 31.

¹³ Подсчитано по: Жизнь Сибири, 1925, № 7—8, с. 218, № 10—11, с. 213.

¹⁴ ГАНО, ф. 532, оп. 1, д. 1491, л. 44 об.

Анализ продолжительности трудового стажа подтверждает наличие значительного контингента безработных, впервые предлагавших свой труд. Так, на 1 января 1926 г. по данным сибирских бирж труда без стажа зарегистрировалось 21%, со стажем до 1 года — 15, от 1 года до 5 лет — 26, от 5 лет до 10 лет — 12, свыше 10 лет — 16, стаж не указан — 10% безработных¹⁵.

В этот период безработица была сравнительно незастойной. Из всей массы 47% не имели работы сроком до 6 месяцев, 20 — до 1 года и 33% свыше 1 года¹⁶.

Таким образом, накануне первой пятилетки в Сибири, как и по всей стране, безработица сохранялась, но по своему характеру она была неиндустриальной и временной.

Борьба с безработицей была исключительно трудной. Изучение истории помогает взглянуть на прошлое, увидеть «истинное лицо» этого явления в Сибири, каким жесточайшим социальным недугом оно было для народа, особенно для тысяч людей, которые в силу обстоятельств оказались безработными. Характерный для тех лет момент: комиссия при Томской бирже труда, которая в феврале 1924 г. обследовала состав зарегистрированных безработных, отмечала их бедственное положение. «Рабочая. 38 лет. Вдова... На иждивении двое малолетних детей. Имущества никакого не имеет. Семья существует на пособие, выдаваемое на детей. Сама безработная недавно перенесла воспаление легких... Рабочий. 40 лет. На его иждивении жена и пятеро малолетних детей. Живут в квартире, состоящей из одной комнаты и кухни. По заключению комиссии семья находится в критическом положении, проживая последние вещи...»¹⁷.

За приведенными единичными примерами стояли тысячи безработных, таких же обездоленных и крайне нуждавшихся. Борьба с безработицей была общепартийной и общегосударственной задачей. Партия относилась к безработице и аграрное перенаселение к числу сложнейших трудностей на пути социалистического строительства. В решениях XV конференции ВКП(б) (1926 г.) говорилось: «Это ставит перед партией, профсоюзами и Советской властью задачу энергичной борьбы с безработицей. Как путем принятия ряда самых неотложных мер частного характера..., так и путем проработки в советском порядке (Госплан) и разрешения более общего вопроса о трудовом использовании избыточного населения»¹⁸. XV съезд партии (1927 г.) определил пути ликвидации безработицы: решительный курс на индустриализацию страны, на интенсификацию и коллективизацию сельского хозяйства¹⁹.

В комплекс мер партии, государства и профсоюзов, ослаблявших остроту безработицы, входили выяснение причин и учет безработных, наем на работу через биржи труда в порядке очереди, организация общественных работ и трудовых коллективов для безработных, выдача пособий для наиболее нуждавшихся, организация столовых и общежитий для безработных.

Объем этой работы в Сибири был значительным, государство отпускало очень большие средства. Финансирование на борьбу с безработицей шло по четырем основным каналам: социальное страхование, специальные ассигнования профсоюзов, поступления из государственного бюджета, ассигнования местных органов власти по местному бюджету. Основным источником оказания материальной помощи безработным было социальное страхование.

Денежное пособие, выдаваемое соцстрахом, зачастую являлось единственным средством существования для многих безработных. Общая сумма этой помощи в Сибири увеличивалась из года в год: в 1923/24 г. — 383 тыс.

¹⁵ ГАНО, ф. 532, оп. 1, д. 1491 л. 44.

¹⁶ Там же, л. 45 об.

¹⁷ ГАНО, ф. 532, оп. 1, д. 1493, л. 129а.

¹⁸ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 3. 1924—1927. М.: Политиздат, 1970, с. 395.

¹⁹ См. КПСС в резолюциях..., т. 4, с. 37.

руб., 1925/26 г. — 893, 1928/29 г. — 2718 тыс. руб.²⁰ Процент получающих пособие возрос с 4,8 в октябре 1923 г. до 30,5 в октябре 1925 г., в апреле 1927 г. он достиг 40²¹. Ежемесячный размер пособия также увеличивался: по группе квалифицированных рабочих с 7—8 руб. в начале 1924 г. до 12 руб. в начале 1926 г. По группе неквалифицированных рабочих соответственно с 4—5 до 8 руб.²²

Профсоюзы Сибири также выдавали пособие по безработице своим членам, зачастую независимо от того, получают ли они его по соцстраху. Размеры профсоюзных пособий были вполнину меньше пособий соцстраха и варьировались в зависимости от стажа работы, квалификации, наличия иждивенцев и средств самого профсоюза.

Важным видом трудовой помощи безработным было использование их на общественных работах. Эта форма помощи имела в условиях Сибири особое значение, так как большинство безработных не имело квалификации и по своему составу вполне соответствовало характеру общественных работ — мелiorативных, дорожных, лесных, коммунальных. Впервые общественные работы были проведены в Новониколаевске в 1922 г. Безработные занимались устройством насыпи, ремонтом дороги, засыпкой отвалов, плановой очисткой города, добычей камня, всего ими было отработано 16 400 рабочих дней²³. В основном работы осуществлялись на средства, отпускаемые центральными органами для Сибири. Это объяснялось слабостью местных бюджетов, тяжелым состоянием городского хозяйства. На общественные работы было ассигновано в 1925/26 г. — 50 тыс. руб., 1926/27 г. — 85, 1927/28 г. — 71, в 1928/29 г. — 343 тыс. руб.²⁴ Обязательное условие организации общественных работ — затрата главной части ассигнованных средств на выдачу зарплаты. Расходы на зарплату неквалифицированным рабочим составляли не ниже 75% общей суммы стоимости работ.

Вполне понятно, что общественные работы не могли ликвидировать безработицу или резко снизить число безработных в силу временного, эпизодического характера, но они облегчали положение безработных.

Другим видом трудовой помощи безработным стала организация трудовых коллективов. Трудовые коллективы стремились сохранить от распыления квалифицированную рабочую силу, временно оказавшуюся без работы. В 1925 г. трудовыми коллективами в крае было охвачено около 2 тыс. чел., в 1928/29 г. — 2,8 тыс. чел. Около половины безработных, входивших в них, были переданы хозорганам, как окрепшие коллективы²⁵. Наиболее жизнеспособными были коллективы деревообделочников и кожевников.

Исключительное значение в деле ликвидации безработицы имело обучение и переподготовка безработных, среди которых преобладал контингент чернорабочих. Подготовка рабочей силы органами труда проводилась как одно из значительных мероприятий, направленных на ослабление безработицы, особенно среди молодежи. В первые же годы роста безработицы в Сибири были организованы школы промышленного ученичества для безработных подростков: в 1923 г. их было 8 с 300 учащимися. На 1 октября 1925 г. обучалось 450 подростков²⁶.

В 1927/28 г. обучением и переподготовкой было охвачено около 2 тыс. безработных, из них более половины обучались строительным специаль-

²⁰ ГАНО, ф. 12, оп. 1, д. 287, л. 335—336; ф. 532, оп. 1, д. 422, л. 42 об. (Отчеты приводились по хозяйственному году).

²¹ Подсчитано: Жизнь Сибири, 1925, № 7—8, с. 218; № 10—11, с. 213; ГАНО, ф. 532, оп. 1, д. 1494, л. 10.

²² ГАНО, ф. 532, оп. 1, д. 1489, л. 5 об.; д. 1491, л. 50 об.

²³ Там же, д. 1474, л. 17.

²⁴ Сибирская Советская Энциклопедия, т. 1. Новосибирск, 1929, стлб. 265; ГАНО, ф. 532, оп. 1, д. 422, л. 40 об., 42.

²⁵ ГАНО, ф. 532, оп. 1, д. 422, л. 40 об.

²⁶ Профессиональное движение, 1923, № 2, с. 91; ГАНО, ф. 532, оп. 1, д. 139, л. 4—9, 11а, 12, 14, 26.

ностям. Объем финансирования на подготовку рабочих кадров в этом году достиг 175 тыс. руб.²⁷

В последние годы существования безработицы в Сибири подготовка рабочей силы сводилась к удовлетворению спроса на квалифицированных рабочих, который предъявлялся промышленностью. В 1928/29 г. 1,8 тыс. безработных были охвачены переобучением, а сумма расходов для этой цели составила почти 170 тыс. руб.²⁸

В условиях развернувшейся реконструкции народного хозяйства, бурного развития промышленности, строительства и транспорта все большее количество рабочих рук вовлекалось в народное хозяйство Сибирского края. В результате осуществления ленинского плана строительства социализма, главными звеньями которого являлись социалистическая индустриализация, кооперирование крестьянства и культурная революция, была ликвидирована безработица в нашей стране и обеспечивалось реальное право на труд.

О ликвидации безработицы в СССР в 1930 г. сообщалось в юбилейном номере «Правды» от 7 ноября 1930 г.: «ПРОЛЕТАРИИ СССР В СОЮЗЕ С ТРУДЯЩИМСЯ КРЕСТЬЯНСТВОМ ПОД РУКОВОДСТВОМ ВКП(б)... ДОВЕЛИСЬ ПОЛНОЙ ЛИКВИДАЦИИ БЕЗРАБОТИЦЫ». В декабре 1930 г. объединенный Пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) еще раз подчеркнул факт уничтожения безработицы в стране²⁹.

Более 50 лет развивается Советский Союз в условиях полного отсутствия безработицы. Отмечая великие достижения советского народа, Л. И. Брежнев очень верно определил: «Социализм дал нашему народу то, чего нет у трудящихся самых богатых капиталистических стран: освобождение от гнета капиталистов, чувство уверенности в завтрашнем дне. Советские люди не знают, что такое эксплуатация, что такое безработица, и не будут знать этого никогда»³⁰. Опыт Советского Союза дал человечеству убедительные доказательства того, что только социализм несет людям благосостояние, уничтожает безработицу, нищету, гарантирует им право на труд.

Институт истории, филологии и философии
СО АН СССР, Новосибирск

²⁷ ГАНО, ф. 532, оп. 1, д. 422, л. 42.

²⁸ Там же, л. 40, 40 об.

²⁹ КПСС в резолюциях..., т. 4, с. 492.

³⁰ Брежнев Л. И. Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 2. М., 1970, с. 96.

А. Г. БОРЗЕНКОВ, В. А. МИНДОЛИН

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЕ ВОСПИТАНИЕ МОЛОДЕЖИ В НОВОСИБИРСКОМ НАУЧНОМ ЦЕНТРЕ

Характерная черта развития науки в условиях развитого социализма — формирование крупных научных центров. В 1982 г. исполняется четверть века СО АН СССР и его сердце — Новосибирскому научному центру, в котором работает и живет сегодня около 80 тыс. чел.¹ Опыт формирования Новосибирского научного центра получил одобрение в постановлении ЦК КПСС от 27 января 1977 г. о деятельности Сибирского отделения Академии наук СССР².

Одним из важнейших условий становления Новосибирского Академгородка стала подготовка высококвалифицированных научных кадров, воспитание у молодежи активной жизненной позиции.

Молодежь определяла лицо Новосибирского научного центра на всех этапах его развития³. Кроме научной молодежи ряды послевоенного поколения в Новосибирском Академгородке пополняют студенты университета и политехникума, молодые рабочие Сибирского машиностроения и предприятий сферы обслуживания, курсанты Новосибирского высшего военно-политического общевойскового училища, учащиеся ГПИТУ и школ.

Эффективным средством повышения гражданской активности и формирования марксистско-ленинского мировоззрения молодежи Новосибирского научного центра стала интернациональная работа партийных и комсомольских организаций.

За годы существования Новосибирского Академгородка его общественные организации накопили богатый опыт по интернациональному воспитанию молодежи, который может представлять интерес для научных центров, находящихся в стадии становления.

Подготовка к 60-летию образования СССР по-новому высвечивает значимость этого опыта, ибо одним из главных источников прочности и могущества советского многонационального государства всегда было интернационалистское сознание населения нашей страны.

В определении форм интернационального воспитания молодежи в Новосибирском научном центре ведущую роль, как отмечал академик Г. И. Марчук, сыграла комсомольская организация университета⁴. И это не случайно. С середины 60-х годов Новосибирский университет стал выступать в качестве основного источника комплектования кадров институтов Новосибирского Академгородка⁵, а комсомольская организация ИГУ

¹ В этом и других случаях, где статистические данные не подтверждаются соответствующими ссылками, использованы материалы текущих архивов Советского РК КПСС и Советского РК ВЛКСМ, комитета ВЛКСМ и оргкомитета Недели интернациональной солидарности Новосибирского университета.

² Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. Изд. 8-е, доп. Т. 12, 1975—1977. М., 1978, с. 419—424.

³ Лаврентьев М. А. Наука. Технический прогресс. Кадры. Новосибирск, 1980, с. 110; За науку в Сибири, 1979, 26 июля.

⁴ Марчук Г. И. Молодым о науке. М., 1980, с. 287.

⁵ Романов А. К., Андреева Л. А., Фелингер А. Ф. Научные кадры Сибирского отделения АН СССР. Методы и результаты статистического исследования. Новосибирск, 1979, с. 5, 26, 37.

была и продолжает оставаться крупнейшей комсомольской организацией Советского района. Немаловажно и то, что интеграция университета и научно-исследовательских институтов Академгородка означает постоянное участие лучших интеллектуальных сил Новосибирского научного центра в преподавательской деятельности, в работе со студентами, с одной стороны, а с другой — постоянную производственную практику студентов старших курсов в институтах, когда примерно тысяча студентов становятся их полноправными членами.

Перспективные формы идеологической, политико-воспитательной работы, получившие первоначальное развитие в ИГУ, благодаря этому активно и быстро распространяются в других подразделениях Новосибирского научного центра.

Охарактеризуем кратко развитие основных форм работы по интернациональному воспитанию молодежи в Новосибирском научном центре в течение 25 лет его существования.

Уже само строительство Академгородка, провозглашенное ЦК ВЛКСМ Всесоюзной ударной комсомольской стройкой, привлекло сюда юношей и девушек десятков национальностей. Интернациональным является и коллектив ученых. По имеющимся данным, в первой половине 70-х годов в Новосибирском научном центре трудились, проходили стажировку и учились представители более 30 национальностей⁶.

Опыт Сибирского отделения в целом и Новосибирского научного центра в частности включает в себя прочную традицию взаимодействия и преемственности старшего, среднего и младшего поколений исследователей. Эта традиция закладывалась с первых дней существования Академгородка. Основатели и ведущие ученые СО АН СССР академики М. А. Лаврентьев, С. А. Христианович, С. Л. Соболев и другие обладали огромной, мобилизующей молодежь силой примера. Одновременно они выступали как носители высокого международного авторитета, воспитывая учеников в духе патриотизма и интернационализма, в духе ясного понимания сложной диалектики национального и интернационального в развитии современной науки.

Ведущие ученые — директора институтов Новосибирского научного центра — стали руководителями созданных в 1963—1964 гг. философских (методологических) семинаров. Эти семинары, зарекомендовавшие себя в качестве основной формы политической учебы научных сотрудников и насчитывавшие уже в начале 70-х годов свыше 2 тыс. участников⁷, привлекали молодежь возможностью коллективно осмысливать актуальные проблемы социально-политического и духовного развития советского общества и международных отношений в тесной и непосредственной связи с задачами, ходом и результатами конкретной исследовательской деятельности. Здесь формировалось понимание громадной роли отечественной науки в мировом научном процессе, понимание путей реализации данной науки как непосредственной производительной силы развитого социализма⁸.

Актуальность работы по пропаганде идей пролетарского интернационализма у молодежи обуславливалась еще и тем, что научная и общественно-политическая жизнь Академгородка приобретала все более интернациональный характер. Это прежде всего было связано с расширением международного научного обмена. Характеризуя усиление научных контактов, уместно привести данные о том, что если в начале 60-х годов из Новосибирского научного центра ежегодно выезжало за рубеж в научные командировки 70—80 чел., то в конце 70-х годов — около 700 чел. В последнее десятилетие в Академгородке побывало до 20 тыс. зарубежных ученых

⁶ Яновский Р. Г. Политическая учеба в научном коллективе. М., 1974, с. 11.

⁷ Там же, с. 44.

⁸ Вопросы философии, 1980, № 2, с. 97—98.

из 25—30 стран. Ежегодно здесь проводится свыше 20 международных симпозиумов, конференций, совещаний⁹.

«Известно, что одна из важных особенностей развития современной науки — формирование устойчивых, разветвленных связей на международном уровне, совместная работа ученых — представителей различных стран над крупнейшими проблемами современности». — писал Г. И. Марчук¹⁰. С наметившимся в 70-е годы повышением значения Сибири в решении ряда важных глобальных проблем (энергетической, охраны биосферы, рационального использования природных ресурсов Земли) непрерывно возрастала и роль сибирских ученых. Это нашло отражение в программе «Сибирь» — наиболее крупной интегральной программе, разработанной Сибирским отделением¹¹. Ясен ее широкий общенациональный и международный смысл. Научная и вузовская молодежь все более активно участвует в реализации этой программы.

Наряду с ростом международных научных контактов увеличивались число и интенсивность ведущих в Академгородок международных туристских маршрутов, особенно молодежных. Только за лето 1979 г. научная молодежь Новосибирского научного центра приняла 70 иностранных туристических групп, в том числе 30 из капиталистических стран. В состоявшихся встречах и дискуссиях участвовали сотни молодых ученых, студентов, рабочих, продемонстрировавших высокий уровень политической культуры — информированность, убежденность, четкость идейных позиций¹².

Одной из наиболее впечатляющих форм интернационального воспитания молодежи в Новосибирском научном центре стали массовые интернациональные политические акции. Социально-психологический, эмоциональный эффект такого рода акций неоднократно подчеркивал В. И. Ленин. Он, в частности, обращал внимание на «действительно и серьезно «агитирующее» (возбуждающее), и не только возбуждающее, но и (это гораздо более важно) воспитывающее действие» событий, в которых «действующим лицом является сама масса, которые порождаются ее настроением»...¹³ В наброске статьи, относящемся ко времени первой русской революции, В. И. Ленин писал о «летучках», «массовках», которые, воздействуя на людей, подводят сами собой к той высшей форме, которая восторгается у нас на другой день революции, именно: «к «массовкам» как главному средству политического воздействия на пролетариат и социал-демократического воспитания его»...¹⁴

Истоки массовых интернациональных политических акций уходят в 60-е годы. В 1966 г. по инициативе комсомольцев Новосибирского государственного университета была проведена первая маевка. В ней участвовало около 300 студентов. С каждым годом число участников маевки увеличивалось, на 16-ю политическую маевку в 1981 г. собралось уже до 15 тыс. чел., главным образом студентов, молодых научных работников, рабочих и школьников Новосибирского научного центра¹⁵.

Главный лозунг маевки — лозунг солидарности с революционными силами современности. В маевках участвуют представители зарубежных партий и организаций, борющихся против империализма и реакции, гости из социалистических стран. В последние годы участниками маевки были, например, секретарь ЦК Компартии Уругвая Э. Вьера, молодые чилийские коммунистки Мария-Виктория и Вивiana Корвалан, глава представительства Организации освобождения Палестины в СССР Рами аш-Шаер,

⁹ Марчук Г. И. Молодым о науке, с. 290; За науку в Сибири, 1979, 26 июля.

¹⁰ Марчук Г. И. Социальная роль науки на современном этапе. — Проблемы мира и социализма, 1981, № 7, с. 24.

¹¹ Он же. Молодым о науке, с. 194.

¹² За науку в Сибири, 1979, 26 июля.

¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 7, с. 60.

¹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 397.

¹⁵ Правда, 1979, 28 апреля; Вечерний Новосибирск, 1981, 4 мая.

корреспондент газеты американских коммунистов «Дейли уорлд» Дж. Моррис¹⁶.

«Мы нуждаемся в политической, моральной, материальной поддержке, — сказал, обращаясь к участникам 16-й политической маевки Э. Вьера. — И вы здесь, в далекой Сибири, сами проявляете солидарность с Уругваем. И можете представить, какое это имеет значение для наших товарищей в подполье. Наш народ всегда будет помнить об этой солидарности...»¹⁷.

Эти солидарные действия, эти маевки, несомненно способствуют росту политического и нравственного сознания их участников, укрепляя в них чувство исторической ответственности, становящееся тем прочнее, чем больше оно опирается на конкретный социальный опыт молодежи. Именно на маевках ежегодно подводятся итоги деятельности молодежи по оказанию материальной помощи борющимся зарубежным сверстникам. Создающиеся с этой целью фонды солидарности непрерывно пополняются за счет средств, зарабатываемых студентами, школьниками, рабочими на комсомольско-молодежных субботниках, денежных отчислений от фестивалей политической песни, ярмарок солидарности и т. д. За 1975—1981 гг. в дар португальским и вьетнамским комсомольцам, чилийским антифашистам, представителям Организации освобождения Палестины, делегации прогрессивной молодежи Африки на маевках было передано 9 кинопроекторов, 2 кинокамеры, 18 транзисторных радиоприемников, 6 кассетных магнитофонов, 8 комплектов хирургических инструментов и т. д. «Ваше медицинское оборудование, — писал в университет председатель Палестинского общества Красного Креста и Красного Полумесяца Фахти Арафат, — было направлено в две больницы из тех двенадцати, которые открыты Палестинским обществом Красного Креста и Красного Полумесяца в Ливане... Оно помогает нашим врачам исполнить свой долг: лечить своих раненых братьев — жертв постоянной, непрекращающейся сионистской агрессии против народов Палестины и Ливана»¹⁸.

Именно пример маевки вдохновлял молодежь Академгородка в дни китайской агрессии 1979 г. против Вьетнама. В течение нескольких недель рабочими, учеными, студентами Новосибирского научного центра, тружениками Советского района было передано в фонд мира для Вьетнама около 150 тыс. рублей¹⁹.

К традициям Академгородка можно отнести и митинги солидарности, ставшие для молодежи школой интернационализма. 30 апреля 1980 г., например, при активном участии научной молодежи в Институте математики СО АН СССР состоялся митинг солидарности с уругвайскими антифашистами. На митинге было принято обращение коллектива института с требованием немедленного освобождения известного ученого-математика, секретаря ЦК Компартии Уругвая Хосе Луиса Массеры, всех уругвайских политзаключенных²⁰.

Проведение маевки, митингов солидарности способствовало росту политической активности молодежи Академгородка, стимулировало возникновение новых форм интернациональной работы. На университетских митингах солидарности с патриотами Чили в 1973—1974 гг. зародилась идея организации фестивалей политической песни в Новосибирском Академгородке²¹.

С каждым годом растет число, расширяется география участников этих фестивалей. В первом фестивале (1974 г.) участвовали коллективы и солисты только Новосибирска. 8-й фестиваль политической песни (1981 г.) вовлек в свою орбиту делегаций уже из 30 городов СССР, обучающихся в советских вузах иностранных студентов, гостей из-за рубежа²².

¹⁶ Студенческий меридиан, 1979, № 4, с. 11; За науку в Сибири, 1981, 28 мая.

¹⁷ За науку в Сибири, 1981, 28 мая.

¹⁸ Там же, 1981, 2 апреля.

¹⁹ Там же, 1979, 26 июля.

²⁰ Там же, 1980, 19 июня.

²¹ Советская культура, 1977, 21 июня.

²² Молодость Сибири, 1974, 21 декабря; Вечерний Новосибирск, 1981, 29 апреля.

«Мы понимали, что песня может многое, — заявили участники одного из фестивалей, студенты из Латинской Америки. — В Боливии и Эквадоре — на нашей родине и в Москве, где мы сейчас учимся, — песня считается хорошим другом. Но нужен огонь фестиваля, ощущение братства всех, кто находится в зале, чтобы песня стала соратником. Незабываемые минуты пережили мы на сцене в Академгородке. И кого бы жюри ни назвало победителем, победитель известен давно. Это солидарность, сопричастность к великому делу, которое ощутили здесь все»²³.

Песни фестиваля заставляют думать, бороться, искать, служат средством сближения молодежи разных стран в борьбе за мир, дружбу, социализм. Высокое классовое, интернациональное звучание песен фестиваля, широкий круг его участников дали основание корреспонденту «Дейли уорлд» Дж. Моррису сделать следующий вывод о месте фестиваля политической песни в Новосибирском Академгородке в международном движении политической песни: «Этот фестиваль представляется мне исключительно интересным. По сути, это международный фестиваль. У нас в США тоже есть такие фестивали... Но... мы не собираем столько песен народов, и потому ваш фестиваль особенно интересен. Для меня он является уникальным»²⁴.

Традиционной стала в Академгородке и такая массовая молодежная акция, как открытки солидарности и протеста. Первые открытки солидарности комсомольцы университета и школьники направили осенью 1976 г. Лунсу Корвалану — Генеральному секретарю чилийских коммунистов, томившемуся тогда в концлагере «Трес-Аламос»²⁵. В последующие годы десятки тысяч открыток солидарности были отправлены из Новосибирска по инициативе молодежи Академгородка в адрес вьетнамской, афганской молодежи, в адрес героев палестинского сопротивления. Тысячи открыток протеста наша молодежь адресовала чилийской фашистской хунте, американской администрации, правительству ЮАР. Представитель Организации освобождения Палестины Рами аш-Шаер сообщил, что в 1980 г. ООП получила от новосибирской молодежи 7 тыс. открыток солидарности, они были переданы в партизанские отряды и имели вдохновляющее влияние на их бойцов²⁶.

Четкой интернационалистской направленностью отличаются ежегодно проходящие в Академгородке конкурсы политического плаката. На 7-й конкурс политплаката в 1981 г. было представлено около 200 работ, выполненных молодыми учеными, студентами, школьниками Новосибирска и других городов страны. Организатор и активный участник конкурса И. Аксенов стал в 1980 г. лауреатом премии Новосибирского комсомола²⁷. Воздействие выставок политического плаката значительно. Вот одна из журналистских зарисовок: «...Наблюдаем, как здесь, у плакатов, происходят маленькие превращения. Почти вбегают, обмениваются веселыми репликами. Потом, глядишь, уже стоит кто-нибудь перед плакатом, посерьезнел, задумался»²⁸.

В ходе подготовки и проведения массовых интернациональных акций рождаются новые инициативы. В 1980 г. был впервые проведен конкурс политического рассказа и памфлета, в котором приняло участие 30 авторов, в том числе вьетнамские, палестинские, сирийские студенты, обучающиеся в СССР²⁹. «Мыслями юных о мире, о завтрашнем дне планеты» назвал работы участников конкурса писатель Н. Мейсак³⁰.

Массовые интернациональные политические акции концентрируются в Неделе интернациональной солидарности. Неделя выступает кульмина-

ционным пунктом систематической, деловой работы партийных и комсомольских организаций по интернациональному воспитанию молодежи в Новосибирском научном центре³¹.

Высокая оценка работы коммунистов и комсомольцев Новосибирского научного центра по проведению массовых интернационалистских акций в период Недели интернациональной солидарности, по воспитанию молодежи в духе высоких принципов пролетарского интернационализма содержится в письме Генерального секретаря ЦК Коммунистической партии Чили Лунса Корвалана организаторам и участникам Недели интернациональной солидарности: «Мы знаем, — пишет Л. Корвалан, — с каким энтузиазмом и творческим духом молодежь и жители небольшого сибирского городка, сплоченного Ленинским комсомолом и вашим университетом, направляемые комитетом партии, проводят Неделю интернациональной солидарности, придавая ей с каждым годом все больший политический, массовый, художественный и, прежде всего, интернациональный размах. Нам приятно сообщить вам, что наиболее яркие моменты этой Недели радиостанция нашей партии сообщила чилийскому народу и что они оценены им во всем их революционном величии солидарности»³².

Сегодня можно уже с достаточным основанием говорить о системе интернационального воспитания молодежи в Новосибирском научном центре. Соответствующие аспекты выделяются в профессиональной деятельности молодежи, в ее политической учебе, в общественной работе. Особая роль в этой системе принадлежит традиции массовых интернациональных акций, неделям интернациональной солидарности в Новосибирском Академгородке. В ходе развития массовых акций солидарности устанавливались и крепились взаимосвязи студенческой, рабочей, научной молодежи Академгородка, усиливались товарищеские контакты со студентами вузов союзных республик, братских социалистических стран, с представителями передовой молодежи мира.

Интернационалистская традиция, свойственная предшествующим поколениям революционеров, наследуется и развивается советской молодежью, в частности молодежью Новосибирского научного центра.

*Новосибирский государственный университет
им. Ленинского комсомола*

²³ Вечерний Новосибирск, 1978, 27 апреля.

²⁴ Сибирские огни, 1978, № 10, с. 125.

²⁵ Комсомольская правда, 1976, 14 сентября.

²⁶ Советская Сибирь, 1981, 2 мая.

²⁷ Молодость Сибири, 1980, 28 октября.

²⁸ Сибирские огни, 1978, № 10, с. 125.

²⁹ Новосибирский агитатор, 1980, № 20, с. 28.

³⁰ Молодость Сибири, 1980, 1 мая.

³¹ См. Правда, 1979, 28 апреля.

³² Новосибирский агитатор, 1980, № 20, с. 28.

Л. М. ГОРЮШКИН, И. Т. ЛОЗОВСКИЙ

МЕНДЕЛЕЕВ И СИБИРЬ

I

27 января (по ст. ст.) 1834 г. в семье директора Тобольской гимназии Ивана Павловича Менделеева родился семнадцатый ребенок — сын Дмитрий, которому в будущем суждено было стать великим ученым, гордостью России. Вскоре Иван Павлович ослеп и после долгого, но безуспешного лечения вынужден был оставить службу. Большая семья с трудом жила на мизерную пенсию. От нищеты Менделеевых спас живший в Москве брат матери Дмитрия Ивановича — Корнильев. Он дал сестре доверенность на управление принадлежавшим ему стекольным заводом в селе Аремзянском, в 25 верстах от Тобольска.

Мария Дмитриевна Менделеева, урожденная Корнильева, была женщиной умной и деятельной. После выхода мужа на пенсию она перевезла семью в село, где жилось легче, чем в Тобольске. Жизнь в Аремзянском привила Дмитрию Ивановичу любовь к природе и уважение к труду мастеровых, которые он сохранил на всю жизнь. Частыми гостями в доме Менделеевых были декабристы, общение с которыми оказало на Дмитрия Ивановича большое влияние. В 1849 г. пятнадцати лет от роду Дмитрий Менделеев окончил Тобольскую гимназию.

В том же году умер отец, а мать вскоре увезла своего самого любимого сына Дмитрия к брату в Москву, чтобы устроить его в университет. Однако поступить в Московский университет Менделееву не удалось, и только в следующем, 1850 г. благодаря многочисленным просьбам матери и помощи старых друзей отца Дмитрий был принят на естественно-математический факультет Главного педагогического института в Петербурге.

В первый же год учебы на Дмитрия обрушились несчастья. Умерла мать, скоропостижно скончался дядя, много помогавший семье Менделеевых, погибла от туберкулеза сестра Елизавета, приехавшая вместе с ним в столицу, и остался Дмитрий один в далеком, холодном и чужом Петербурге. Вскоре шестнадцатилетний юноша тяжело заболел туберкулезом. У него начались обильные горловые кровотечения. Много времени Менделеев провел в лазарете, однако продолжал учиться.

Изнуренный длительной болезнью, морально убитый сознанием своей обреченности, Дмитрий Иванович все же блестяще окончил в 1855 г. институт и по совету врачей, уверявших, что целебный климат Крыма продлит ему жизнь, принял решение поехать в Симферополь и поступил на должность учителя гимназии.

Неожиданная встреча в Симферополе со знаменитым русским врачом Н. И. Пироговым оказала решающее влияние на всю дальнейшую жизнь Менделеева. Внимательно осмотрев больного, Пирогов решительно отверг прежний диагноз (туберкулез) и убедил Дмитрия Ивановича в том, что кровотечение — следствие неопасного порока сердца, с которым можно дожить до глубокой старости. После непродолжительного лечения, значительно укрепившего его здоровье, Менделеев воспрянул духом, поверил в себя, почувствовал прилив сил и с головой ушел в науку.

В 1856 г. Дмитрий Иванович защитил магистерскую диссертацию, несколько лет спустя — докторскую, стал профессором, знаменитым ученым. Судьба Менделеева сложилась так, что всю свою долгую жизнь

он прожил в Петербурге и только стариком однажды побывал на родине, в Тобольске. С большой теплотой вспоминал он посещение родных мест: «А тут жили почтенные декабристы: Фонвизин, здесь Анненков, тут Муравьев, близкие к нашей семье после того, как один из декабристов, Н. В. Басаргин, женился на моей сестре, вдове Ольге Ивановне. Уж нет никого из тех в живых, и теперь можно говорить, что семьи декабристов в те времена придавали тобольской жизни особый отпечаток, наделяли ее светлыми воспоминаниями. Предание о них и до сих пор живет в Тобольске...»¹. И далее: «Встречу, пребывание и проводы крестьянами, среди которых оказалось семь сверстников, описывать боюсь, чтобы не увлечься личными воспоминаниями. Считаю, однако, не лишним сказать, что встретил много теплых и дорогих для меня воспоминаний о времени, когда моя матушка управляла заводом, или фабрикой, как тогда говорили и называли наш стекольный завод»².

Всю жизнь Менделеев гордился тем, что он сибиряк, любил это подчеркнуть. Он писал: «Сам я, сибиряк родом, т. е. происхожу из Азиатской России, думаю даже, что в будущем Азиатской России суждено сыграть немалую роль в мире...»³.

II

Разносторонне образованный человек, Дмитрий Иванович Менделеев никогда не был чистым теоретиком, кабинетным ученым, замкнувшимся в стенах лаборатории и отгородившимся от реальной, практической жизни. Он много занимался вопросами развития русской промышленности, экономики, просвещения, вопросами размещения производительных сил в России.

Интерес к производству у Менделеева возник еще в детстве, в годы жизни на Аремзянском заводе. Много лет спустя он писал: «Выросши около стекольного завода, который вела моя мать, тем содержащая детей, оставшихся на ее руках, сызмала пригляделся я к заводскому делу и привык понимать, что оно относится к числу народных кормильцев, даже при сибирском просторе. Поэтому, отдавшись такой отвлеченной и реальной науке, какова химия, я с молодости интересовался фабрично-заводскими предприятиями, хотя в них никогда личного участия не принимал, руководствуясь тем о них мнением, которое видел в окружающем и отчасти впитал сам»⁴.

Дмитрий Иванович Менделеев принадлежал к научно-технической интеллигенции России, деятельность которой была тесно связана с крупной промышленной буржуазией и протекала в условиях пореформенной России во второй половине XIX — начале XX в. Своими трудами он внес большой вклад в развитие экономики страны, выдвинул ряд блестящих проектов, осуществленных только в годы Советской власти, высказал ряд замечательных предположений и составил прогнозы, которые полностью подтвердились спустя многие десятилетия.

Хорошо зная Россию, ее сельское хозяйство и промышленность, в то время слабо развитые, Менделеев утверждал: «Наши недра обладают такими богатствами, каких мало в других странах, а добыча и переработка таких запасов могут дать товары, спрашиваемые всем светом, и достатки (заработки) массе русского народа — летом и зимой... Мы можем снабдить весь мир своим дешевым чугуном, железом и сталью. Наши нефтяные, каменноугольные и другие богатства едва, едва затронуты; наша почва, богатства которой славятся во всем мире, дает ничтожные урожаи, а может давать обильные...»⁵.

¹ Менделеев Д. И. Соч., т. 12. М., 1949, с. 571.

² Там же, с. 575.

³ Менделеев Д. И. К познанию России. Пг., 1912, с. 145.

⁴ Он же. Заветные мысли. Пг., 1904, с. 407.

⁵ Менделеев Д. И. К познанию России..., с. 59—60.

Большой патриот, Д. И. Менделеев твердо верил в великое будущее своей Родины и видел это будущее прежде всего в развитии промышленности России. Характеризуя экономическое состояние государства еще в те далекие годы, когда Сибирь была краем каторги и ссылки, Дмитрий Иванович предсказывал большое значение Сибири в развитии экономики всей страны. Это определялось уже тем, «что из 19 миллионов квадратных верст суши, занятой Россией, 14 миллионов кв. верст (почти 3/4 поверхности, жителей не менее 1/7 общего числа) лежит в Азии»⁶.

Освоение природных богатств Сибири Менделеев неразрывно связывал с промышленностью Урала, которая должна была создать условия для успешного развития экономики соседней Сибири. «Урал, — писал Дмитрий Иванович, — составляет не искусственную грань Азии и Европы, а природную, так как с него текут одни воды к западу, в огромную систему Волги, другие стремятся в могучую Обь, орошающую не меньшую площадь, чем Нил, включая губернии Тобольскую и Томскую»⁷.

В докладной записке на имя министра финансов С. Ю. Витте о поездке на Урал Менделеев писал: «Промышленное воздействие России на весь запад Сибири и степной центр Азии может и должно совершиться при посредстве Уральского края, составляющего истинную грань Европы и Азии»⁸. Менделеев подхватил и развил дальше гениальное предвидение М. В. Ломоносова: «Могущество России прирастать будет Сибирью и Северным океаном».

Дмитрий Иванович считал, что освоение Сибири должно начаться с освоения Северного Ледовитого океана, достижения Северного полюса. Он писал: «Считая давнюю задачу человечества — достигнуть Северного полюса, — обеспечивающую при ее решении великий и мирный успех России, а в то же время могущую представлять прямую коммерческую и военно-морскую выгоду для России по преимуществу, я полагаю, что между множеством мирных дел, предстоящих России, ей не следует забывать мирную победу над полярными льдами»⁹.

Вместе с выдающимся русским флотоводцем и ученым, адмиралом С. О. Макаровым, Менделеев разрабатывал проект ледокола «Ермак», принимал участие в его строительстве. Экспедиция на «Ермаке», самом крупном русском ледоколе, должна была достигнуть Северного полюса. Однако по ряду причин эта экспедиция не была осуществлена, а работы по освоению Северного морского пути проводились весьма и весьма медленно. Годы спустя, Дмитрий Иванович писал: «У России так много берегов Ледовитого океана, что нашу страну справедливо считают лежащей на берегу этого океана. Мои личные пожелания сводятся к тому, чтобы мы постарались как можно полнее и скорее, сперва со стороны достижения Северного полюса, о котором человечество так долго и безуспешно хлопочет, а потом со стороны правильного торгового движения. То и другое возможно выполнить с успехом, если приложить труда и разума и средств в достаточном количестве. Пути и способы найдутся, если задачу преследовать настойчиво и с любовью, непременно начиная с достижения полюса, а ничуть не с практического (торгового) конца, потому что только на задачу, подобную достижению полюса, найдутся многие преданные люди, а они попутно решат и вторую задачу. Лет десять тому назад сам я с адмиралом С. О. Макаровым рвался к выполнению первой задачи, да вторая много помешала осуществлению. Если бы хоть десятая доля того, что было потеряно при Цусиме, было затрачено на достижение полюса, эскадра наша, вероятно, пришла бы во Владивосток, минуя и Немецкое море, и Цусиму, а главное, было бы много опытных моряков, привыкших взрывать сопротивляющиеся массы, плавать под водой и вести бой с природой и людьми силой осторожно-смелой предусмотрительности. Словом, по мнению моему, в нашем морском деле — для его успешного и верного движе-

ния вперед — лучше всего на один из первых планов поставить завоевание Ледовитого океана, хотя я уверен, что никакая комиссия до такого решения не дойдет, потому что комиссии и парламенты «Америки не открывали» и не откроют, хотя необходимы как фабрики для переработки добытого. Если победили твердые горы, надо и льды побороть, а у нас их больше, своя Америка. Рад бы там, у полюса, помереть — ведь не сгинешь»¹⁰.

Говоря о развитии экономики России, Менделеев в самом начале XX в. ставил вопрос о создании промышленности на севере Сибири. «Так как на Севере по меньшей мере пятая доля России, или около 4 000 000 кв. верст земли, занятой тундрами или такими местами, где хлебопашество не может развиваться при современном состоянии всей экономической жизни, и так как за тундровым севером идет к югу от Полярного круга пояс длиною около 400 верст, шириною от 200 до 500 верст, где хлебопашество едва, едва может начинаться и где преобладают северные леса, т. е. иметь лишь редкое население, потому что мало пригоден для русского населения, обиходного начинать поселки с обработки под хлеб. Только развитие на русском Севере выработки минеральных богатств может изменить такое течение дел в ближайшую к нам эпоху»¹¹. Дмитрий Иванович настаивал на необходимости систематических горных разведок на всем русском Севере.

Профессор Менделеев был твердо уверен, что Сибирь таит в своих недрах несметные месторождения полезных ископаемых. Он предсказал быстрое развитие в Сибири угольной и металлургической промышленности: «...Те неисчерпаемые богатства каменноугольных месторождений, которые известны в окрестностях Кузнецка, могут послужить со временем блестящему развитию в тех местах металлургической и всякой другой фабричной и заводской деятельности, особенно ввиду Алтайских рудных богатств»¹².

Изучая экономику Сибири, Менделеев обращал внимание на плохое состояние транспорта и путей сообщений, что значительно тормозило развитие промышленности и торговли в этом крае. Тюменская ветка Уральской железной дороги и Транссибирская магистраль обладали малой пропускной способностью и не обеспечивали в полной мере перевозки всевозрастающего потока разнообразных грузов. Курсирующие по сибирским рекам тихоходные и малосильные пароходы не справлялись с перевозкой грузов в Обь-Иртышском бассейне, что сдерживало рост экономики региона.

Учитывая эти обстоятельства, Менделеев разработал план строительства железных дорог, которые должны были содействовать развитию промышленности и торговли на Урале и в Сибири. Особое значение он придавал сооружению Тобольской железной дороги. В докладной записке на имя С. Ю. Витте Менделеев писал: «Прежде всего необходима железная дорога от Тобольска через леса на Тавде и Туре к Кушве или иной станции Уральской железной дороги. Исторически важный еще и ныне сохранивший свое первенствующее значение на системе Оби, Тобольск удален от всех железных путей, а потому как город, лежащий при впадении Тобола в Иртыш, недалеко от впадения его в Обь, сам по себе — по массе грузов (хлебных, рыбных и лесных) — нуждается в прямой связи с сетью русских железных дорог... Притом из богатой и обильной хлебом Западной Сибири (т. е. всего бассейна Оби и Иртыша) мало двух нынешних железнодорожных выходов (по великой Сибирской дороге и по Тюменской) даже в настоящее время. Родившись в Тобольске и вновь увидев его исключительно благоприятное географическое положение, я считаю соединение Тобольска с сетью русских железных дорог первейшим и настоятельным

⁶ Менделеев Д. И. К познанию России..., с. 145.

⁷ Менделеев Д. И. Проблемы экономического развития России. М., 1960, с. 117.

⁸ Там же, с. 332.

⁹ Менделеев Д. И. К познанию России..., с. 14.

¹⁰ Менделеев Д. И. К познанию России..., с. 22.

¹¹ Там же, с. 141.

¹² Менделеев Д. И. Соч., т. 20, с. 42—43.

способом для оживления всей Западной Сибири, для облегчения уже ныне перегруженной части Великой Сибирской дороги и для особого оживления уральской металлургии, а поэтому осмеливаюсь рекомендовать этот путь поставить на первую очередь»¹³.

Учитывая быстрое развитие экономики в пореформенной России и связанную с этим миграцию населения, Менделеев много внимания уделял вопросам народонаселения. Он считал, что «Центр же населенности при полном сохранении всей территории должен в России изменяться, и можно даже утверждать с уверенностью — будет двигаться в сторону богатого Юга и обильного земель Востока... Все, что задерживает или будет задерживать это передвижение, вредно, какими бы добрыми пожеланиями оно ни проникнуто»¹⁴.

Изучая вопросы демографии, тщательно анализируя экономические, географические и климатические данные, связанные с миграцией населения, Менделеев пришел к выводу, что центр народонаселения России, находившийся, по данным переписи 1897 г., в Тамбовской губернии, переместится со временем на Восток и будет находиться на координатах около 56° с. ш. и около 46° в. д., на границе Тобольской и Томской губерний, севернее города Омска. Он писал: «Можно полагать, что в направлении, примерно к этому месту, с уклоном на юг будет в ближайшие десятилетия перемещаться современный центр населения России»¹⁵.

В связи с предстоящей миграцией населения за Урал, Менделеев высказал мысль о необходимости быстрого освоения и развития Дальнего Востока: «На побережьях Тихого океана, нам совершенно неизбежно, ничуть не отлагая и не жалея денег, прежде всего заводить все необходимое для устройства кораблей, начиная с каменноугольных копей, чугуноплавильных печей, переделочных заводов и верфей, зная, что люди придут сами, лишь бы были дела и заработки верные»¹⁶.

III

Крупный ученый, внесший значительный вклад в различные области науки, Д. И. Менделеев много сделал и для развития высшего образования в России. При этом он резко выступал против предоставления дворянам льгот при получении высшего образования. Определяя цели и задачи, поставленные историей перед русской высшей школой, Менделеев писал: «...вклад народных средств в дело высшего образования, однако, лишь тогда может быть считаем плодотворным, когда в этих еще новых учреждениях будут не только обучаться сонмы студентов, но и станут развиваться соответствующие знания, т. е. когда в них будут разрабатываться профессорами, ассистентами, лаборантами и при их помощи студентами новые отрасли или части знаний»¹⁷. Менделеев выступал за высшую школу, которая готовила бы людей, стремящихся практически преобразовать Россию, способных развивать русскую промышленность, двигать вперед русскую науку.

Деятельный сторонник развития экономики России, Д. И. Менделеев мыслил освоение природных богатств Сибири только при условии подготовки значительного числа специалистов, которые могли бы руководить прежде всего горными и геологическими работами. По мнению Менделеева, начинать подготовку специалистов следовало всеми возможными путями, а особенно специальными кафедрами и факультетами высших учебных заведений¹⁸.

Когда в столице решался вопрос о создании в Сибири университета, первого высшего учебного заведения в этом крае, Дмитрий Иванович

поддержал просьбу сибиряков, затем вошел в состав комиссии по организации Томского университета и своими знаниями, опытом, авторитетом оказал большую помощь в разработке проекта университета, оснащении и оборудовании его кабинетов и лабораторий, в подборе кадров профессоров, что было трудным делом, ибо большинство ученых категорически отказывались ехать в далекую и холодную Сибирь. Одним из первых проча — магистр физики Федор Яковлевич Капустин, который предпочел открывавшейся перед ним блестящей карьере в столичном университете службу в родной Сибири.

Как известно, Томский университет был открыт в составе одного медицинского факультета и, по сути дела, представлял собой высшую медицинскую школу, которая отнюдь не могла обеспечить потребности Сибири в кадрах для развития ее экономики. Дмитрий Иванович предложил открыть дополнительно в Томском университете физико-математический факультет с инженерным отделением. По его мнению, такое отделение в значительной мере облегчило бы решение вопроса о подготовке специалистов для Сибири. Для преподавания на инженерном отделении можно было использовать работающих в университете профессоров физики, химии, геологии и других ученых¹⁹. Однако Министерство народного просвещения отвергло предложение Менделеева, сочтя, что такого прецедента нет не только в России, но и во всем мире и что проводить опасный эксперимент в далеком Томске совершенно нецелесообразно. К тому же было невозможным, по понятиям того времени, смешение чистой науки, которую преподают в университетах, с прикладными знаниями, являющимися делом технических вузов²⁰.

В 90-х годах минувшего века по совету Д. И. Менделеева на службу в Томский университет приехал А. А. Кулябко, ставший в последующие годы крупнейшим ученым в области фармакологии и физиологии. Ординарный профессор Кулябко был женат на племяннице Менделеева, часто встречался с ним и поддерживал все годы добрые отношения. От него и профессора Ф. Я. Капустина Д. И. Менделеев узнавал о всем происходящем в Томском университете. Основная связь Дмитрия Ивановича с Сибирью осуществлялась через Томск, где жили его братья и сестры. По письмам и рассказам многочисленных родственников Менделеев хорошо знал жизнь Сибири, ее потребности и чаяния.

Большую помощь он оказал Сибири в создании высшей технической школы, ее питомцам предстояло решить многие из тех проблем, о которых писал Дмитрий Иванович в своих работах. Во второй половине 90-х годов началось регулярное движение по Сибирской железной дороге. Однако только около 2% руководящего состава дороги имело высшее специальное образование. Подавляющее число руководящих работников были практиками и в условиях технического прогресса не справлялись со своими обязанностями. Необходимо было срочно решить вопрос об организации подготовки инженеров для Сибирской железной дороги, которой требовались не только инженеры по обслуживанию подвижного состава и пути, но и специалисты, способные разведать месторождения каменного угля и организовать его добычу в необходимом для дороги количестве. А пока Сибирь, обладавшая несметными запасами каменного угля, ввозила топливо для паровозов из Донбасса.

Для обсуждения вопроса об организации высшей технической школы в Сибири при Министерстве народного просвещения была создана специальная комиссия, в которую вошли ведущие ученые России. Менделеева в состав комиссии не включили, поскольку в то время он служил в Палате Мер и Весов, относившейся к другому ведомству. Однако министр народного просвещения И. Д. Делянов вынужден был пригласить его в эту комиссию, ибо авторитет Дмитрия Ивановича был очень высок. Министр

¹³ Менделеев Д. И. Соч., т. 12, с. 85—86.

¹⁴ Менделеев Д. И. К познанию России..., с. 131—132.

¹⁵ Там же, с. 142.

¹⁶ Менделеев Д. И. Литературное наследство, т. 1. Л., 1939, с. 32.

¹⁷ Менделеев Д. И. Соч., т. 23, с. 196—197.

¹⁸ Там же, с. 197.

¹⁹ ЦГИА СССР, ф. 741, оп. 1, д. 72, ч. 1, л. 39.

²⁰ Там же, л. 40.

не мог не считаться с мнением других ученых, убежденных в том, что Д. И. Менделеев обязательно должен участвовать в решении вопроса о создании высшей технической школы в его родной Сибири. Вскоре последовало приглашение:

«М. Г. Дмитрий Иванович!»

Вашему Превосходительству благоугодно было высказать Господину Министру Финансов Ваши соображения по обсуждаемому в Министерстве Народного Просвещения вопросу об устройству в Томском университете математического факультета и Технологического института в Томске. Дорожка Вашим по сему вопросу мнением, я, по согласованию с Его Превосходительством Сергеем Юльевичем, имею честь покорнейше просить Вас, Милостивый Государь, принять участие в занятиях особой комиссии, образованной мною в Министерстве под председательством Члена Совета Министерства Народного Просвещения Заслуженного профессора Любимова. Вполне рассчитывая на Вашу деятельную помощь и опытный совет в этом деле, прошу покорнейше почтить меня скорейшим по сему уведомлением. Примите уверения в совершенном почтении. Граф Делянов²¹. В середине октября 1895 г., когда пришло письмо, Дмитрий Иванович был тяжело болен: обострилась старая болезнь, снова началось горловое кровотечение. Врачи предписали ему покой. Но Менделеев не мог отказать в помощи землякам в таком важном деле, как создание Высшей технической школы в Сибири. Он пишет председателю комиссии профессору Любимову:

«М. Г. Николай Алексеевич!»

Получив приглашение прибыть в предводительствуемую Вашим Превосходительством комиссию по расширению высшего образования в Томске, я, к крайнему сожалению, не могу быть на заседании 25 октября вечером по причине того, что у меня вновь началось кровохаркание и доктора мне не позволяют выходить и принимать участие в диспутах и прениях.

А так как, будучи сибиряком, я желал бы посылить помощь трудной задаче, возложенной на комиссию, то я попробую, если Вы разрешите, изложить письменно посылить суждение, когда узнаю сущность задач, подлежащих рассмотрению; главное, что мне не ясно из тех отрывочных данных, которые я слышу, состоит в следующем: предполагается ли одновременно обсудить устройство в Томске как физико-математического факультета при университете, так и особого технического института, или сделать выбор из двух указанных учреждений.

Если бы Ваше Превосходительство уяснили мне этот вопрос, то я бы письменно изложил, что смогу, и этим путем, по мере моих сил ответил бы желанию его Сиятельства графа Ивана Давыдовича узнать мое суждение о дальнейшем развитии высшего образования в Сибири. Вообще, я по причине своего нездоровья, охотно пишу больше, чем могу сказать, — мне трудно говорить и я должен избегать длинного разговора. Это результат давнего профессорства. Знаю, что предложение писать, а не говорить, мало подходит к практике течения дел в комиссии, но не имею возможности поступить иначе, хотя всей душой желал бы по мере сил помочь задаче, на Вас возложенной. Д. Менделеев. 24 октября 1895 г.²²

Учитывая состояние здоровья Менделеева, профессор Любимов исполнил просьбу Дмитрия Ивановича и передавал ему через курьера журнал протоколов заседания комиссии. Менделеев ознакомился с документами и писал свои замечания. Затем члены комиссии обсуждали предложения Дмитрия Ивановича. Таким образом, несмотря на болезнь, он принимал самое деятельное участие в решении вопроса об учреждении высшей технической школы в Сибири. С подготовкой инженеров Менделеев связывал

планы по развитию экономики этого края и подтверждение высказанных им прогнозов о месторождениях полезных ископаемых в азиатской части России.

После длительной работы комиссия выработала проект учреждения в Томске технологического института в составе двух отделений: механического и химико-технологического. На химическом отделении значительное место отводилось металлургии черных и цветных металлов, а также изучению переработки продуктов сельского хозяйства, что имело огромное значение для Сибири как колонизируемой земледельческой окраины.

Проект об учреждении Томского технологического института, утвержденный 14 марта 1896 г. Государственным Советом, а 29 апреля (по ст. ст.) — царем, принял силу закона²³. Летом того же года в Томске началось строительство зданий института. Но институт в составе только механического и химико-технологического отделений не мог обеспечить потребности края в специалистах. Сибири нужны были горные инженеры, а также инженеры-строители, которые могли бы расширить пропускную способность Транссибирской магистрали и построить новые дороги.

Менделеев принял деятельное участие в разработке проекта по расширению еще не открытого Томского технологического института и способствовал благоприятному рассмотрению этого проекта. 12 июня 1900 г. было принято решение Государственного Совета об открытии в Томском технологическом институте дополнительно к ранее утвержденным механическому и химическому отделениям еще горного и инженерно-строительного²⁴. В составе этих четырех отделений первый сибирский технический вуз проработал до 1930 г., когда на базе его факультетов и кафедр в промышленных центрах Сибири были созданы самостоятельные вузы²⁵.

Менделеев оказал институту большую помощь в организации химического отделения. Он рекомендовал для этого факультета талантливых ученых и молодых, подающих надежды сотрудников, большинство из которых впоследствии стали крупными учеными. Из первых четырех профессоров Томского технологического института три были профессорами химии: Е. Л. Зубашев, Н. М. Кижнер и Д. П. Турбаба. Дмитрий Иванович много помогал в оборудовании лабораторий и кабинетов, что дало возможность уже в первые годы деятельности института развернуть в нем крупные исследования в разных областях науки. В начале XX в. в лабораториях химического отделения начались работы по коксованию сибирских углей, использованию отходов процесса коксования, по сухой перегонке дерева и т. д.

В стенах химического отделения сложились широко известные школы по металлургии цветных металлов во главе с проф. В. Я. Мостовичем, по металлургии черных металлов во главе с проф. Н. П. Чижевским. Ученые-химики заложили основы сибирской фармакологии, промышленности строительных материалов, силикатов и т. д.²⁶ Химико-технологическое отделение Томского технологического института в первой четверти века стало кузницей кадров для растущей промышленности Урала, Сибири и Средней Азии. Выпускники этого отделения принимали деятельное участие в строительстве первых цементных и химических заводов в Сибири.

Со времени открытия Томского технологического института и до самой кончины Дмитрий Иванович Менделеев поддерживал контакты со многими учеными этого вуза. Особенно прочными эти связи были с доктором химии Дмитрием Петровичем Турбабой. 10 января 1904 г. Д. П. Турбаба подал директору Томского технологического института рапорт с просьбой поставить на ближайшем заседании Совета вопрос об избрании Д. И. Менделеева почетным членом Томского технологического института. На заседании Совета, состоявшемся 22 января, с докладом выступил

²³ Сборник постановлений по МНП, т. 14, с. 514—515.

²⁴ Положение о Томском технологическом институте. Томск, 1912.

²⁵ Красное Знамя (Томск), 1930, 30 сентября.

²⁶ Архив Томского политехнического института.

²¹ ЦГИА СССР, ф. 741, оп. 1, д. 72, л. 35.

²² Там же, л. 39—40 (письмо напечатано с сокр.).

Турбаба, который отметил крупные заслуги Менделеева перед Россией, его неоценимый вклад в отечественную и мировую науку, в дело развития высшего образования в Сибири.

В решении Совета Томского технологического института записано: «...постановлением от 22 января 1904 года почетным членом института избран знаменитый русский ученый, уроженец Сибири, управляющий Главною Палатой Мер и Весов, тайный советник, профессор Дмитрий Иванович Менделеев»²⁷. Совет также постановил в знак особых заслуг почетного члена института Дмитрия Ивановича Менделеева поместить его портрет в большой химической аудитории химического корпуса, а со временем установить в институте бюст Д. И. Менделеева. О решении Совета, принятом в дни юбилея ученого, директор института известил Дмитрия Ивановича Менделеева телеграммой следующего содержания:

«Петербург Палата Мер и Весов Дмитрию Ивановичу Менделееву Совет Томского технологического института приветствуя Вас день Вашей семидесятой годовщины посылая искренние пожелания долголетия дальнейшего славного служения науке и Родине избрал Вас первым почетным членом института и постановил ходатайствовать разрешении повесить Ваш портрет химической аудитории института Директор Зубашев»²⁸.

Вся страна приветствовала своего великого сына с юбилеем, и квартира Менделеева была завалена адресами, телеграммами и письмами. Сам же юбиляр был тяжело болен. Незадолго перед этим он перенес сложную операцию глаза и не мог ни читать, ни писать. Однако Дмитрий Иванович не оставил поздравление земляков без ответа. 15 февраля 1904 г. на заседании Совета института было зачитано письмо, поступившее на имя директора:

«Многоуважаемый Ефим Лукьянович!»

Великий почет и сердечный привет Томского технологического института до глубины души тронули меня, как природного сибиряка. От всего сердца благодарю Вас и прошу передать мою благодарность членам Совета института. Операция глаза, недавно удачно мне произведенная, не позволяет еще, однако, лично писать и выразить глубокую признательность.

Душевно преданный Вам (подписал) Д. Менделеев»²⁹.

С большим вниманием и почтением члены Совета заслушали письмо великого ученого, напечатанное на машинке секретарем и подписанное лично Д. И. Менделеевым. Совет принял решение «письмо это, как содержащее автограф великого ученого, передать в библиотеку для вечного хранения». С того времени и по сей день письмо хранится в библиотеке Томского политехнического института как реликвия в фонде редких книг и рукописей.

Вскоре после решения Совета об избрании Менделеева почетным членом, институт заказал его портрет. Написать портрет знаменитого сибиряка поручили преподавателю Томского технологического института Захарии Алексеевичу Рокачевскому. Сын мелкого железнодорожного служащего, племянник знаменитого скульптора и художника Микешина, Захарий Алексеевич учился в Академии художеств и имел диплом классного художника, а затем окончив двухгодичные курсы по архитектуре, получил еще диплом архитектора. В институте он преподавал рисование и теорию перспективы на инженерно-строительном отделении. В Академии художеств Рокачевский учился в один год с женой Менделеева — Анной Ивановной, часто встречал там Дмитрия Ивановича, который был избран почетным членом Академии художеств, хорошо помнил его и с удовольствием принял предложение написать портрет этого человека. Порт-

рет был написан глубокой осенью, а затем в соответствии с постановлением Совета установлен в большой химической аудитории института, где хранится уже более 75 лет.

Вскоре после избрания Менделеева почетным членом Томского технологического института его жена, художница Анна Ивановна, по просьбе томских ученых приступила к созданию еще одного портрета Дмитрия Ивановича. Писала она тщательно, стараясь передать главные черты этого гениального человека. Желая знать мнение общественности о своей работе, Анна Ивановна выставила портрет для всеобщего обозрения в Обществе поощрения художников в Петербурге. Портрет был одобрен, работа получила высокую оценку. И только после этого Анна Ивановна обратилась с письмом к исполняющему обязанности директора Томского технологического института профессору Владимиру Афанасьевичу Обручеву:

Портрет Д. И. Менделеева работы З. А. Рокачевского. Хранится в Томском политехническом институте.

«Милостивый Государи!»

Честь имею известить Вас, что заказанный мне Томским технологическим институтом, через посредство Ефима Лукьяновича Зубашова, портрет моего мужа, Дмитрия Ивановича Менделеева, закончен. Ефим Лукьянович его видел и одобрил. В настоящее время портрет находится на выставке в Обществе поощрения художников (Морская улица). Озабочиваясь благополучной доставкой портрета на место назначения в Томский технологический институт, я решила воспользоваться любезным предложением профессора Алексея Александровича Кулябко, который предложил довести портрет сам. Он едет в Томск в половине мая. Надеюсь, что Вы и Совет Института не будете иметь ничего против такого незначительного промедления.

Прошу принять уверение в полном почтении.

*Анна Менделеева»*³⁰.

В мае 1905 г. портрет был доставлен в Томск и установлен в Технологическом институте, где хранится и поныне.

В 1904 г. Дмитрий Иванович Менделеев был избран также почетным членом Томского университета, а несколько лет спустя, уже после кончины мужа, Анна Ивановна написала новый портрет Менделеева и подарила его профессору А. А. Кулябко. Длительное время он хранился у Алексея Александровича в его личной коллекции. В 1925 г., уезжая в Москву, он подарил свое собрание книг и картин научной библиотеке Томского университета. С того времени и этот портрет хранится в Томске.

И Томский технологический институт и Томский университет регулярно посылали в Петербург своему почетному члену Д. И. Менделееву все печатные научные труды, написанные учеными этих вузов. До сего времени они хранятся в личной библиотеке Дмитрия Ивановича, которая ныне находится в музее Менделеева в Ленинградском университете.

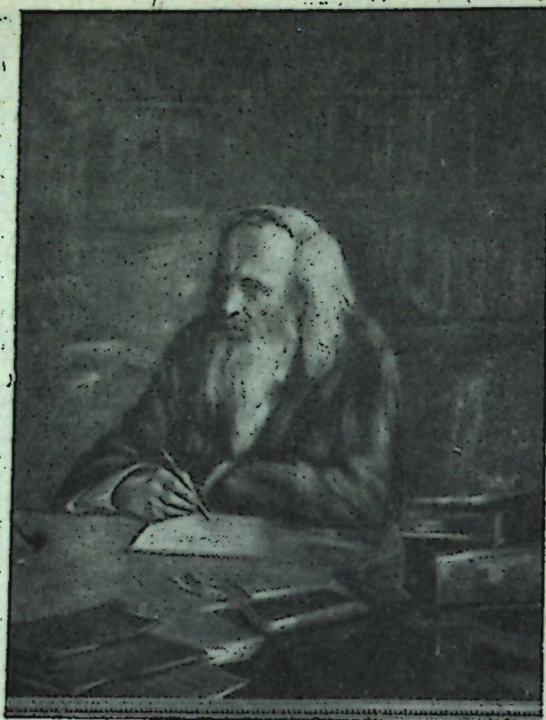
Когда до Томска дошла весть о кончине Дмитрия Ивановича, технологический институт и университет послали его вдове телеграммы с соболез-

²⁷ ГАТО, ф. 194, оп. 1, д. 32, л. 324.

²⁸ ГАТО, ф. 194, оп. 1, д. 31, л. 159.

²⁹ Там же, л. 160.

³⁰ ГАТО, ф. 194, оп. 1, д. 31, л. 160.

Портрет Д. И. Менделеева работы его жены. Хранится в музее Томского политехнического института.

ческий институт приехал ученик и сотрудник Менделеева по Петербургскому университету профессор Борис Петрович Вейнберг. Крупный ученый в области физики, геофизики, гляциологии и гелиотехники, энциклопедически образованный человек и талантливый литератор, Б. П. Вейнберг написал в Томске и в 1910 г. опубликовал свои воспоминания о Дмитрии Ивановиче «Менделеев как лектор». Эта книга выдержала много изданий и навсегда вошла в литературу о великом русском ученом.

IV

Дмитрий Иванович Менделеев скончался 2 февраля 1907 г. от воспаления легких. Со времени его кончины миновало три четверти века. За годы Советской власти Сибирь превратилась в край мощной индустрии, высоко развитой науки и культуры. Многие идеи и планы, намеченные великим ученым, уже осуществлены. Подтвердились прогнозы Менделеева о том, что север Сибири таит в себе месторождения разнообразных полезных ископаемых. Часть этих месторождений не только разведана, но и используется на благо советского народа.

При жизни Менделеева в Сибири было всего два высших учебных заведения — Томский университет и Томский технологический институт, в которых училось 1642 студента. Эти вузы готовили юристов, врачей, фармацевтов общего профиля и инженеров по 18 специальностям. Ныне в Сибири работает 106 учебных заведений и 25 филиалов различных вузов. В них обучается около трехсот тысяч студентов. Сегодня первый технический вуз Сибири — Томский политехнический институт — готовит инженеров по 57 специальностям, в нем учится 18 тыс. чел. Его питомцы принимали участие в изучении и освоении природных богатств Сибири, освоении Северного морского пути и достижении Северного полюса.

В 1921 г. выпускник института геолог Николай Иванович Урванцев вместе со студентами Томска разведывал коренные месторождения полиметаллических руд Норильска, построил первый дом, положивший начало городу. Ныне Норильск и его комбинат известны всему миру.

нованием по случаю столь тяжелой утраты не только для России, но и для всего мира. В обоих высших учебных заведениях Томска были проведены Советы, посвященные памяти великого ученого.

Ведущие ученые Томского технологического института и Томского университета приняли участие в создании Менделеевского общества и участвовали во всех съездах этого общества в последующие годы. Памяти Дмитрия Ивановича Менделеева многократно посвящались научные конференции, проводившиеся в Томске. На них выступали и его многочисленные ученики из других городов.

В 1909 г. на должность заведующего кафедрой физики в Томский технологи-

Выпускники геологоразведочного факультета Брехунцов, Богомяков и многие другие принимали деятельное участие в разведке месторождений нефти и газа на севере Сибири, способствовали освоению этих месторождений. Выпускник Томского технологического института 1914 г. проф. Михаил Калинин Корвин признан первооткрывателем сибирской нефти и удостоен Ленинской премии. Осуществилась мечта Менделеева — построена железная дорога через Тобольск на север Сибири, которая помогает осваивать природные богатства этого края.

В 1937 г. советская воздушная экспедиция высадила на Северный полюс группу ученых, которые создали там первую в мире научную станцию. Главным инженером этой экспедиции, готовившим материальную часть к полету и отвечавшим за техническую сторону предприятия, был выпускник Томского политехнического института Владимир Николаевич Готовский. А двадцать лет спустя, на Северный полюс впервые в истории человечества пришел ледокол «Арктика». В его строительстве и в экспедиции участвовал выпускник ТПИ 60-х годов Валерий Кручинин.

По Северному Ледовитому океану Сибирь ныне прочно связана с промышленными центрами страны, судоходство здесь стало практически круглогодичным. Обеспечили его мощные атомные ледоколы «Ленин», «Арктика», «Сибирь» и другие, которые прокладывают путь для караванов судов во все времена года. Осуществилась и другая мечта Д. И. Менделеева. Сибирь, не имевшая в годы его жизни своей химической промышленности, ныне стала краем многочисленных химических предприятий, крупнейших в мире комбинатов. Деятельно работает в Сибири Менделеевское общество ученых, вносящее большой вклад в развитие науки и экономики страны.

Именем Д. И. Менделеева в Томске и других городах страны названы улицы, учебные заведения и научно-исследовательские институты, ему установлены памятники, бережно хранятся портреты и документальные материалы. Память о великом ученом, верном сыне России дорога всем советским людям.

*Институт истории, филологии и философии
СО АН СССР, Новосибирск,
Томский политехнический институт*

Б. П. ОРЛОВ

РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИКИ СИБИРИ НА ОТДЕЛЬНЫХ ЭТАПАХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Индустриальные формы хозяйства возникли в Сибири и на Дальнем Востоке намного позже, чем в европейской части России, и накануне Октябрьской революции находились в зачаточном состоянии. Природные ресурсы этой обширнейшей зоны использовались почти исключительно в сельскохозяйственном производстве и в связанных с ним мелких промыслах (рыболовство, охота). На его долю приходилось 78% совокупной продукции сельского хозяйства и крупной промышленности Сибири (в среднем по России 58% в 1913 г.)¹.

Быстрый рост сельского хозяйства стимулировали обилие земельных угодий в слабозаселенном крае, каким была Сибирь, наличие относительно благоприятной для крестьянства социальной среды. Аграрное освоение необъятных пространств Сибири в эпоху капитализма имело важную особенность: оно не было связано с полукрепостническим помещичьим землевладением; территории, оказавшиеся впоследствии в зоне влияния Транссибирской магистрали, еще до конца XIX в. стали объектом свободной крестьянской колонизации, которая достигла наибольших размеров после 1906 г., что явилось одним из последствий столыпинской аграрной реформы. Для Сибири, по выражению В. И. Ленина, был характерен «американский путь» буржуазной эволюции земледелия. На плодородных землях Алтая, Прииртышья, Енисейского края возникло большое число хозяйств фермерского типа. Классовое расслоение деревни происходило очень быстро. Хозяйство фермерского типа было относительно крупным и высокотоварным. Сельскохозяйственный инвентарь, особенно сложный, применялся в крестьянских хозяйствах Сибири в намного больших размерах, чем в других районах страны. В Сибири на 100 жителей приходилось 200 голов скота, а в центральных губерниях России — лишь 60 голов. Крестьянское хозяйство Сибири рано установило тесные связи с крупным капиталом, в том числе банковским.

Темпы развития сельскохозяйственного производства Сибири значительно превышали общероссийские. За несколько десятилетий капиталистического развития Сибирь превратилась в один из основных в России районов торгового земледелия и скотоводства. Наиболее развитыми отраслями стали зерновое хозяйство и маслоделие. Урожай зерновых в Сибири в 1913 г. достиг 4,5 млн. т, или 5,3% общероссийского валового сбора, при этом доля Сибири в сборе пшеницы — главной продовольственной культуры края — составила 8%. Знаменитое сибирское масло не только потреблялось в России, но и в большом количестве вывозилось за границу. Ежегодный экспорт сливочного масла в 1909 — 1913 гг. составлял из Сибири 62,2 тыс. т (из Дании — 88,7 тыс. т, Австралии — 35,1 тыс. т).

Наиболее развитой отраслью была пищевая промышленность: на ее долю в 1912 г. приходилось 54,7% валовой продукции промышленности Сибири — намного выше, чем в целом по стране². Это обуславливалось

высокой товарностью сельского хозяйства, развитостью рыболовства. По развитию же легкой промышленности Сибирь уступала общероссийскому уровню. Поэтому в потреблении продукции легкой промышленности Сибирь почти полностью зависела от ввоза товаров из европейских районов России. Промышленность, производящая средства производства, занимала подчиненное положение по отношению к промышленности, выпускавшей потребительские товары, и включала в свой состав главным образом первичные отрасли (добычу минеральных ресурсов). Накануне первой мировой войны добывающая промышленность Сибири давала примерно одну треть всей промышленной продукции³.

Сибирская буржуазия предпочитала промышленному предпринимательству более доходную сферу приложения капитала — торговлю. Этот фактор в существенной мере объясняет низкий удельный вес Сибири в промышленной продукции России: в 1913 г. он составил лишь 2,9% (с учетом Дальнего Востока)⁴.

Первая мировая и гражданская войны нанесли производительным силам Сибири существенный урон. Материальный ущерб, причиненный хозяйству Сибири, намного превышал стоимость годовой продукции сельского хозяйства и промышленности в предвоенный период. Чтобы ликвидировать хозяйственную разруху, потребовались огромные усилия советского народа.

После окончания гражданской войны для восстановления народного хозяйства Сибири понадобилось 6 лет. Деревня довольно быстро возместила потери военного времени. Уровень производства 1913 г. сельское хозяйство Сибири превзошло уже в 1926 г. Восстановление промышленности Сибири завершилось в 1927 г.

Восстановительный период не принес существенных изменений в структуре народного хозяйства Сибири: сельское хозяйство в 1927 г. производило около 3/4, а промышленность — несколько более 1/4 совокупной продукции этих двух основных сфер материального производства. По СССР доля сельского хозяйства в 1928 г. составляла 49%, промышленности — 51%⁵.

Формирование новой структуры народного хозяйства Сибири началось со вступлением СССР в период форсированной индустриализации. В ходе ее предстояло добиться более рационального размещения производительных сил страны, в частности путем ускоренного их роста в восточных районах. Решение задач индустриализации требовало широкого вовлечения в народнохозяйственный оборот природных ресурсов Сибири.

НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ И ВЛИЯНИЕ ВОЙНЫ НА ПРОИЗВОДСТВО

Как показывает анализ концепций предстоящего хозяйственного развития, положения которых учитывались при разработке среднесрочных и долгосрочных планов и проектов, а также их целевых установок, восточной зоне СССР, в том числе Сибири, почти в каждом плановом периоде предоставлялся приоритет перед европейскими районами страны в темпах экономического роста. Осуществление такого курса привело к увеличению доли Сибири и Дальнего Востока в валовой продукции крупной промышленности СССР с 3,2% в 1927/28 г. до 5,2% в 1939 г., причем удельный вес Западной Сибири вырос за это время с 1,4 до 2,5%⁶.

Решающее значение в индустриализации Сибири получила реализация Урало-Кузнецкого проекта, который лежал в основе первой крупной экономической акции, осуществленной на Востоке СССР. Эта многоцелевая акция носила долговременный характер и оказала многостороннее

³ Там же, с. 11.

⁴ Экономика и организация развития Сибири, с. 13.

⁵ Экономические проблемы развития Сибири (1961—1975 гг.). Новосибирск:

Наука, 1980, с. 44.

¹ Экономические проблемы развития Сибири. Новосибирск: Наука, 1974, с. 9.

² Там же, с. 10—11.

важные для развития промышленности страны. Урал-Кузнецкий комбинат (МН) имел первичные производственные мощности по производству чугуна и стали. В 1946—1950 гг. доля Сибири в капитальных вложениях государства и кооперации (без колхозов) уменьшилась до 8,5% по сравнению с 10,2% в период войны⁸. Следовательно, затраты на наращивание экономического потенциала Сибири относительно уменьшились. При этом значительные средства были затрачены не на новое строительство, а на реконструктивные работы, не увеличивавшие производственные мощности (замена временных инфраструктурных сооружений военной поры капитальными, достройка производственных корпусов, замещение изношенного оборудования), а также на перестройку производства в связи с реконверсией промышленности.

Поэтому до середины 50-х годов в Сибири за счет наращивания производственного аппарата как одного из главных экстенсивных факторов увеличения промышленной продукции можно было обеспечить лишь небольшой ее прирост. Вместе с тем на динамику производства сильно повлияла упомянутая реконверсия, причем в наибольшей мере она сказалась на динамике производства в Западной Сибири. Тесная связь ее хозяйства с оборонным производством обусловила длительность перевода промышленности на выпуск гражданской продукции: потребовались глубокие изменения в межотраслевых и территориальных связях, в технологиях производства, организации общественного труда. Именно сложностью и длительностью процесса послевоенной реконверсии машиностроения объясняется сокращение производства в тех районах Сибири, где эта отрасль занимала почти монопольное положение в промышленном производстве. Так, за 1946—1950 гг. валовая продукция промышленности Новосибирской области уменьшилась на 4%, Омской области на 5%.

Поэтому в первом послевоенном десятилетии, в отличие от довоенного периода, промышленность Сибири увеличивала выпуск продукции медленнее, чем в целом по СССР, в результате чего доля региона в общесоюзном производстве значительно снизилась. Об этом свидетельствуют средние годовые темпы прироста валовой продукции промышленности (в %)⁹:

	1946—1950	1951—1955	1956—1960
СССР	13,6	13,0	10,4
Западная Сибирь	3,0	12,4	10,2
Восточная Сибирь	9,4	11,2	11,7

Как видим, с середины 50-х годов складывается уже иное соотношение в темпах роста производства в промышленности Сибири и страны в целом. В это время в соответствии с указаниями XIX съезда КПСС началась реализация Ангаро-Енисейского проекта, предусматривавшего создание в Восточной Сибири на базе дешевых энергоресурсов и сырья минерального и растительного происхождения территориально-производственных сочетаний — комплексов (ТПК) и промышленных узлов (ПУ). Этот проект, разработанный еще до войны и дополненный после ее окончания новыми представлениями, был положен в основу второй — после Урало-Кузнецкого комбината — долговременной инвестиционной акции, ознаменовавшей собой дальнейший сдвиг производительных сил на Восток и втянувшей в орбиту интенсивного хозяйственного освоения новые районы Сибири.

Решение Ангаро-Енисейской проблемы давало сильный толчок развитию производительных сил Красноярского края и Иркутской области, стимулировало хозяйственный рост Забайкалья. Кроме того, развитие транспортной сети Восточной Сибири улучшало транспортно-экономи-

⁸ Там же, с. 46.

⁹ Там же, с. 47.

Война оказала противоречивое влияние на экономический рост Сибири. С одной стороны, перемещение части производственного аппарата промышленности, строительства, транспорта из европейских районов СССР в азиатские привело к увеличению этого аппарата в Сибири, что обусловило дальнейшее повышение его удельного веса в промышленном производстве страны. С другой стороны, данный фактор оказал

ческие связи с Якутской АССР. В хозяйственном развитии Западной Сибири существенную роль сыграло вовлечение в сельскохозяйственный оборот в середине 50-х годов огромных массивов целинных земель.

ОСНОВНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ХОЗЯЙСТВЕ В 1961—1975 гг.

В 60-х годах темп экономического роста Сибири стал более высоким, чем по СССР в целом, о чем можно судить по данным межотраслевых балансов производства и потребления продукции и по другим показателям. Так, чистая продукция хозяйства Сибири увеличилась в 1972 г. по сравнению с 1966 г. на 69%, между тем как произведенный национальный доход СССР вырос на 47%. В последующие годы указанное опережение сохранилось. Доля Сибири в общесоюзных капитальных вложениях возросла с 10,9% в 1966—1970 гг. до 11,6% в 1971—1975 гг.

Приведем некоторые показатели валового выпуска, охватывающие более длительный период. Так, валовая продукция промышленности Сибири за 1961—1975 гг. увеличилась в 3,5 раза, промышленности СССР — в 3,2 раза. Поэтому доля Сибири в общесоюзном производстве промышленной продукции несколько повысилась, достигнув в 1975 г. 8,9% (по сравнению с 7,6% в 1960 г.)¹⁰. При этом возросла роль Сибири в формировании общесоюзных балансов топливно-сырьевых ресурсов — угля, нефти, природного газа, древесины и продуктов ее переработки, цветных металлов. Развитие топливной промышленности и создание крупной гидроэнергетики подготовили базу для роста энергоемких производств — выплавки алюминия, ферросплавов, электрохимии, глубокой переработки углеводородного и древесного сырья. В десятой пятилетке позиции Сибири в общесоюзном производстве исходного сырья и энергоемких материалов укрепились.

В то же время удельный вес Сибири в производстве продукции сельского хозяйства СССР понизился (валовая продукция сельского хозяйства в среднегодовом исчислении выросла в 1971—1975 гг. по сравнению с 1966—1970 гг. в СССР на 13,0%, в Сибири — на 10,5%)¹¹, хотя благодаря распадке целинных земель в 50-х годах здесь резко возросли возможности для увеличения производства. Отмеченное явление следует связывать с большей, чем в целом по СССР, частотой засух и рассматривать как результат ухудшения обеспеченности сельского хозяйства Сибири трудом, которое не компенсируется увеличением его фондооснащенности и привлечением к уборке и вывозу урожая техники и рабочей силы несельскохозяйственных отраслей.

За исследуемый период существенных изменений в роли транспортной системы Сибири в стране не произошло. В годы седьмой пятилетки доля транспортной системы Сибири в общесоюзной работе транспорта уменьшилась. Уменьшение произошло потому, что в начале 60-х годов здесь был меньше, чем в стране в целом, темп роста перевозок газопроводным, автомобильным, железнодорожным транспортом. В восьмой пятилетке перевозки грузов в Сибири стали расти опережающими темпами. Транспортировка газа по трубопроводам и перевозка грузов по железным дорогам Сибири возрастали быстрее, чем в других районах страны.

Удельный вес железных дорог оставался сравнительно стабильным: не были обеспечены опережающие темпы развития в Сибири этого вида транспорта. Несколько увеличилась доля речных бассейнов. Значительно возросла в стране роль трубопроводного транспорта Сибири. Доля автотранспорта Сибири в работе автотранспорта страны уменьшилась, это был единственный вид транспорта, отстающий от средних темпов, достигнутых в стране.

До второй половины 60-х годов Восточная Сибирь опережала Западную по темпам наращивания инвестиций: в середине 50-х годов началась

¹⁰ Там же, с. 48—49.

¹¹ Там же, с. 49.

реализация Ангаро-Енисейского проекта. Однако в последнее время на приоритетные позиции вышла Западная Сибирь. На ее территории создана главная нефтяная база страны и формируется основная база добычи природного газа. За 1971—1975 гг. капиталовложения в хозяйство Западной Сибири выросли на 62,4%, в Восточной Сибири — на 36,5% по сравнению с восьмой пятилеткой.

Необходимо отметить сильно выраженную концентрацию инвестиционной деятельности в двух административных районах Сибири: в Тюменской области и Красноярском крае. Напротив, в южной зоне Западной Сибири и в Забайкалье инвестиционная деятельность была малоактивной, ограниченной. Первый из этих регионов (Алтайский край, Кемеровская и Новосибирская области) располагает довольно развитыми промышленностью и сельским хозяйством, и сильный прилив сюда инвестиций возможен лишь при ориентации на существенное изменение сложившейся структуры промышленности, главным образом, путем создания новых отраслей машиностроения, в первую очередь производящих оборудование для отраслей специализации региона (нефтяной, газовой, химической промышленности), а также автомобилестроения. Забайкалье же имеет меньшие по сравнению с Ангаро-Енисейским регионом возможности для развития энергоемких и металлоемких производств, а также лесопромышленного комплекса.

Промышленный рост Сибири в 50-х годах был связан с сохранением прежней структуры производства, сформировавшейся в начальный период индустриализации. В 60-е же годы развитие промышленности Сибири во все большей мере стало определяться отраслями, выдвинутыми на передовые позиции техническим прогрессом и сформировавшимися здесь в качестве крупных производств в послевоенное время (электроэнергетика, нефтепереработка и химия органического синтеза, выплавка алюминия и других цветных и редких металлов, целлюлозно-бумажная промышленность, новые отрасли машиностроения). Напротив, традиционные, сложившиеся еще до войны отрасли промышленности (угольная, лесная и деревообрабатывающая) сравнительно медленно увеличивали выпуск продукции.

После пятой пятилетки (1951—1955 гг.) среднегодовые темпы прироста валовой продукции промышленности Сибири снижаются из периода в период. Достигнув в указанном пятилетии максимального значения (12%), они уменьшились до 8% в 1971—1975 гг. Эта картина близка к общесоюзной динамике производства и, по-видимому, объясняется сходными обстоятельствами.

В анализируемый период высокий темп роста валовой продукции был характерен для относительно узкого круга отраслей сибирской промышленности. Это почти исключительно начальные стадии материального производства — нефтяная, газовая промышленность, цветная металлургия, связанные в основном с внесибирскими потребителями и слабоучаствующие в формировании материальных ресурсов воспроизводства для самой Сибири.

В указанных отраслях промышленности директива XXIV съезда КПСС о достижении высоких темпов роста производства постоянно выполнялась.

В лесопромышленном комплексе Сибири выработка конечной продукции увеличилась в большей мере, чем выпуск начальной и промежуточной продукции, однако это слабо повлияло на общий темп роста производства из-за незначительной роли в составе данного комплекса предприятий по глубокой переработке сырья. Такие предприятия стали создаваться в Сибири относительно недавно, причем их мощности наращивались медленно, непропорционально увеличению объема заготовки сырья. Поэтому структура лесопромышленного комплекса в Сибири оставалась менее рациональной, чем в ряде лесоперерабатывающих районов (например, в Поволжье, на Северном Кавказе). Около половины продукции лесопромышленного комплекса Сибири приходилось на заготовку древесины,

лишь восьмая часть — на целлюлозно-бумажную промышленность. Относительно низка и доля в общем производстве мебельной промышленности: удельный вес этой отрасли в валовой продукции всего комплекса в Западной Сибири примерно в 2 раза ниже, чем на Северном Кавказе.

В производстве лесопроductии Сибирь по-прежнему специализировалась на сырье и продуктах его первичной переработки (пиломатериалах, рудостойке, шпалах и т. п.) и вывозила их во все более увеличивающихся размерах в отдаленные районы. За 60-е годы при увеличении заготовки деловой древесины на 42% объем вывоза круглого леса в европейскую часть страны, Казахстан и Среднюю Азию удвоился, достигнув 15 млн. м³, что обусловило возрастание транспортных затрат и сокращение резервов пропускной способности железных дорог¹².

Особое внимание обращает на себя динамика производства в машиностроении, химической и нефтехимической промышленности, которые занимают сильные позиции в структуре промышленности Сибири. В прошлом эти отрасли — лидеры технического прогресса — по росту производства сильно опережали промышленность в целом, с конца 60-х годов темп роста их продукции в Сибири находился на уровне общепромышленного либо чуть превышал его.

Отметим важные изменения в структуре основных отраслей промышленности Сибири. В топливной промышленности на приоритетные позиции вышли нетрудоемкие и менее капиталоемкие по сравнению с угледобычей производства: в Западной Сибири на долю нефтяной и газовой промышленности к 1 января 1976 г. приходилось уже около половины стоимости основных производственных фондов топливной промышленности, на долю угольной промышленности — несколько более 2/5 этой стоимости (в 1967 г. — более 4/5). Удельный вес Сибири в валовой продукции топливной промышленности СССР поднялся с 14% в 1965 г. до 20% в 1974 г., причем по нефтедобывающей промышленности доля Сибири выросла до 23,7%. Хотя к добыче нефти и газа приступили почти одновременно, формирование на Западно-Сибирской равнине нефтяной базы происходило намного быстрее, чем газовой: в 1975 г. производительность первой (в переводе на нефть) превышала «отдачу» второй в 4 раза¹³.

В цветной металлургии Сибири повысилась роль алюминиевой промышленности; в составе лесопромышленного комплекса увеличилась доля целлюлозно-бумажной промышленности; выросло значение нефтехимии в производстве химической продукции. Осуществление курса на ускоренное развитие в восточной зоне целлюлозно-бумажной промышленности привело к возрастанию значения Сибири и Дальнего Востока в общесоюзном производстве продукции данной отрасли: в 1975 г. здесь была произведена уже четверть всей целлюлозы.

Указанные изменения выражают ориентацию на углубление переработки сырья путем создания новых предельных мощностей, своеобразных «верхних этажей» промышленности, надстраивающихся над ее «нижним этажом» — начальными стадиями производства. Эта прогрессивная тенденция, по всей вероятности, сохранится и в перспективе.

Изменения в отраслевой структуре промышленности Сибири не во всем совпадали с соответствующей модификацией промышленной структуры СССР. Так, в целом по стране удельный вес топливной промышленности уменьшился с 7,7% в 1960 г. до 5,5% в 1974 г., в Сибири же он несколько вырос. Доля цветной металлургии в валовой продукции промышленности Сибири существенно возросла, в то время как по стране в целом этого не наблюдалось. Доля отраслей лесопромышленного комплекса в целом по СССР уменьшилась в значительно большей мере, чем в Сибири, поэтому ее удельный вес в общесоюзном производстве увеличился с 12,4% в 1965 г. до 14,2% в 1975 г.¹⁴ Указанные различия в изменении отраслевой

структуры правомерны, если учесть роль Сибири в формировании топливного и сырьевого балансов страны. Так, устойчиво повышался удельный вес Сибири в валовой продукции топливной промышленности СССР, в общесоюзной продукции цветной металлургии, в производстве древесины, пиломатериалов и т. д.

Удельный вес электроэнергетики, химической и нефтехимической промышленности, машиностроения и металлообработки в валовой продукции промышленности СССР повысился с 23,0% в 1960 г. до 36,5% в 1974 г., в Сибири, по нашим расчетам, с 24 до 36%. При этом доля электроэнергетики и химической промышленности в валовой продукции промышленности Сибири была значительно выше, чем в целом по СССР, а доля машиностроения ниже. Эти различия отражали высокую обеспеченность Сибири природными ресурсами и сложившееся в СССР территориальное разделение труда.

Отраслевые комплексы, функционирующие в промышленности Сибири, существенно отличались от общесоюзных в сторону большей роли заготовительных производств и меньшего значения перерабатывающих. Так, по нашим расчетам, в 1974 г. в составе топливного комплекса СССР на нефтедобывающую и угольную промышленность приходилось 57% стоимости его продукции, в Сибири же — 75%¹⁵. Лесопромышленный комплекс Сибири также был менее ориентирован на глубокую переработку сырья, чем общесоюзный. Такие соотношения в принципе нельзя было признать рациональными, так как углубление степени переработки сырья в Сибири давало бы большой экономический эффект.

Таким образом, в рассматриваемый период осуществлялся курс на ускоренное развитие производительных сил Сибири, которое обеспечивалось путем реализации долговременных народнохозяйственных проектов. Их целевые установки, вытекающие из общегосударственных задач, вывели на лидирующие позиции ряд отраслей сибирской промышленности — нефтяную и газовую, цветную металлургию, нефтехимию и целлюлозно-бумажную промышленность. При этом были широко применены прогрессивные технологические решения и новые орудия труда, достигнут высокий уровень концентрации производства, что обусловило благоприятную динамику удельных затрат на выпуск продукции.

В результате увеличения мощности производственного аппарата Сибирь вошла в группу наиболее развитых регионов СССР, о чем свидетельствует изменение показателя общего объема продукции сферы материального производства в Сибири, превысившего к середине 70-х годов суммарный выпуск в Казахстане и республиках Средней Азии. В целом было достигнуто усиление экономического потенциала Сибири, и ее роль в общесоюзном производстве возросла.

СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ

В соответствии с планом десятой пятилетки намечалось значительное опережение в развитии промышленности Сибири по сравнению с промышленностью страны.

Разрыв в планируемых и фактических темпах увеличения промышленной продукции в Сибири оказался большим, чем в среднем по стране. Подобное же явление наблюдалось и в девятой пятилетке. Это наводит на мысль о том, что факторы, обуславливающие отклонение фактической траектории промышленного развития от планируемой, в Сибири действуют сильнее. Представительный анализ упомянутых факторов еще не проведен. Однако можно отметить, в частности, частые сбои в работе транспорта и дефицит электроэнергии в Сибири.

¹² Тенденции экономического развития Сибири..., с. 57.

¹³ Там же, с. 59.

¹⁴ Там же, с. 58—59.

¹⁵ Тенденции экономического развития Сибири с. 59.

В результате темпы роста производства в Сибири приблизились к общесоюзным. Эта тенденция, по-видимому, сохранится в одиннадцатой пятилетке.

Лидирующими отраслями сибирской промышленности, характеризующимися относительно высокими темпами роста производства и определяющими место региона в общесоюзном разделении труда, в десятой пятилетке, как и ранее, являлись нефтяная, газовая промышленность, цветная металлургия, целлюлозная промышленность. Доля Сибири в общесоюзном производстве нефти и газового конденсата в 1980 г. превысила половину. Сибирь дала одну треть добываемых в стране угля и природного газа, четверть заготовленной древесины. Высок удельный вес региона в общесоюзном производстве меди, никеля, алюминия, целлюлозы.

Удельный вес добывающей промышленности в валовой продукции всей промышленности в Сибири в 2 раза выше, чем по СССР. Отрасли же промышленности, выпускающие основную часть конечной продукции (машиностроение, легкая и пищевая промышленность), имеют в Сибири существенно меньший удельный вес по сравнению с индустрией СССР.

Ряд специфических условий (экстремальность природной среды в сравнении с большинством других районов страны, дальность расстояний перевозки, дополнительные расходы на оплату труда и др.) вызывают повышенную капиталоемкость чистой продукции: доля Сибири в общесоюзном фонде капитальных вложений во второй половине 70-х годов достигла 12% (в национальном доходе СССР — около 10% в 1980 г.).

С начала 70-х годов районами наибольшей инвестиционной активности в Сибири являются Тюменская область и Красноярский край. В 1976—1980 гг. здесь была осуществлена половина капитальных вложений, израсходованных соответственно в Западной и Восточной Сибири. В Тюменской области подавляющая часть инвестиций вложена в создание и развитие главной нефтяной базы страны в Среднем Приобье и формирование основной базы по добыче природного газа в Нижнем Приобье. В Красноярском крае основные инвестиционные потоки были связаны с развитием Норильского промышленного узла и формированием Саянского территориально-производственного комплекса.

В 70-х годах Сибирь стала превращаться в основную топливно-энергетическую базу страны. Ускоренный рост нефтяной и газовой промышленности позволил резко повысить удельный вес региона в общесоюзном производстве топливно-энергетических ресурсов: по расчетам Ю. И. Максимова, он вырос с 11,2% в 1965 г. и 14,2% в 1970 г. до 26% в 1975 г. и 43,2% в 1980 г.¹⁶ Ныне Сибирь производит топлива больше, чем европейская часть СССР (включая Урал), хотя сильно отстает от нее по его потреблению.

Указанное достижение можно считать важнейшим итогом промышленного развития Сибири в 1971—1980 гг. и главным «заделом», определяющим ее экономический рост в 80-х годах.

Примерно две трети добываемого в Сибири топлива передается в европейскую часть страны (включая Урал). При этом рост переброски топлива из восточной зоны страны в западную носит скачкообразный характер: за 1976—1980 гг. он увеличился более чем в 2,5 раза и превысил 500 млн. т (в условном топливе).

В одиннадцатой пятилетке роль Сибири в формировании топливно-энергетического баланса страны возрастает: ее удельный вес по добыче нефти повышается с 52% в 1980 г. до 62% в 1985 г., по добыче газа — соответственно с 36 до 53%. Добыча углеводородов увеличится в 1981—1985 гг. по сравнению с 1976—1980 гг. почти в 2 раза. Значительно повысится также доля Сибири в общесоюзной добыче угля. В сложившихся объективных условиях это неизбежно приведет к дальнейшей концентрации

используемых в Сибири капиталовложений в отраслях топливно-энергетического комплекса, прежде всего в границах Западно-Сибирского нефтегазового комплекса, что ограничит приток инвестиций в другие сферы хозяйства. Так, по плану одиннадцатой пятилетки капиталовложения в нефтегазовый комплекс увеличиваются вдвое по сравнению с десятой пятилеткой. Практически почти все дополнительные капиталовложения, выделяемые Западной Сибири в одиннадцатой пятилетке (по сравнению с десятой), предназначаются для данного комплекса. Наряду с топливной промышленностью в плане 1981—1985 гг. предусматривается ускоренный рост в Сибири химической и нефтехимической, целлюлозно-бумажной и деревообрабатывающей, микробиологической промышленности.

Если исходить из сложившихся тенденций и перечня первоочередных объектов капитального строительства, то следует ожидать в одиннадцатой пятилетке дальнейшего повышения удельного веса Тюменской области и Красноярского края в промышленном развитии Сибири. (Заметим в данной связи, что в Красноярском крае началось формирование Канско-Ачинского топливно-энергетического комплекса.) Запаздывание (по сравнению с ранее намечавшимися сроками) со сдачей в постоянную эксплуатацию Байкало-Амурской магистрали и отсутствие законченных проектных проработок практически исключают возможность широкого хозяйственного освоения зоны БАМа в границах Забайкалья.

Восьмидесятые годы характеризуются усилением дефицита ресурсов накопления и резким ослаблением притока трудовых ресурсов в народное хозяйство (прирост населения в трудоспособном возрасте уменьшится примерно в 4 раза по сравнению с предшествующим десятилетием). Сейчас еще трудно конкретно представить себе все последствия для Сибири резкого ухудшения динамики этих двух основных производственных факторов, так как народное хозяйство СССР до сих пор не функционировало в условиях столь жестких ограничений по инвестициям и труду. К ним следует также добавить продовольственные затруднения, ухудшающие социальный «фон» экономического роста.

Логический анализ позволяет наметить три возможные альтернативы экономического развития Сибири в 80-е годы, которые можно рассматривать как некое подобие сценариев будущего.

Сценарий № 1 — это дальнейшая концентрация усилий на развитие в Сибири общесоюзных топливно-энергетической и сырьевой баз с преимущественной ориентацией их продукции на вывоз в европейскую часть страны (включая Урал) и относительно небольшим ростом в Сибири перерабатывающих производств. Это наименее эффективный вариант развития производительных сил Сибири, ведущий к непропорциональному увеличению транспортных затрат и препятствующий комплексному использованию начальной и промежуточной продукции материального производства.

Сценарий № 2 предполагает большее развитие в Сибири передельных производств, использующих местные природные материалы, в первую очередь энергоемких, электроемких и водоемких (нефтеперерабатывающая, нефтехимическая и химическая промышленность, производство готового проката черных и цветных металлов, целлюлозно-бумажная, деревообрабатывающая и микробиологическая промышленность). Данный вариант предполагает расширение круга отраслей общесоюзной специализации и увеличение вклада Сибири в формирование общесоюзных балансов промежуточной и конечной продукции. Эффективность производства при этом повышается за счет комплексного использования сырья и относительного сокращения транспортных затрат.

Сценарий № 3 предусматривает более равномерное развитие в Сибири наряду с современными отраслями ее общесоюзной специализации и глубокой переработкой местного сырья (в том числе для вывоза из региона полуфабрикатов и готовой продукции) отраслей, производящих конечную продукцию (машины, оборудование, потребительские товары). Этот ва-

¹⁶ Максимов Ю. И. Добыча топливно-энергетических ресурсов в Сибири. — Изв. СО АН СССР, 1982, № 6. Сер. обществ. наук, вып. 2.

риант требует огромного напряжения усилий и может (в сложившихся условиях) рассматриваться как менее осуществимый, чем второй.

С учетом большой инерционности сформировавшихся территориальных пропорций народного хозяйства, возрастающей напряженности балансов капитальных вложений и трудовых ресурсов в целом по стране и принятой ориентации на преимущественную модернизацию и обновление имеющегося производственного аппарата можно ожидать, что первоначально развитие производительных сил Сибири будет больше тяготеть к первому варианту, чем ко второму, а в последующем — по мере ослабления указанных ограничений — возникнут благоприятные условия для развития по второму варианту.

*Институт экономики и организации
промышленного производства
СО АН СССР, Новосибирск*

Т. Б. БАРАНОВА

ОСНОВНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ РАЗВИТИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СИБИРИ В ДЕСЯТОЙ ПЯТИЛЕТКЕ

В десятой пятилетке промышленность Сибири развивалась более высокими темпами, чем промышленность СССР в целом, хотя темпы роста производства в Сибири, как и в стране в целом, снизились по сравнению с соответствующими показателями в седьмой — девятой пятилетках. Удельный вес Сибири в общесоюзном производстве промышленной продукции увеличился к 1980 г. на 0,2 процентных пункта по сравнению с 1975 г. (см. табл. 2). Поскольку на величину удельного веса Сибири в общесоюзном производстве большое влияние оказывает исходная база, возрастающая роль Сибири в развитии промышленного производства СССР полнее отражается в показателях удельного веса Сибири в приростах производства промышленной продукции. Удельный вес Сибири в приросте валовой продукции промышленности СССР за десятую пятилетку был на 0,9 процентных пункта выше этого показателя за девятую пятилетку.

Если использовать показатель производства промышленной продукции на душу населения как характеристику уровня индустриального развития, можно отметить, что качественное изменение положения Сибири среди регионов СССР произошло в восьмой пятилетке: в Сибири стало производиться валовой продукции промышленности на душу населения больше, чем в среднем по стране¹. В 1975 г. в Сибири было произведено промышленной продукции в расчете на душу населения на 12,3% больше, чем в среднем по СССР. За годы десятой пятилетки этот разрыв увеличился до 14,3%.

За 1976—1980 гг. в Сибири в наибольшей степени выросло производство в топливной промышленности (почти в 1,5 раза), в машиностроении (приблизительно в 1,4 раза), в химической и легкой промышленности валовая продукция увеличилась более чем в 1,2 раза. Именно в этих отраслях в десятой пятилетке производство росло темпами выше среднепромышленных и выросла их доля в общесоюзном производстве (табл. 1).

Удельный вес Сибири в общесоюзном приросте продукции топливной промышленности вырос с 40% в девятой пятилетке до 59,3% в десятой пятилетке (табл. 2). Как и в предшествующем периоде наиболее важным результатом развития топливной промышленности Сибири явилось значительное увеличение добычи нефти и природного газа в Западной Сибири. Усилилась ее роль в обеспечении внутрисоюзных потребностей и формировании экспортных поставок данных топливно-энергетических ресурсов.

Удельный вес Сибири в общесоюзном производстве нефти за 1976—1980 гг. вырос на 21,7 процентных пункта, газа — на 23,5 процентных пункта (см. табл. 3). Особенно заметна роль Сибири в общесоюзных приростах производства этих продуктов: так, в десятой пятилетке Сибирь обеспечила весь прирост добычи нефти в стране, компенсировав снижение добычи нефти в ряде районов.

¹ См. Сибирь в едином народнохозяйственном комплексе. Новосибирск: Наука, 1980, с. 27.

Таблица 1

Изменения в отраслевой структуре промышленности
(по валовой продукции), %

Отрасль промышленности	Сибирь		СССР	
	1975 г.	1980 г.	1975 г.	1980 г.
Вся промышленность	100	100	100	100
Электроэнергетика	5,2	5,2	3,0	3,0
Топливная	14,4	17,0	6,0	5,6
Химическая и нефтехимическая	7,2	7,3	6,6	7,0
Машиностроение и металлообработка	21,3	23,4	24,0	28,7
Лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная	8,2	6,9	4,7	4,1
Промышленность строительных материалов	4,0	3,7	4,1	3,6
Легкая	10,5	10,6	16,7	15,9
Пищевая	14,7	11,9	18,4	15,9
Остальные отрасли	14,5	14,0	16,5	16,2

Примечание. Табл. 1—3 рассчитаны автором с использованием справочников: Народное хозяйство СССР в 1980 году. Стат. ежегодник. М.: Статистика, 1981; Народное хозяйство РСФСР в 1975 году. Стат. ежегодник. М.: Статистика, 1976; Народное хозяйство РСФСР в 1980 году. Стат. ежегодник. М.: Статистика, 1981; Народное хозяйство РСФСР в 1975 году. Стат. ежегодник. М.: Статистика, 1976. См. также: Баранова Т. Б. Основные показатели развития промышленности Сибири в седьмой—девятой пятилетках. — Изв. СО АН СССР. 1979, № 1, Сер. обществ. наук, вып. 1, с. 23—33; Баранова Т. Б. Динамика занятости, производительности труда и основных производственных фондов в промышленности Сибири. — Изв. СО АН СССР. 1980, № 6, Сер. обществ. наук, вып. 2, с. 105—112.

В машиностроении Сибири темпы роста производства в десятой пятилетке продолжали замедляться. Так же, как и в девятой пятилетке, доля региона в приросте общесоюзного производства за пятилетку была ниже, чем в достигнутом объеме производства. Сибирское машиностроение уже длительное время развивается преимущественно на базе ранее созданных предприятий без коренной их реконструкции и изменения специализации².

Химическая и нефтехимическая промышленность Сибири в десятой пятилетке развивалась темпами выше среднепромышленных, что привело к увеличению ее удельного веса в промышленном производстве региона (см. табл. 3), однако темпы увеличения валовой продукции этой отрасли в Сибири остаются в десятой пятилетке (как в восьмой и девятой)³ ниже среднесоюзных. Доля Сибири в приросте общесоюзного производства валовой продукции химической и нефтехимической промышленности за десятую пятилетку ниже, чем доля в достигнутом к 1980 г. объеме производства. Сократилось производство минеральных удобрений, замедлился рост выпуска синтетических смол и химических волокон. Все это, безусловно, не соответствует ресурсно-экономическим возможностям региона.

В десятой пятилетке среднегодовой темп прироста производства в электроэнергетике Сибири был ниже среднепромышленного. Намечившаяся в восьмой пятилетке тенденция к снижению темпов прироста производства в отрасли сохранилась до настоящего времени. В восьмой—десятой пятилетках наблюдается тенденция к снижению доли Сибири в приростах общесоюзного производства валовой продукции данной отрасли. Однако если в предшествующие пятилетки роль региона в обеспечении приростов общесоюзного производства в электроэнергетике была выше его удельного веса в достигнутых объемах производства, то в десятой пятилетке удельный вес Сибири в приросте общесоюзного производства валовой продукции электроэнергетики ниже ее удельного веса в достигнутом к 1980 г. объеме производства. Снизился удельный вес региона в общесоюзном производстве электроэнергии (см. табл. 3). В результате Сибирь

² Сибирь в едином..., с. 32.

³ Там же, с. 31.

Таблица 2

Удельный вес Сибири в общесоюзном производстве и в приростах валовой продукции отраслей промышленности СССР, %

Отрасль промышленности	Удельный вес в валовой продукции		Удельный вес в приростах валовой продукции за 1976—1980 гг.
	1975 г.	1980 г.	
Вся промышленность	9,0	9,2	10,4
Электроэнергетика	15,3	15,0	13,9
Топливная	21,1	26,7	59,3
Химическая и нефтехимическая	9,4	9,2	8,6
Машиностроение и металлообработка	7,7	7,4	6,6
Лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная	16,0	16,0	15,3
Промышленность строительных материалов	9,0	9,5	15,9
Легкая	5,4	5,9	8,7
Пищевая	6,3	6,0	1,9

утратила преимущества региона со значительными резервами энергетических мощностей. Это является существенным недостатком в развитии хозяйственного комплекса Сибири, в котором электроэнергетика призвана играть роль ведущего звена, и отрицательные последствия сложившейся ситуации будут иметь не кратковременный характер.

Не являясь отраслью специализации, легкая промышленность Сибири сохраняет относительно высокие темпы роста производства и в десятой пятилетке. За годы десятой пятилетки вырос удельный вес Сибири в общесоюзном производстве валовой продукции и в приросте продукции отрасли за пятилетку. Так же, как и в девятой, в десятой пятилетке разрыв между удельным весом в приросте общесоюзного производства и достигнутым к концу пятилетки объемом производства в легкой промышленности составляет 2,8 процентных пункта. Хотя объемы производства таких видов продукции отрасли, как ткани, бельевой и верхний трикотаж, кожаная обувь, увеличились, Сибирь еще не достигла среднесоюзного уровня по производству этих видов продукции на душу населения.

Темпы прироста производства в промышленности строительных материалов Сибири, хотя и были в десятой пятилетке существенно ниже, чем в предшествующих, тем не менее заметно опережали среднесоюзные. В результате удельный вес региона в общесоюзном производстве отрасли увеличился, и особенно выросла роль региона в обеспечении прироста общесоюзного производства продукции отрасли. Удельный вес Сибири в приросте производства валовой продукции отрасли за пятилетку превышает удельный вес ее в достигнутом к 1980 г. объеме производства на 6,4 процентных пункта.

Динамика развития лесной промышленности Сибири в десятой пятилетке отличалась существенными особенностями. Если в предшествующий период темпы развития этой отрасли сибирской промышленности устойчиво превышали среднесоюзные⁴, то среднегодовой за десятую пятилетку темп прироста производства в отрасли был ниже среднесоюзного. Снизилась роль региона в обеспечении прироста общесоюзного производства. Так же, как и в целом по стране, в Сибири произошло уменьшение абсолютных объемов производства по таким видам продукции, как вывозка древесины, пиломатериалы, хотя по производству этих видов продукции на душу населения Сибирь все еще существенно обгоняет среднесоюзный уровень.

Темпы прироста продукции пищевой промышленности Сибири в десятой пятилетке снижались по сравнению с седьмой—девятой пятилетками. Среднегодовой за пятилетку темп прироста валовой продукции отрасли оказался ниже среднесоюзного. Снизился удельный вес региона в

⁴ Сибирь в едином..., с. 32.

Таблица 3

Удельный вес Сибири в общесоюзном производстве и в приростах за пятилетки производства важнейших видов промышленной продукции, %

Вид продукции	Удельный вес в производстве		Удельный вес в приросте производства	
	1975 г.	1980 г.	1971—1975 гг.	1976—1980 гг.
Электроэнергия	16,1	15,9	16,5	14,9
Нефть (включая конденсат)	30,1	51,8	83,2	146,5
Газ (включая попутный)	13,3	36,8	31,6	83,2
Уголь	29,0	31,4	32,9	131,4
Минеральные удобрения	3,1	2,5	0,4	—
Синтетические смолы	13,0	11,2	12,5	1,1
Синтетические и искусственные волокна	11,4	11,2	8,7	10,7
Вывозка древесины	25,9	26,4	83,2	—
Пиломатериалы	22,5	25,5	169,5	—
Сборные железобетонные конструкции	7,7	8,1	12,4	13,5
Цемент	9,6	9,8	8,4	15,1
Ткани всех видов	3,1	4,0	2,8	12,1
Верхний трикотаж	6,2	5,9	4,0	—
Кожаная обувь	4,3	4,2	6,3	2,6
Мясо (включая субпродукты I кат.)	7,6	8,2	5,4	—
Масло животное	9,6	9,3	15,8	3,7
Мебель	6,6	6,5	6,5	6,3

объеме и особенно в приросте объема общесоюзного производства по отраслям. Уменьшилась доля региона в объемах и в приросте объема производства некоторых видов продукции пищевой промышленности страны. Следует отметить увеличение удельного веса Сибири в производстве мяса в 1980 г. по сравнению с 1975 г. Медленный рост пищевой промышленности непосредственно влияет на обеспеченность продуктами питания сибирского населения.

Неравномерное развитие отдельных отраслей привело к изменениям в отраслевой структуре сибирской промышленности (табл. 3). В 1980 г. по сравнению с 1975 г. повысился удельный вес топливной промышленности и машиностроения в валовой продукции промышленности. Незначительно выросла доля в промышленном производстве региона таких отраслей, как химическая, легкая и промышленность строительных материалов. На том же уровне сохранился удельный вес электроэнергетики. Остальные отрасли соответственно снизили свой удельный вес в производстве валовой продукции промышленности региона.

Главная структурная особенность развития сибирской промышленности — то, что ее опережающий рост обеспечивался за счет ускоренного развития отраслей заготовительного профиля, в первую очередь подотраслей топливной промышленности. Уже в течение длительного периода в отличие от общесоюзной тенденции в Сибири темпы роста валовой продукции добывающей промышленности незначительно уступали темпам роста обрабатывающей промышленности, а в девятой пятилетке добывающая промышленность даже имела незначительное преимущество⁵. В десятой пятилетке преимущественный рост добывающей промышленности Сибири сохраняется: темпы роста производства в добывающей промышленности опережают темпы роста производства в обрабатывающей промышленности почти на 9 процентных пункта (табл. 4). Это привело к повышению доли добывающей промышленности в общем объеме промышленного производства региона. Если удельный вес региона в производстве валовой про-

⁵ Сибирь в едином..., с. 29.

Таблица 4

Темпы прироста валовой продукции добывающей и обрабатывающей промышленности Сибири в десятой пятилетке, %

	Погодовые темпы прироста					Среднегодовой за пятилетку темп прироста
	1976	1977	1978	1979	1980	
Добывающая	3,1	7,3	7,5	6,4	5,1	5,8
Обрабатывающая	4,5	7,1	4,8	2,3	3,4	4,4

дукции обрабатывающей промышленности страны увеличился очень незначительно, то в производстве валовой продукции добывающей промышленности он поднялся почти на 5 процентных пунктов. Особенно возросла роль Сибири в обеспечении прироста общесоюзного производства валовой продукции добывающей промышленности: в девятой пятилетке Сибирь обеспечивала приблизительно треть этого прироста, в десятой — доля региона удвоилась. В 1980 г. производство валовой продукции добывающей промышленности на душу населения в Сибири более чем в 3 раза превысило среднесоюзный уровень.

Региональная специфика индустриального развития Сибири заключается в том, что в последнее время заметно усиливается специализация Сибири на производстве топлива и сырья, которыми она обеспечивает все увеличивающуюся долю прироста общесоюзных потребностей.

Если в целом по промышленности СССР наблюдается ускоренное развитие машиностроения, химической промышленности и т. п., то в Сибири отмечается ускоренный рост топливной промышленности, что обеспечивается ее нефтегазовыми подотраслями⁶. В десятой пятилетке влияние ускоренного развития топливной промышленности (ее нефтегазовых подотраслей) на общий темп роста сибирской промышленности усиливается (табл. 5). Так, если в девятой пятилетке при исключении топливной промышленности среднегодовой темп прироста промышленного производства Сибири падает на 0,4 процентных пункта, а при исключении только нефтяной промышленности — на 0,5, то в десятой пятилетке при исключении топливной промышленности он падает на 0,6 процентных пункта, а при исключении нефтяной и газовой — на 0,9. Для промышленности СССР эта же операция приводит к незначительному повышению среднегодового темпа прироста промышленного производства.

Развитие добывающей и обрабатывающей промышленности в Сибири существенно отличается от общесоюзной тенденции. В десятой пятилетке среднегодовые темпы прироста численности промышленно-производственного персонала и стоимости промышленно-производственных основных фондов в обрабатывающей промышленности Сибири были ниже (примерно на 0,3 процентных пункта) среднесоюзных, тогда как среднегодовой за

Таблица 5

Влияние развития топливной (и нефтегазовой) промышленности на темпы прироста валовой продукции промышленности Сибири в десятой пятилетке, %

	Погодовые темпы прироста					Среднегодовой за 1976—1980 гг.
	1976	1977	1978	1979	1980	
Вся промышленность без топливной	5,5	4,4	4,7	2,4	3,4	4,1
Вся промышленность без нефтегазовой	5,4	4,2	4,3	2,2	3,0	3,8

⁶ Сибирь в едином..., с. 29—30.

пятилетку темп прироста валовой продукции и соответственно производительности труда был выше в Сибири. Если в конце девятой пятилетки уровень производительности труда в обрабатывающей промышленности Сибири был несколько ниже, чем в среднем по СССР, то к концу десятой пятилетки он уже превышал среднесоюзный уровень. Медленнее, чем в среднем по стране, снижалась фондоотдача в обрабатывающей промышленности Сибири. В результате разрыв между уровнем фондоотдачи в Сибири и соответствующим среднесоюзным показателем за годы десятой пятилетки сократился.

В добывающей промышленности Сибири в десятой пятилетке среднегодовые темпы прироста численности промышленно-производственного персонала, стоимости промышленно-производственных основных фондов, валовой продукции, а также по фондовооруженности и производительности труда были выше темпов прироста соответствующих показателей по всей промышленности Сибири, по добывающей и всей промышленности страны в целом. В 1975 г. уровень фондовооруженности в добывающей промышленности Сибири был ниже среднесоюзного, но в 1980 г. он уже превышал среднесоюзный уровень на 6%. За годы десятой пятилетки еще больше увеличился разрыв в уровнях производительности труда в добывающей промышленности Сибири и СССР. Если в 1975 г. выработка валовой продукции на одного работающего в добывающей промышленности Сибири была выше в 1,3 раза, чем в среднем по стране, то в 1980 г. этот показатель увеличился уже более чем в 1,5 раза.

Фондоотдача в добывающей промышленности Сибири снижалась в десятой пятилетке несколько быстрее, чем в среднем по СССР, что привело к сокращению разрыва между этими показателями. Тем не менее уровень фондоотдачи в сибирской добывающей промышленности в 1980 г. более чем в 1,4 раза превышал соответствующий среднесоюзный показатель. Это свидетельствует о более высокой эффективности добывающей промышленности Сибири по сравнению со среднесоюзным уровнем.

В целом по промышленности Сибири в десятой пятилетке производительность труда росла довольно высокими темпами, но одновременно снижалась фондоотдача, и оба эти процесса происходили в Сибири быстрее, чем в среднем по СССР. Следовательно, промышленность Сибири сравнительно эффективно развивалась по трудовому фактору и менее эффективно с точки зрения использования основных производственных фондов.

*Институт экономики и организации
промышленного производства
СО АН СССР, Новосибирск*

А. А. ГРИШИН, Д. В. ЧЕРНЫХ

К МЕТОДОЛОГИИ РАЗРАБОТКИ
ВНУТРИОБЛАСТНОЙ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ ПРОГРАММЫ
(на примере Новосибирской области)¹

Одним из примеров распространения программно-целевого подхода в СССР на все новые сферы стала Продовольственная программа. Являясь целевой комплексной программой, Продовольственная программа вместе с тем существенно отличается от известных типов программ.

Специфику Продовольственной программы можно выявить путем ее сопоставления с крупными региональными комплексными программами (как БАМ), методология которых достаточно разработана². Цель региональной комплексной программы — освоение природных ресурсов региона, объект — территория, на которой расположены эти ресурсы, а предмет — ее хозяйственное освоение. Основным способом реализации региональных комплексных программ является поэтому капитальное строительство, что и определяет методы и содержание их разработки. При этом народнохозяйственный приоритет осваиваемых природных ресурсов ослабляет ограничения на капитальные вложения, а потребность в трудовых ресурсах удовлетворяется за счет привлечения населения из других районов. Вопросы функционирования и дальнейшего развития создаваемого комплекса, проблемы организационно-хозяйственных связей его предприятий между собой, а комплекса в целом — с народным хозяйством региона, оказываются при таком подходе фактически за рамками программы.

Продовольственная программа имеет целью бесперебойное обеспечение населения страны продовольствием.

Такая цель, согласно принятой терминологии³, считается функциональной, т. е. состоит в развитии объекта до определенного уровня, который затем должен поддерживаться и воспроизводиться. Объектом программы является продовольственный комплекс (ПК) — уже существующая совокупность производственных, заготовительных, торговых и обслуживающих органов, распространенных по всей территории СССР. Следовательно, предметом программы станет не создание некоторого производственного комплекса, не хозяйственное освоение природных ресурсов (они практически уже освоены), а налаживание взаимоотношений между различными его компонентами, включая инфраструктурные и воспроизводственные. Само решение о разработке Продовольственной программы свидетельствует о том, что ПК не справляется со своими функциями в рамках действующего хозяйственного механизма. Поэтому, хотя новые производственные объекты необходимы для реализации Продовольственной про-

¹ Методологические предложения, излагаемые в настоящей статье, были разработаны авторами в ходе участия их в первом этапе разработки Продовольственной программы Новосибирской области, частично реализованы в итоговом документе первого этапа и будут использоваться в дальнейших разработках Новосибирской экономической лаборатории.

² См.: Шинпер Р. И. Региональные комплексные программы в системе народнохозяйственного планирования. Новосибирск, 1979 (препринт).

³ Макаров И., Соколов В., Абрамов А. Целевые комплексные программы. М.: Знание, 1980, с. 13.

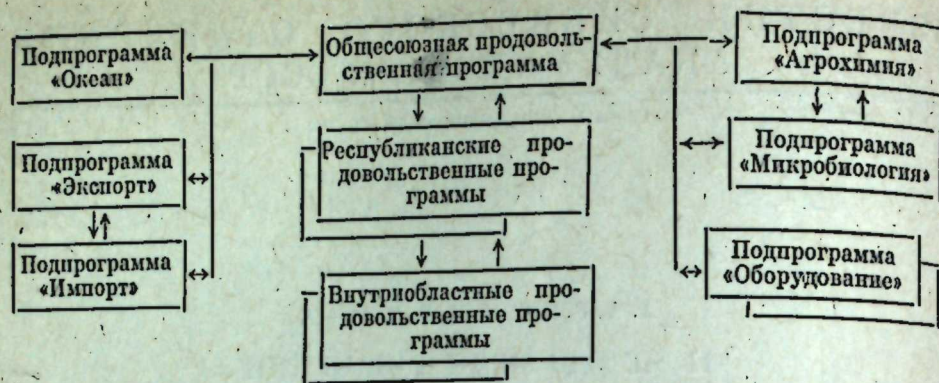

Схема 1. Макроструктура общесоюзной продовольственной программы.

граммы, некапитальное строительство будет основным способом ее реализации. Тем более, что эта программа должна быть реализована в условиях жестких ограничений на капитальные вложения и трудовые ресурсы.

В условиях практической истощенности экстенсивных факторов развития решающее значение для достижения цели Продовольственной программы приобретают факторы интенсификации, т. е. научно-технический прогресс, с одной стороны, и совершенствование хозяйственного и социального механизмов ПК — с другой. А поскольку неправомерно внедрять научно-технические и социально-экономические идеи без экспериментальной проверки, эксперимент (реальный и модельный) становится основным методом разработки программы, а тиражирование экспериментально отобранных результатов — основным методом ее реализации.

Привязка к территории как основных производственных ресурсов ПК, так и потребителей его продукции обуславливает необходимость территориального структурирования общесоюзной Продовольственной программы (схема 1).

В этой структуре внутриобластные программы представляют наибольший интерес. Они отличаются, во-первых, двойственностью цели и ресурсов. В большинстве областей ПК должен работать одновременно на две цели: продовольственное обеспечение населения области и формирование централизованных продовольственных фондов. Эта двойственность выражает диалектическое единство противоположностей; ни одна область не может производить весь набор необходимых для полноценного питания продуктов, поэтому в достижении первой цели неизбежно участвуют и централизованные фонды. С другой стороны, отвлечение продовольственных ресурсов в эти фонды непосредственно сказывается на обеспечении населения области продуктами местного ассортимента. В настоящее время ПК всех областей ориентированы исключительно на вторую цель, что является одной из причин продовольственной проблемы.

Точно так же, основные производственные ресурсы ПК — земельные, водные, почвенно-климатические, трудовые, а также некоторые воспроизводственные (сельская стройбаза, рембаза, местные удобрения, отчасти машиностроительная база в форме шефской помощи) привязаны к территории и могут быть эффективно использованы лишь на уровне области. Но ни одна область не может осуществить производство продовольствия (не говоря уже о воспроизводстве) лишь на базе местных ресурсов: необходимы оборудование, удобрения и другие централизованные ресурсы. Более того, именно на уровне области осуществима проработка размещенных условий и, тем самым, определение ассортиментной структуры потребности областного ПК в централизованных ресурсах. Иначе говоря, внутриобластные программы должны быть исходными моментами в разработке общесоюзной.

Во-вторых, наличие партийных, советских и хозяйственных органов областного уровня делает область наиболее подходящим типом объекта

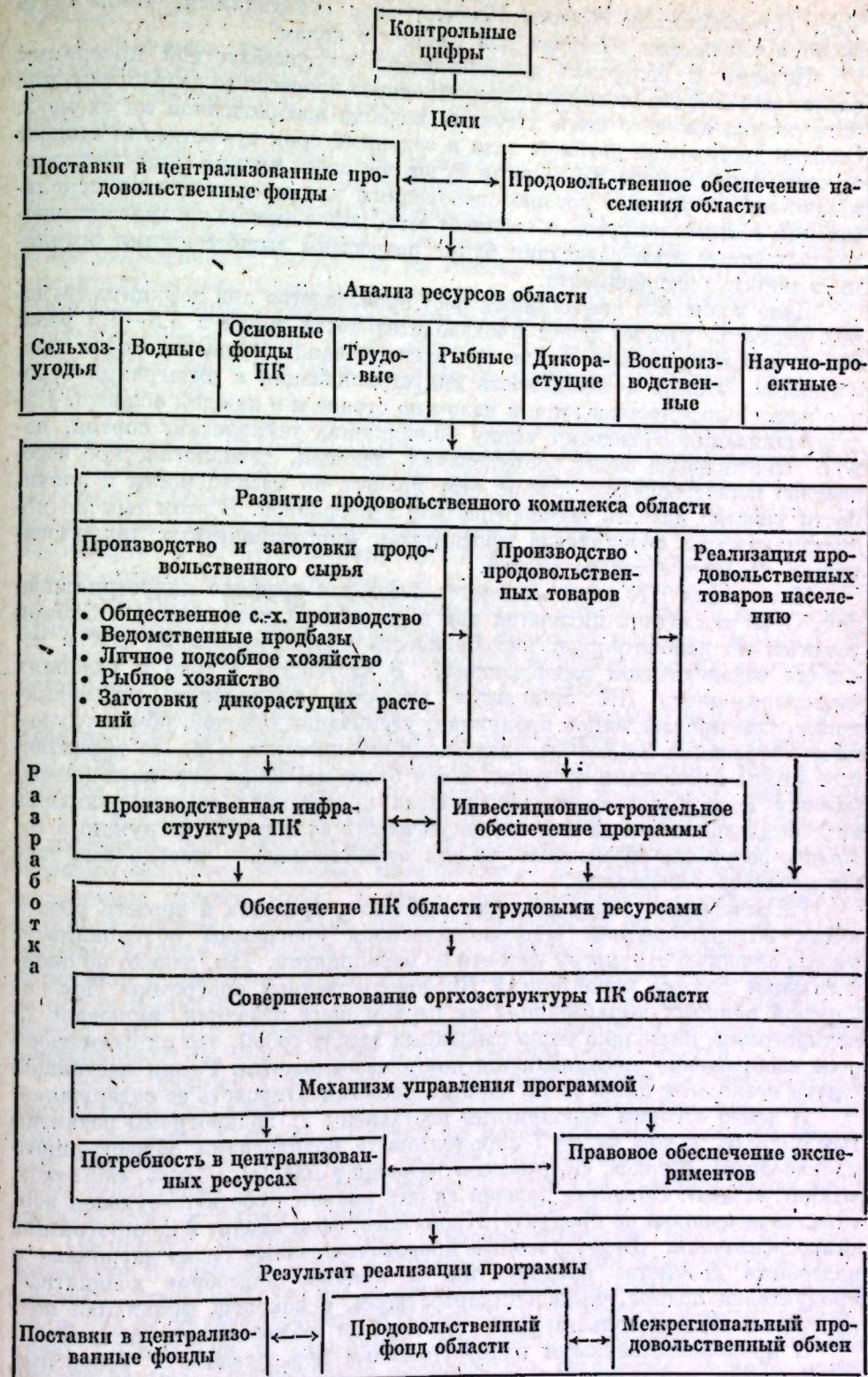

Схема 2. Логика разработки программы.

для локальных технологических, организационно-хозяйственных и социально-экономических экспериментов. Для этого более других подходят области, располагающие необходимым научно-проектным потенциалом.

Так, Новосибирская область обладает всем необходимым, чтобы стать экспериментальным объектом для Сибири в целом.

Целевая и ресурсная двойственность внутриобластной программы влечет за собой необходимость итерационного процесса ее разработки, при этом логика каждого шага итерации подобна изображенной на схеме 2. Степень достижения двойной цели в заданный срок существенно зависит от того, в какой мере ПК области будет обеспечен именно теми централизованными ресурсами, которые необходимы для продуктивного использования местных ресурсов, а также от того, какие именно организационно-хозяйственные преобразования будут разрешены вышестоящими органами в порядке эксперимента.

Дело в том, что необходимый рост производства при дефиците трудовых ресурсов требует роста производительности труда в 3,5—4,5 раза. Этого нельзя добиться путем совершенствования существующего производства. Отсюда необходимость индустриализации и интеграции агропромышленного производства в целом по стране и в каждой области. Индустриализация обозначает смену большинства технологий, сортов, пород, значительную смену оборудования, наконец, технологическое обеспечение межотраслевых стыков: этот процесс по масштабности и значимости уместно назвать технологической интеграцией. В этом смысле индустриализация обусловлена проведением многовариантных технологических экспериментов на местах.

Интеграция ПК рассматривается здесь как средство индустриализации. Опыт последних пятилеток как в целом по стране, так и в Сибири убедительно демонстрирует невозможность индустриализации ПК в условиях ведомственной разобщенности. В частности, только в условиях интегрированного ПК становится реальной ликвидация «стыковых» потерь уже произведенной продукции, утилизация отходов, обмен трудом между отраслями на базе использования сезонности и т. п. Но эффективные формы интеграции в стране, а тем более в Сибири еще не найдены, поэтому интеграция также обусловлена проведением многовариантных экспериментов. Но если для технологических экспериментов пужно в основном ресурсное обеспечение, то для хозяйственных — необходимо также правовое обеспечение.

Рассмотренная специфика цели, объекта, предмета и средств реализации внутриобластной Продовольственной программы обуславливает весьма сложную структуру системы ее мероприятий. Так, далеко не окончательная система мероприятий Продовольственной программы Новосибирской области, выработанная на первом шаге итерации, включает 25 подпрограмм, настолько тесно связанных между собой, что их схематическое изображение представляется почти невозможным. Рамки настоящей статьи позволяют лишь очень коротко прокомментировать ее содержание.

В центр системы мероприятий поставлены 11 подпрограмм развития ПК области, в том числе 7 «продуктовых» подпрограмм общественного производства: «Зерно», «Картофель», «Овощи и плоды», «Мясо», «Молоко», «Яйца», «Рыба». Объектом каждой из них является соответствующая вертикальная цепочка по продукту. Кроме того, сюда входят 2 подпрограммы самообеспечения: «Ведомственные продовольственные базы» (агроцеха и подсобные хозяйства предприятий) и «Личное подсобное хозяйство», продуктовая подпрограмма «Дикорастущие», и наконец, финальная подпрограмма «Продовольственная торговля и общественное питание».

С продовольственными подпрограммами пересекаются 7 ресурсных подпрограмм, ориентированных не только на ресурсное обеспечение программы, но и на ликвидацию диспропорций между производственными, обслуживающими и воспроизводственными компонентами областного ПК. Сюда входят:

1. «Финансы» — мероприятия по изысканию дополнительных финансовых ресурсов, а также по их централизации и перераспределению в областном масштабе.

2. «Фонды» — перечень потребностей всех подпрограмм в централизованных ресурсах и мероприятия по обеспечению их комплектности.

3. «Корма» — комплекс мероприятий по развитию кормопроизводства, заготовок естественных кормов, минимизации потерь питательных веществ при транспортировке и хранении, и по обеспечению баланса питательных веществ.

4. «Труд» — комплекс мероприятий по сокращению потребности ПК в трудовых ресурсах, с одной стороны, и обеспечению этой потребности в количественном и качественном отношении — с другой. Для индустриального ПК требуются высококачественные трудовые ресурсы, преимущественно образованная молодежь, но именно молодежь интенсивнее всего мигрирует из села. Очевидна связь этого процесса с неудовлетворенными потребностями как в индустриальном характере труда, так и в урбанизированном образе жизни. Таким образом, проблема обеспечения ПК кадрами упирается в проблему замыкания миграции молодежи пределами областного ПК.

5. «Нестандартное оборудование» — перечень потребности ПК в технологическом оборудовании, которое серийно пока не производится. Речь идет прежде всего об оборудовании для обеспечения межотраслевых стыков, для утилизации отходов, специальной технике для ведомственных баз и малой технике для личного подсобного хозяйства, а также о ряде трудно-, энерго- и продуктосберегающих новшеств, уже защищенных авторскими свидетельствами, но пока не внедренных в производство. Область не может ждать, пока их производство будет организовано в централизованном порядке. Поэтому подпрограмма включает комплекс мероприятий по разработке конструкторской документации и организации мелкосерийного производства такого оборудования в области.

6. «Производственная инфраструктура» — комплекс мероприятий по преодолению серьезного отставания местной ремонтной базы, транспортной сети, транспортного, складского (в т. ч. холодильного) и тарного хозяйства ПК, а также энерго- и водоснабжения в сельской местности.

7. «Стройбаза» — комплекс мероприятий по развитию мощностей важнейшего воспроизводственного компонента областного ПК, включающего сельское, дорожное, мелноративное и специализированное промышленное строительство, а также промышленность стройматериалов местного значения. Сельская стройбаза хронически не справляется с нынешним объемом работ, тем более она не справится с объемами, необходимыми для продовольственной программы. Возможности маневра мощностями стройиндустрии по области по понятным причинам ограничены. Кроме того, вся стройиндустрия области испытывает острый дефицит стройматериалов, конструкций и инженерного оборудования.

Выход видится в использовании ресурсов области для первоочередного ускоренного развития сельской стройбазы. В частности, предусматривается освоение наиболее выгодных из известных месторождений нерудных ископаемых на территории области, организация производства древесно-стружечных и древесно-волоконных плит из отходов, расширение производства столярных конструкций, кирпича и т. д.

Специфику внутриобластной Продовольственной программы ярко выражают 6 интегрирующих подпрограмм, которые пересекаются как с продовольственными, так и с ресурсными подпрограммами. Их предметом являются не столько конкретные компоненты ПК области, сколько взаимосвязь, кооперация и интеграция компонентов, отраженных в других подпрограммах. Подпрограмма «Земледелие» посвящена рациональному размещению сельскохозяйственного производства, повышению плодородия почв и интенсификации использования сельхозугодий.

Подпрограмма «Расселение» нацелена на решение проблемы замыкания миграции сельского населения в пределах области и, тем самым, обеспечения ПК трудовыми ресурсами. Способ решения этой проблемы состоит в опережающем развитии малых городов и районных центров области в качестве локальных групповых систем расселения, что пред-

полагает развитие социальной инфраструктуры. Для этого предлагается размещать именно в этих городах все те перерабатывающие, инфраструктурные и воспроизводственные предприятия, которые, согласно соответствующим подпрограммам, необходимо создать, реконструировать или переместить. Такое решение может не подойти для других областей.

Подпрограмма «Шефская помощь» предусматривает переориентацию этого важного фактора с традиционной поддержки сельского хозяйства на развитие инфраструктурных и воспроизводственных компонентов ПК и производство нестандартного оборудования. Опыт таких форм шефской помощи в области имеется.

Особо важную роль играют интегрирующие подпрограммы «Пригород», «Зеленый мост» и «Потребкооперация». Они содержат организационные мероприятия, имеющие целью изменить существующую ориентацию областного ПК.

Решающая эту задачу организационно-хозяйственная структура областного ПК (схема 3) предлагается в качестве основного хозяйственного эксперимента в рамках Продовольственной программы Новосибирской области.

Диалектическое противоречие целей внутриобластной Продовольственной программы (или функций областного ПК) может быть в значительной мере разрешено посредством конкретизации этих целей по ассортименту продуктов питания. В самом деле в централизованные продовольственные фонды могут поставляться лишь транспортабельные и хранимые продукты питания, полуфабрикаты и продовольственное сырье. Между тем в продовольственном потреблении населения возрастающую роль играют свежие и малотранспортабельные продукты: парное мясо, цельномолочные продукты, диетические яйца, картофель, свежие овощи и фрукты. Именно эти продукты определяют качество питания, прежде всего витаминные и микроэлементные балансы.

С другой стороны, существующая ориентация ПК прежде всего на формирование централизованных фондов, закрепленная в его организационной структуре и плановом механизме, тяжелее всего отражается именно на этих продуктах, которые оказываются в разряде «не основных». Обеспечение населения именно этими продуктами более всего страдает от количественных и особенно качественных потерь на межведомственных стыках, от отставания технологий их производства и реализации, и, наконец, от того, что доля таких продуктов в продовольственном балансе населения определяется ведомственными интересами производителей.

Предлагаемое решение проблемы состоит в обособлении части областного ПК и целевой специализации ее на обеспечении населения области не продовольствием в целом, а именно свежими и скоропортящимися продуктами (ее и предлагается назвать Продовольственной базой области). В рамках продовольственной базы предлагается осуществить интеграцию «от поля до потребителя», а управление ею вывести из ведомственной системы и децентрализовать на уровне области, для чего создать при облисполкоме орган, условно названный нами продовольственным комитетом. На организацию продовольственной базы и нацелены подпрограммы «Пригород», «Зеленый мост» и «Потребкооперация».

Дальнейшая конкретизация цели по ассортименту приводит к выделению свежих продуктов питания, которые не производятся в области. Для Новосибирской области это ранние овощи и южные фрукты. Гарантированное и качественное обеспечение области этими продуктами предлагается организовать согласно известной идее «зеленого моста», посредством межрегионального обмена со Средней Азией. В обмен на фрукты и ранние овощи область может поставлять семенной картофель, животное масло и сыр. Ответственный за это орган — областное объединение «Зеленый мост» — должен не только производить продукцию для обмена, но и осуществлять сами обменные операции, а также транспортировку обменной продукции — последнее необходимо для гарантий ее качества.

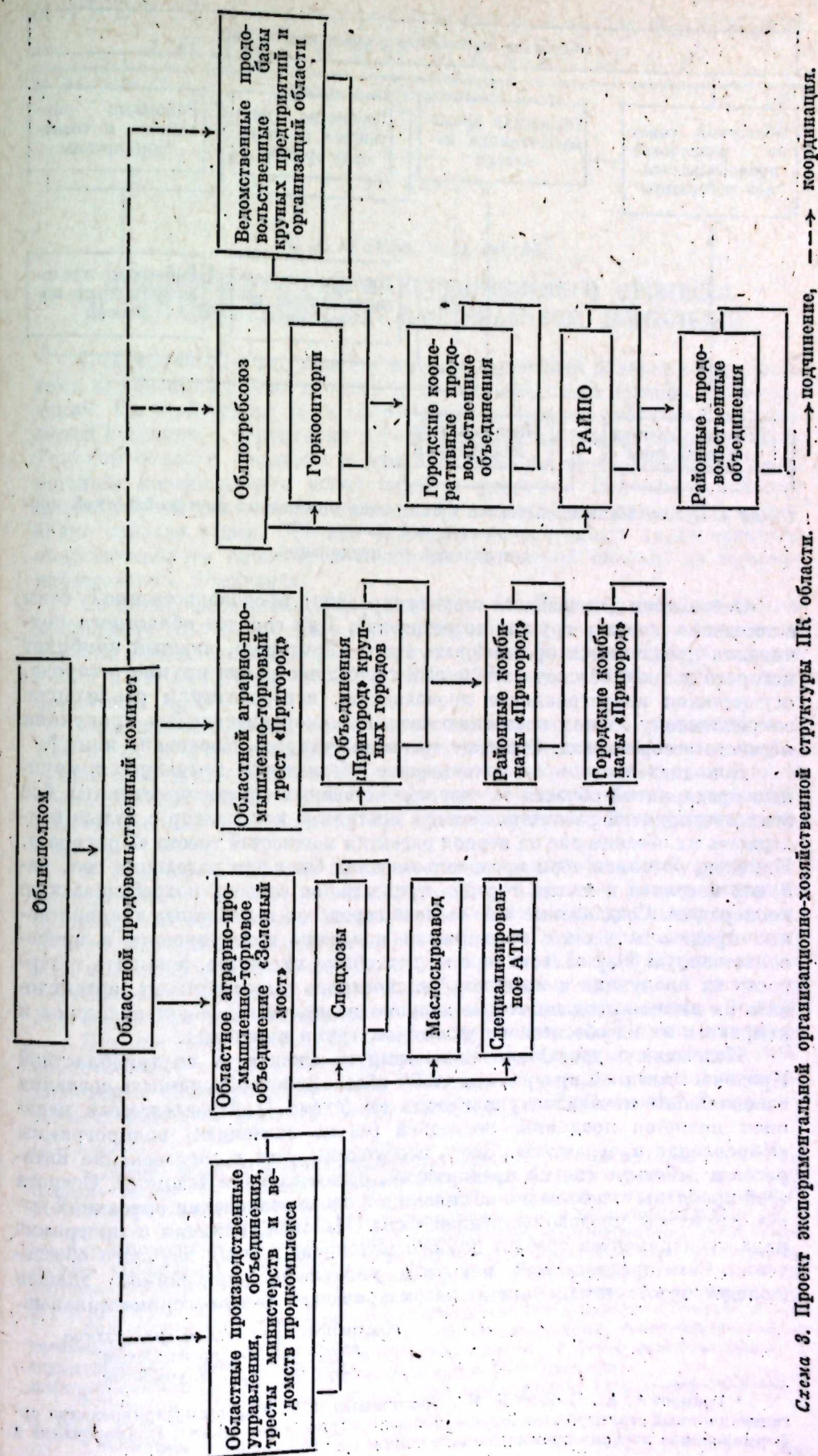

Схема 3. Проект экспериментальной организационно-хозяйственной структуры ПК области.

С. Д. АГЕЕВА, Б. П. ОРЛОВ

НЕКОТОРЫЕ ЧЕРТЫ ИНВЕСТИЦИОННОГО ПРОЦЕССА В ЗАПАДНО-СИБИРСКОМ НЕФТЕГАЗОВОМ КОМПЛЕКСЕ

С середины 60-х годов на территории Тюменской области осуществляются крупномасштабные проекты освоения нефтяных и газовых месторождений. На этой основе здесь сформировался Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс¹, территория которого охватывает также северную часть Томской области. Создание и функционирование этого комплекса стали мощным катализатором хозяйственного развития Тюменской области: подавляющая часть капиталовложений в ее хозяйство прямо и опосредованно связана с ним. Это дает основание рассматривать характеристики инвестиционного процесса в хозяйстве Тюменской области на примере нефтегазового комплекса.

Создание здесь главной нефтяной базы СССР и основной базы добычи природного газа потребовало огромных фондовых затрат: доля Тюменской области в капитальных вложениях в хозяйство Западной Сибири выросла с 23% в 1966—1970 гг. до 33% в 1971—1975 гг., а в 1976—1980 гг. даже превысила 50%².

Особенности нового этапа хозяйственного освоения, начавшегося в 70-е годы, во многом предопределены условиями, заложенными в предыдущий период. Среди них наиболее существенное влияние на предстоящий хозяйственный рост оказывает сложившаяся направленность и структура инвестиционной деятельности как фактор первоначального развития хозяйства.

В Тюменской области накоплен значительный фондовый потенциал. За счет высокого темпа роста капитальных вложений размер основных производственных фондов увеличился за 1971—1980 гг. почти в 5 раз. В отраслях специализации региона (нефтяная и газовая) сосредоточено 90% производственных фондов промышленности. В связи с формированием нефтегазового комплекса население области увеличилось в 2 раза, что обусловило быстрый рост стоимости основных непроизводственных фондов.

В конце 70-х — начале 80-х годов кардинально изменились некоторые объективные условия освоения и эксплуатации нефтяных месторождений. Некоторые месторождения нефти работают в режиме пиковой добычи. Добыча нефти на Самотлоре скоро начнет падать³. Дальнейший прирост

¹ Данное понятие не имеет в литературе строгого толкования: отраслевой состав Западно-Сибирского нефтегазового комплекса определяется по-разному, четко не очерчены границы его размещения. Госплан СССР включает в состав этого комплекса предприятия и организации, осуществляющие поисковые и геологоразведочные работы, бурение эксплуатационных скважин, добычу нефти, газоконденсата и естественно-горючего газа (природного и попутного газа нефтедобычи) и строительно-монтажные работы по газу (природного и попутного газа нефтедобычи), газоперерабатывающих заводов и т. п.). Ряд исследователей выступает за включение в состав Западно-Сибирского нефтегазового комплекса наряду с отраслями его использования, нефтеперерабатывающей и строительством также транспорта общего пользования, социальной инфраструктуры, нефтехимической промышленности, социальной инфраструктуры.

² Подсчитано по данным статистических ежегодников, издаваемых ЦСУ СССР и ЦСУ РСФСР.

³ Известия, 1980, 13 ноября.

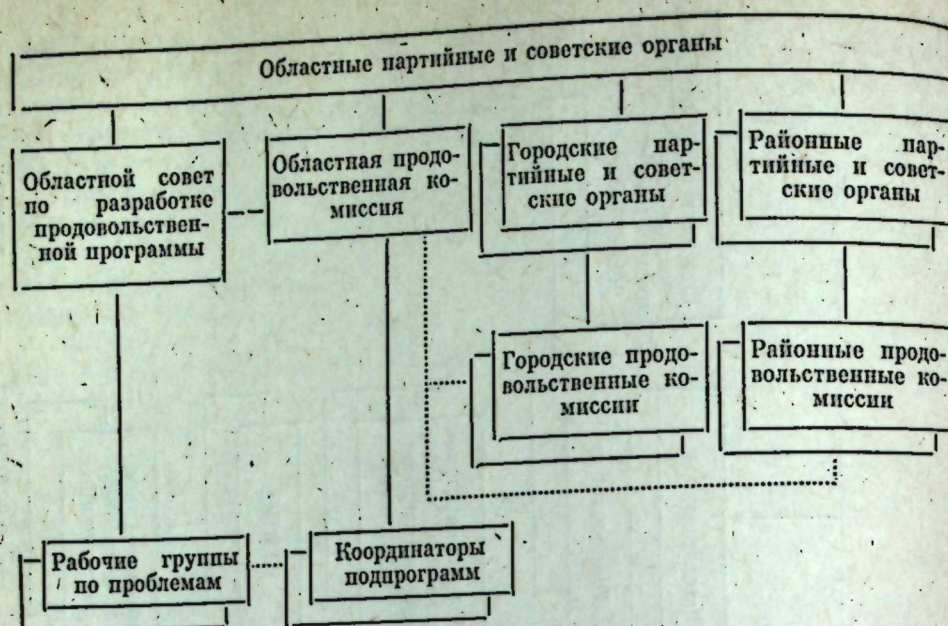

Схема 4. Проект экспериментальной организации управления внутриобластной продовольственной программой.
— управление, --- координация.

Основанием дальнейшего структурирования продовольственной базы естественно считать группы потребителей. Для городов областного подчинения предлагается организовать трест «Пригород», каждый комбинат которого должен обеспечивать малый город либо район крупного города, осуществляя промышленное производство, переработку и реализацию закрепленному за ним населению свежей и скоропортящейся продукции местного ассортимента. Строеие треста «Пригород» обосновано нами⁴.

Дополнительное продовольственное обеспечение трудящихся крупных предприятий области за счет ведомственных продовольственных баз этих предприятий рассматривается в программе как маневр с целью поддержать их обеспечение на период развития мощностей треста «Пригород». Наконец, организатором продовольственной базы для населения сел, рабочих поселков и малых городов предлагается сделать потребительскую кооперацию. Создаваемые в ее составе городские и районные кооперативные продовольственные объединения призваны интегрировать в продовольственную базу области личные подсобные хозяйства, повысить товарность их продукции и поставить под контроль ее ассортимент, организовать на взаимовыгодной основе закупки подавляющей части излишков и направить их на обеспечение указанных групп населения.

Изложенное достаточно иллюстрирует сложность внутриобластной продовольственной программы, чтобы обосновать необходимость создания специального механизма управления ею (схема 4). Предлагаемый механизм является предметом последней (не по значению!) подпрограммы «Управление программой». Здесь необходимы учет и согласование интересов и действий многих предприятий, организаций и ведомств. Острота этой проблемы существенно не снизится и после реализации описанной выше структуры продовольственной базы. Наконец, наличие в программе ряда экспериментов требует особого механизма для их научного обеспечения. Сам предлагаемый механизм управления программой должен (вследствие отсутствия опыта) рассматриваться как экспериментальный.

Институт экономики и организации
промышленного производства
СО АН СССР, Новосибирск

⁴ Гришин А. А., Черных Д. В., Яблочникова Я. Т. Проблемы формирования организационных структур хозяйственной модели «Пригород». — В кн.: Планирование и формирование аграрно-промышленного комплекса. Новосибирск, 1980.

продукции будет обеспечиваться эксплуатацией некоторых новых месторождений; возрастающая доля этого прироста будет покрывать падение добычи на части действующих месторождений. Как показали проведенные нами расчеты, при существующей технологии каждый процент снижения дебита скважины вызывает уменьшение фондоотдачи на 0,56%. В этих условиях выполнение растущих плановых заданий по добыче нефти потребует все больших затрат продукции инвестиционного комплекса. За 1981—1985 гг. объем добычи нефти и газоконденсата на Западно-Сибирской равнине намечается увеличить на 26%, ее доля в общесоюзной добыче возрастет с 52% в 1980 г. до 62% в 1985 г. По нашим расчетам, удельная капиталоемкость добычи нефти за одиннадцатое пятилетие увеличится по сравнению с десятым на 35%. Объем капиталовложений в нефтяную промышленность соответственно вырастет в 2 раза. Капиталоемкость добычи природного газа благодаря вводу в эксплуатацию большого количества высокодебитных скважин уменьшится. Однако суммарные капиталовложения в газовую промышленность Западной Сибири возрастут в одиннадцатой пятилетке по сравнению с десятой почти в 1,8 раза.

Одной из основных особенностей процесса формирования Западно-Сибирского нефтегазового комплекса было значительное отставание инвестиционных отраслей — машиностроения и строительной базы — от темпов разбуривания месторождений и наращивания добычи нефти, что заметно отразилось на уровне развития производственной и социальной инфраструктур. Предварительная инфраструктурная подготовка территории к созданию объектов отраслей специализации («нулевой цикл» инвестиционного процесса) не была осуществлена. Поэтому, например, транспортное строительство велось одновременно с обустройством месторождений либо даже запаздывало по отношению к нему. Кроме того, на первом этапе хозяйственного освоения территории использовались техника и технологии, не соответствующие региональным условиям производства.

С большим запаздыванием стали внедряться новые технологии бурения нефтяных скважин, добычи нефти, увеличивающие нефтеотдачу, новые способы прокладки автомобильных дорог, транспортировки продукции, прогрессивные материалы и конструкции в строительстве, индустриальные методы строительства и т. д.

Такая неподготовленность инфраструктуры привела к необходимости привлечь в регион дополнительные финансовые и трудовые ресурсы и породила ряд сложных производственных и социальных проблем, нерешенность которых отрицательно влияет на инвестиционную деятельность. Отметим прежде всего замедление строительства, что сказалось на вводе готовых объектов в эксплуатацию, динамике незавершенного строительства, стоимости строительства (см. таблицу).

Как следует из расчетных данных, средний срок строительства значительно увеличился. Выполнение заданий по вводу в действие основных фондов снизилось с 94% в 1975 г. до 59% в 1980 г.

Удлинение сроков строительства объектов в какой-то мере было обусловлено объективными факторами, прежде всего изменением структуры строящихся объектов: доля строек сметной стоимостью до 1 млн. руб. и со средним сроком строительства не более 2 лет снизилась примерно вдвое, но выросла доля крупных (стоимость более 5 млн. руб.) строек, рассчитанных на 8—10-летний период строительства. В качестве одной из мер, способствующих приведению сроков строительства к нормативному уровню, используется метод концентрации капиталовложений на строящихся предприятиях, в частности за счет консервации части ранее начатых объектов. В хозяйстве Тюменской области уровень концентрации капиталовложений повысился (см. таблицу). Однако обеспеченность пусковых объектов ассигнованиями и другими ресурсами снизилась. Видимо, политика сосредоточения средств даст результаты, во-первых, через определенный период, во-вторых, в сочетании с рядом других мер, связанных с планированием и управлением инвестиционным процессом. По-

Основные характеристики инвестиционного процесса в Тюменской области *

Показатель	1977 г.		1978 г.		1979 г.		1980 г.	
	всё хоз-во	промыш- ленность	всё хоз-во	промыш- ленность	всё хоз-во	промыш- ленность	всё хоз-во	промыш- ленность
Срок строительства, годы	5,9	6,1	6,5	6,8	8,5	6,5	8,4	6,7
Связанность капитальных вложений, годы	3,6	3,7	4,2	4,4	5,5	5,4	6,0	6,0
Обеспеченность пусковых объектов капиталовложениями, %	80	69	75	74	69	67	72	71
Концентрация капиталовложений, %	51	50	60	54	60	60	62	60

* Рассчитано по отчетным данным. Средний срок строительства мы определили соотношением полной сметной стоимости объектов и годового объема капитальных вложений.

ка же в результате перераспределения средств в пользу продолжающегося строительства отмечен некоторый рост количества строек с технической готовностью более 50%. Чтобы полностью обеспечить капитальными вложениями пусковые объекты, пришлось бы израсходовать на это весь их годовой фонд.

Определим динамику эффективности инвестиционного процесса (Θ_t) в Тюменской области в 70-е годы, сопоставляя его результат — ввод в действие основных фондов (B) с затратами — капитальными вложениями (K) и учитывая эффект запаздывания⁴: $\Theta_t = \frac{B_t}{K_{t-L}}$, где L — лаг.

Для определения величины лага капитальных вложений строилась корреляционная функция с запаздыванием. Максимальное значение коэффициента корреляции указывает на наличие лага. Расчеты проводились для практически вероятных значений лага:

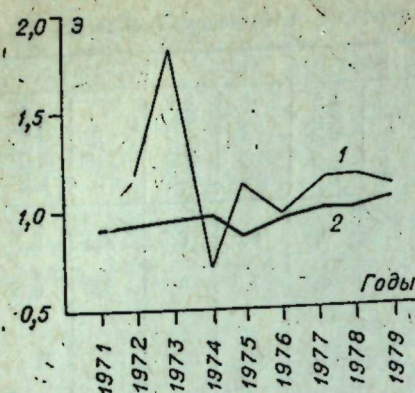
	=0	=1	=2	=3	=4
Производственная сфера	0,497	0,983	0,927	0,781	0,701
Непроизводственная сфера	0,988	0,933	0,950	0,802	0,883

Величина запаздывания в производственной сфере принималась за 1 год, в непроизводственной 0 лет, т. е. фонды вводятся в действие в год осуществления капиталовложений. Результаты расчетов отражены (расчеты произведены по данным за 1971—1979 гг.) на рисунке.

Динамика коэффициента эффективности производственных капиталовложений (или коэффициента воспроизводства основных фондов) свидетельствует о его снижении к концу 70-х годов. Воспроизводство фондов в непроизводственной сфере протекает более равномерно, хотя уровень эффективности капиталовложений здесь ниже. Заметим, что данный показатель не может быть использован для межрегиональных сопоставлений при различных значениях лага. В этом случае можно использовать формулу, где учитывается изменение объема незавершенного строительства:

$$H_{t-1} + K_t - C_t = B_t + H_t$$

⁴ Наиболее логичным и теоретически обоснованным способом учета лага представляется эконометрическая модель распределенного запаздывания, когда ввод фондов данного года является функцией долей инвестиций ряда предшествующих лет. Реализовано несколько способов оценки параметров этой функции. Упрощенные методы (Койка, Гунты) дают смещенные оценки. В НИЭИ при Госплане СССР разработан алгоритм без ограничений на вид функции, использующий информацию только динамических рядов. Условие его применения — равенство степеней полиномов, в которые разлагаются ряды. Проверка информации по Тюменской области показала нарушение данного условия.

Динамика коэффициента эффективности капитальных вложений (Э) в производственной (1) и непроизводственной сферах (2).

или

$$\mathcal{E}_t = \frac{B_t}{K_t} = 1 - \frac{N_t - N_{t-1}}{K_t} - \frac{C_t}{K_t},$$

где C_t — нефондообразующие капиталовложения,

N_t — незавершенное строительство.

Если принять $C_t = 0$, то эффективность инвестиционного процесса определяется изменением объема неза-

вершенного строительства. На территории Западно-Сибирского нефтегазового комплекса в рассматриваемый период он существенно увеличился.

Положение, сложившееся в капитальном строительстве Тюменской области, довольно точно отражает состояние строительного комплекса страны. В 70-е годы при росте фондо- и материалоемкости, а также фондовооруженности труда уменьшилось производство национального дохода на 1 руб. валовой продукции межотраслевого строительного комплекса⁵.

При рассмотрении подобной тенденции в хозяйстве Тюменской области необходимо учитывать специфические черты инвестиционного процесса.

Во-первых, в 70-е годы наблюдалось стабильное снижение доли непроизводственных капитальных вложений в общем инвестиционном фонде. Эта тенденция отчетливо проявила себя не только в обжитых районах южной зоны Тюменской области, но и в Среднем Приобье, хотя здесь остро ощущалась нужда в объектах социальной инфраструктуры. В Ямало-Ненецком автономном округе, куда в связи с разработкой газовых месторождений переместился центр инвестиционной деятельности, непроизводственные капитальные вложения в десятой пятилетке увеличились в 2,2 раза — в несколько большей мере, чем в целом по области, однако их рост не поспевал за увеличением численности населения. Доля непроизводственных капиталовложений в общих инвестиционных затратах в Тюменской области в 1976—1980 гг. составила лишь 19%, что оказалось существенно ниже, чем во многих обжитых районах страны⁶.

В связи с этим обеспеченность населения жильем и другими объектами социальной инфраструктуры почти не выросла. Так, в Сургуте в 1981 г. на 1 жителя приходилось, по отчетным данным, лишь 7 м² жилья, а в Новом Уренгое — 4,6 м². Значительная часть населения пока еще проживает в неблагоустроенных жилищах — вагончиках, балках. В одиннадцатой пятилетке не планируется перераспределения капитальных вложений в пользу непроизводственного строительства.

Во-вторых, в инвестиционном процессе в Западно-Сибирском нефтегазовом комплексе выросла доля транспортного строительства, причем последнее в принципе должно иметь преимущественно пионерный характер, так как служит важнейшим условием хозяйственного освоения новых районов, хотя на практике упреждающее создание транспортной сети до сих пор не осуществлялось. Основная железнодорожная магистраль Тюмень — Сургут — Нижневартовск имеет недостаточную пропускную способность. Линия Сургут — Уренгой, служащая ее естественным продолжением на Дальний Север, после ввода в постоянную эксплуатацию

будет испытывать последствия данного ограничения. Необходимо создать условия для широкого маневрирования мощностями транспортной сети. Однако центральные органы пока не проявляют инициативы в решении данной проблемы.

Увеличение масштабов хозяйственного освоения требует всевозрастающих перевозок грузов в Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс. В одиннадцатой пятилетке они могут возрасти в 5 раз, причем в основном за счет продукции инвестиционного комплекса. В 1976—1980 гг. капитальные вложения в развитие транспорта выросли более чем в 2,5 раза при увеличении всех капиталовложений в 2 раза. Следует учитывать, что около 80% средств идет на строительство трубопроводов, а не объектов транспорта общего пользования. И это пока не позволяет добиться сбалансированного развития транспорта. За 1966—1980 гг. в Тюменской области построено свыше 13 тыс. км магистральных трубопроводов для транспортировки газа и нефти, свыше 10 тыс. км линий электропередачи, 3 тыс. км автомобильных дорог и 1,5 тыс. км железных дорог. В одиннадцатой пятилетке предполагается ввести в эксплуатацию около 12 тыс. км магистральных трубопроводов, 3 тыс. км автомобильных дорог, 650 км железных дорог⁷.

На железнодорожном транспорте после ввода в эксплуатацию опорной магистрали Сургут — Уренгой основные капитальные вложения следует направить на увеличение пропускной способности линий (развитие станционного хозяйства, подъездных перегрузочных путей в речных портах) и провозной способности подвижного состава (усиление локомотивного хозяйства и т. д.). На речном транспорте капитальное строительство следует нацелить на решение таких первоочередных задач, как ускорение ввода в эксплуатацию причального фронта и освоения для судоходства малых рек: в 1981 г. по ним перевозилось 22% всех грузов, по ориентировочным расчетам, их доля в перевозках может вырасти к 1990 г. до 37%. В связи с этим необходимо создать малотоннажный флот. Следует наконец-то обеспечить опережающее строительство автомобильных дорог и парка крупнотоннажных, надежных в эксплуатации автомобилей.

В-третьих, необходимо обеспечить межотраслевую сбалансированность капиталовложений в промышленности. В прошлом отставание с вводом в эксплуатацию производственных мощностей в отраслях — потребителях исходного сырья — привело к значительным потерям углеводородной продукции (попутного газа нефтедобычи, нестабильного бензина). Созданные газоперерабатывающие заводы (ГПЗ) не в состоянии переработать весь попутный газ, и значительная его часть продолжает сгорать в факелах. В одиннадцатой пятилетке намечено ввести производственные мощности на ГПЗ пропорционально ожидаемому приросту добычи попутного газа. Для предотвращения потерь нестабильного бензина необходимо ускорить ввод перерабатывающих мощностей на Тобольском нефтехимическом комбинате.

Планируемый на текущую пятилетку объем капиталовложений в нефтегазовый комплекс примерно в 2 раза превосходит затраты, произведенные в десятой пятилетке. Чтобы реализовать резко возросшие инвестиционные ресурсы, необходимо обеспечить пропорциональное развитие строительной базы, усовершенствовать технологию строительства, увеличить поставки оборудования и материальных ресурсов из других районов страны.

Институт экономики и организации
промышленного производства
СО АН СССР, Новосибирск

⁵ Горбунов Э. Строительный комплекс в составе инвестиционного потенциала. Вопросы экономики, 1980, № 11.

⁶ Подсчитано по отчетным данным.

⁷ Неделя, 1981, № 19, с. 14.

91

рядовых пунктах — 0,6; эффективность использования предприятий — 1,3; 0,7; 0,3; а обеспеченность инфраструктурными объектами соответственно — 0,9; 1,2 и 1,8. Это значит, что распределение предприятий между отдельными типами поселений не соответствует размещению покупательных фондов населения. В результате центры районов и города испытывают недостаток в торговых предприятиях и из-за большой их перегрузки не могут полностью обслужить тяготеющие к ним поселения. Рядовые же пункты, наоборот, имеют значительный избыток предприятий, используемых неэффективно (22% из них нерентабельны).

Закономерности формирования инфраструктуры в местных центрах отражают объективно происходящие под влиянием транспортного фактора процессы, проявляющиеся в образовании небольших зон обслуживания вокруг указанных пунктов. Это подтверждается их довольно высокой долей в реализованном платежеспособном спросе населения.

Принцип дифференцированной организации обслуживания нашел практическое выражение в разработанной автором методике планирования развития и размещения розничных торговых предприятий в районах Севера. Основной методологической посылкой в ней явилось то, что качественные и количественные параметры развития инфраструктуры определены исходя из общей потребности региона, безотносительно к торговым системам и ведомствам, обслуживающим его отдельные части. Общий перспективный норматив потребности в торговой сети на 1990 г., рассчитанный с учетом региональных различий в потреблении, предусмотренных плановым потребительским бюджетом, составил 320 м² торговой площади на 1000 жителей. Полученный показатель при помощи метода множественной корреляции продифференцирован по административным районам Севера. В качестве факторных признаков рассматривались объем розничного товарооборота и степень удаленности поселений, которым принадлежит решающая роль в формировании потребности и размещении предприятий.

Для отдельных типов поселений в зависимости от уровня среднедушевого товарооборота, эффективности использования предприятий и с учетом численности обслуживаемого населения рассчитаны коэффициенты дифференциации потребности в инфраструктуре, составившие для райцентров и городов — 1,2; местных центров — 0,7, прочих поселений — 0,4. Из-за районных различий нормативы потребности для названных типов населенных пунктов в каждом административном районе будут разными. Дальнейшие расчеты показали, что повышенная потребность в розничных предприятиях на Севере характерна как для городов, так и для сельской местности. При общесоюзных нормативах торговой сети (городской — 210 м² торговой площади на 1000 жителей и сельской — 218 м²) расчетные нормативы потребности в целом по региону на перспективу до 1990 г. составили 360 и 280 м², т. е. соответственно выше на 71,4 и 28,4%.

Концентрический принцип формирования инфраструктурных объектов розничной торговли приемлем для всех трех типов функциональных структур, но при практическом его использовании следует учитывать особенности каждой, т. е. состав и взаимодействие отдельных звеньев. При формальной структуре функции центрального места исполняет базовый город, а тяготеющими являются пункты освоения. Здесь центральное место должно обеспечивать эпизодическое и периодическое обслуживание постоянных рядовых пунктов, а при отсутствии постоянного населения на вахтовых поселках еще и повседневное обслуживание. Обслуживание самих вахтовых поселков сводится к снабжению их товарами первой необходимости, т. е. они являются потребителями мобильных услуг. Поэтому стационарная торговая сеть создается только в пунктах освоения, имеющих постоянное население (рис. 1). Поскольку базовые города обслуживают и мобильные поселения, они должны располагать соответствующей инфраструктурой (обычно это общетоварные склады, хранилища, холодильники и т. п.). При неформальной структуре базовый город обеспечивает эпизодическое обслуживание местных опорных центров и рядовых

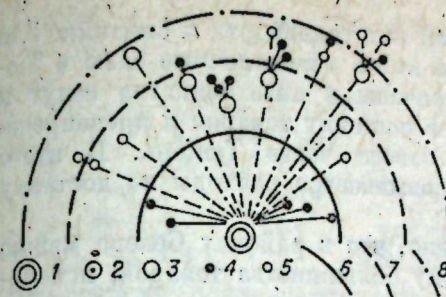

Рис. 1. Схема обслуживания при функциональной связи «базовый город — пункт освоения».

1 — базовый город, 2 — опорный поселок, 3 — рабочий поселок, 4 — вахтовый поселок, 5 — вахтовый поселок, имеющий стационарную сеть; обслуживание: — повседневное, — периодическое, — эпизодическое; границы зон обслуживания: 6 — повседневного, 7 — периодического, 8 — эпизодического.

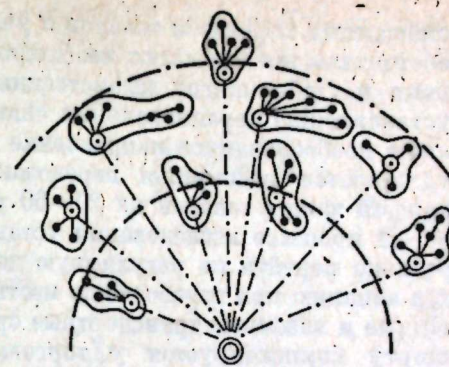

Рис. 2. Схема обслуживания при функциональной связи «базовый город — опорный поселок — пункт освоения».

Условные обозначения см. на рис. 1.

населенных пунктов и комплексное — собственного населения. Местный центр предоставляет периодические и повседневные торговые услуги своим жителям и пунктам освоения, не имеющим постоянного населения, и периодические услуги — постоянным рабочим поселкам при месторождениях. Рабочие и вахтовые поселки обеспечивают повседневное обслуживание своих жителей с той разницей, что первые осуществляют его более широким ассортиментом товаров через стационарную торговую сеть (промышленные и продовольственные товары повседневного спроса), а вторые в основном организуют питание рабочих (рис. 2).

Комплексное торговое обслуживание обеспечивается не только розничными, но и оптовыми предприятиями. Исследование путей рационального размещения сети оптовых предприятий привело к выводу о необходимости изменения всей системы товародвижения в районах Севера и прежде всего характера завоза товаров — с досрочного на регулярный. Основным критерием в решении данной задачи выступает целесообразность бесперебойного и качественного обеспечения населения товарами, требующая равномерного их поступления в течение всего года. При этом рациональными являются те направления и варианты завоза товаров и те виды транспорта, которые обеспечивают их доставку в районы потребления и реализацию в сроки, обусловленные техническими условиями и ГОСТами.

В условиях сезонности наземных путей сообщения круглогодичной регулярный завоз товаров в районы Севера можно осуществлять только самолетами. Однако высокие авиатарифы при ограниченных финансовых возможностях торговых организаций делают практически недоступным использование авиации для этой цели. Сопоставление различных вариантов перевозки товаров в районы Севера по уровню транспортных расходов показало, что вариант, предусматривающий применение авиации, во всех случаях оказывается в 2—3 раза дороже существующего. При авиазавозе товаров с оплатой по ставкам за летный час транспортные расходы нередко превышают не только размер валовых доходов, но и стоимость самого товара. Тем не менее анализ совокупных затрат по осуществлению товародвижения свидетельствует, что досрочный завоз большого круга товаров экономически период транспортирования и хранения товаров с многочисленными их перевалками удлиняет время обращения вложенных средств, вызывает рост товарных запасов, а значит, и потребности в складах, ведет к потере потребительских свойств и снижению качества товаров и в конечном счете значительно повышает расходы по большинству статей издержек обращения.

Недостатки действующей системы товародвижения усугубляются существованием ведомственного опыта и почти полным отсутствием прямых

смешанных перевозок товаров с участием автотранспорта и авиации. Эти обстоятельства вызывают необходимость иметь перевалочные базы в Тюмени и Лабитнанги; ведомственные причалы и автохозяйства ведут к установлению перациональных связей на поставку товаров и предопределяют, необоснованное направление их завоза через Тюмень. В итоге удлиняются расстояния перевозок и повышаются расходы на доставку каждой тонны товаров на 20—60 руб.

В процессе исследования установлено, что в районах Севера, можно реально перейти на регулярную доставку большинства товаров, используя авиацию при перевозке до местных центров, а дальше — эффективные водные и наземные транспортные средства. Повышение расходов по транспорту компенсируется у торговых организаций большой экономией (около 3 млн. руб.), связанной с ликвидацией традиционной системы досрочного завоза, в результате чего отпадает необходимость сезонного накопления товаров, снижается норма товарных запасов, ускоряется товарооборот.

Рекомендуемая система товародвижения предполагает концентрацию оптовой торговли на границах районов Севера и максимальное ее рассредоточение в пределах этих районов. Практически это связано с формированием крупных региональных зон снабжения с центрами в Лабитнанги, Сергине, Сотнике, Сургуте, а в перспективе в Нижневартовске и Уренгое. В этих пунктах должны быть созданы межрайонные (районные) оптовые базы с минимальным оборотом 21 млн. руб. Кроме того, для осуществления товародвижения по схеме «межрайонная база — распределительный склад — магазин» необходимо организовать в местных (локальных) центрах 145 распределительных складов.

Основные параметры формирования распределительных складов находятся под влиянием противодействующих факторов. Укрупнение этих объектов инфраструктуры, с одной стороны, ведет к относительному сокращению эксплуатационных расходов и снижению удельных капитальных затрат на их создание, с другой — увеличивается зона деятельности, количество обслуживаемых магазинов, радиус доставки товаров в розничную сеть и стоимость доставки. Следовательно, сокращение эксплуатационных расходов и капитальных вложений лишь до определенных границ компенсирует повышение стоимости перевозки товаров. Таким пределом является рациональный размер товарооборота склада, обеспечивающий минимум приведенных затрат. При этом необходимо учитывать плотность товарооборота, с ростом которого достигается снижение стоимости доставки товаров без уменьшения размеров склада.

Расчеты показали, что между товарооборотом (x) распределительных складов и их удельными расходами — эксплуатационными (Θ_x), капитальными вложениями (K_x), транспортными (T_x) — существует устойчивая взаимосвязь, которая описывается следующими корреляционными уравнениями:

$$\Theta_x = 21,29 + \frac{12,24}{x}; \quad K_x = 101,91 + \frac{20,71}{x}; \quad T_x = 10,71 + 5,05x.$$

Индексы корреляции составили соответственно 0,884; 0,945; 0,925, а индексы детерминации — 0,782; 0,893; 0,855. С использованием количественных зависимостей отдельных видов расходов от объема товарооборота по минимуму функции приведенных затрат² найден искомый размер склада.

При существующей плотности товарооборота рациональный размер распределительного склада составляет 1,8 млн. руб., а при перспективной — 4,0 млн. руб. В современных условиях зона деятельности склада равна 4,3 тыс. км², предельный радиус обслуживания розничной торговой сети — 59 км, а в перспективе соответственно 1,8 тыс. км² и 38 км. Из-за

² $[Y_x = \Theta(x) + FK(x) + T(xp)] \rightarrow \min$, где F — нормативный коэффициент эффективности капитальных вложений, p — плотность товарооборота на 1 км² обслуживаемой территории.

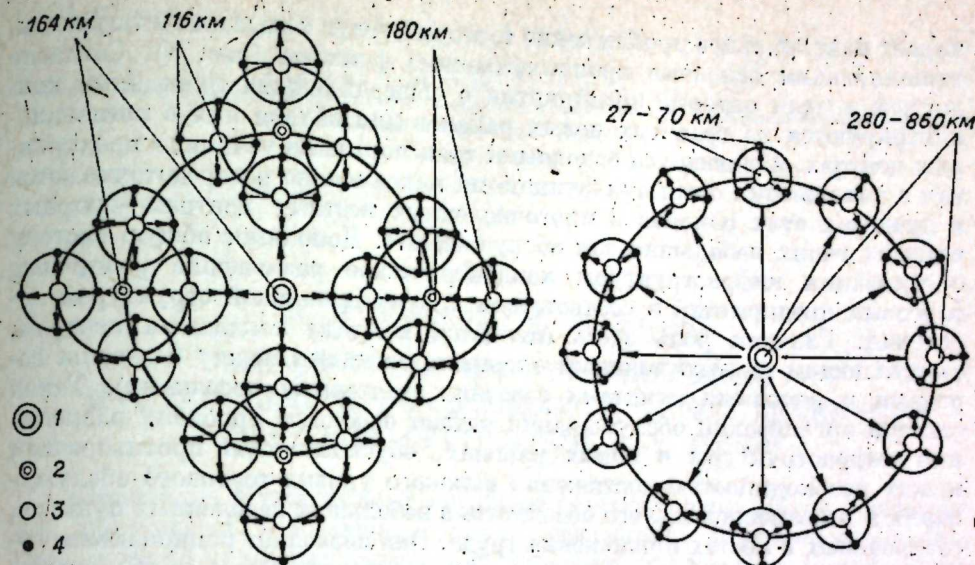

Рис. 3. Действующая система организации торгового обслуживания в районах Севера. 1 — региональный центр, 2 — районный центр, 3 — местный центр, 4 — рядовой населенный пункт. Рис. 4. Перспективная модель организации торгового обслуживания в районах Севера. Условные обозначения см. на рис. 1.

различий в плотности товарооборота показатели организации распределительных складов по основным зонам снабжения заметно отличаются от средних величин. Рациональный размер склада варьирует по зонам, от 2,3 до 5,5 млн. руб., район деятельности — от 0,9 до 6,0 тыс. км², а предельный радиус перевозки товаров — от 27 до 70 км. Приведенные данные показывают, что в районах Севера торговое обслуживание населения целесообразно осуществлять путем формирования небольших локальных зон снабжения, имеющих постоянные транспортные связи с крупными региональными центрами оптовой торговли.

Переход на регулярную систему завоза товаров возможен лишь при условии создания единой оптовой организации для районов Севера. Наряду с этим необходимо включать авиацию в прямые смешанные перевозки товаров и списать авиатарифы на доставку товаров народного потребления до уровня грузовых, действующих в первой группе воздушных линий. Ликвидация ведомственного опыта избавит торговые организации от необходимости строить и содержать перевалочные базы, иметь свои причалы и автохозяйства, позволит значительно сократить время и выпрямить пути движения товаров на Север.

Целесообразность организации небольших зон обслуживания и промежуточных локальных пунктов между базовыми городами и вахтовыми поселками подтверждается принятым решением Министерства нефтяной промышленности СССР, предусматривающим начиная с 1981 г. создание опорных рабочих поселков во всех нефтедобывающих районах Севера Западной Сибири, призванных обслуживать нефтяные месторождения в радиусе 50—70 км. Это будет способствовать взаимовыгодному размещению розничных и оптовых предприятий и формированию единой комплексной системы обслуживания, базирующейся на групповой системе расселения. Сеть функционально взаимосвязанных населенных пунктов наряду с изменением принципов организации обслуживания потребует изменения структуры торговых звеньев. В настоящее время состав и взаимодействие торговых предприятий различного уровня не учитывают потребностей освоения и новых тенденций в расселении, а ориентированы на традиционное расположение функциональных типов поселений, присущее центральному району страны (рис. 3).

Перспективная модель организации обслуживания упраздняет одно звено, а именно районное, являющееся в настоящее время основным центром, концентрирующим инфраструктуру и товарные ресурсы, и обеспе-

чивает максимальное приближение торговых услуг к населенным пунктам, выполняющим основные производственные функции (рис. 4). Согласно данной модели оптовые предприятия с общерайонными функциями концентрируются на границах новых районов или вблизи них в региональных центрах, являющихся основными транспортными узлами, а предприятия с локальными оптовыми функциями максимально рассредоточиваются в пределах этих районов в многочисленных местных центрах — опорных пунктах своих небольших зон обслуживания. Дополняет общую систему организации инфраструктуры концентрическое размещение розничных торговых предприятий в соответствии с функциональной структурой поселений. Главная роль здесь отводится местным локальным центрам, выступающим промежуточными опорными звеньями между базовыми городами и рядовыми пунктами освоения (вахтовыми поселками). Такая система организации обслуживания решает основную проблему размещения инфраструктуры в новых районах, обусловленную противоречием между необходимостью достижения высокого уровня торгового обслуживания и невозможностью его обеспечить в небольших населенных пунктах, создаваемых в местах приложения труда. Она позволяет рациональнее сочетать эпизодическое, периодическое и повседневное торговое обслуживание населения, может применяться при вахтовом методе освоения территории и способствовать его развитию.

*Новосибирский институт советской
кооперативной торговли*

Ю. П. ВОРОНОВ, Ю. Г. ПОЛЛЯК

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ И КЛАССОВОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ В МЕТОДОЛОГИИ СОВЕТСКОЙ СТАТИСТИКИ 20-х ГОДОВ

Обращение к творческому наследию советских социологов, статистиков, экономистов, работавших в первые годы социалистического строительства, полезно во многих отношениях. Особенно интересны и малоисследованы работы коллектива Центрального бюро статистики труда (ЦБСТ) — организации, сконцентрировавшей в то время все исследования в области статистики труда, исследования, которые сейчас принято считать социологическими.

ЦБСТ возглавлял выдающийся советский экономист С. Г. Струмилин. В его составе работали представители трех организаций: Наркомата труда, ВЦСПС и ЦСУ. Бюро выполняло практические задания хозяйственных органов и одновременно вырабатывало научные основы социалистической статистики труда. ЦБСТ существовало до 1929 г. и за этот период сумело разработать множество оригинальных методик исследований. Прямое заимствование их невозможно, поскольку методические нововведения, которыми статистика обязана ЦБСТ, проистекали не столько из изучения методической литературы, сколько выводились из концепционных представлений о задачах работы. При этом теоретическая, методологическая и методическая части исследований получались цельным, единым потоком логически взаимосвязанных выводов.

В данной статье рассматривается один вопрос одной из девяти тем, порученных ЦБСТ: оценка численности пролетариата. Критерии и приемы, которыми пользовались советские статистики в первые годы Советской власти для оценки принадлежности семьи и отдельного человека к рабочему классу, отчасти полезны, как представляется, и современным социологам-трудовикам. Основу статьи составляет анализ научного творчества Григория Соломоновича Полляка, заведующего отделом ЦСУ, входившим в состав ЦБСТ.

Статистика профессий трактуется в первой публикации Г. С. Полляка как статистическая наука второго эшелона: статистические данные о профессиях необходимы для таких разделов статистики, как статистика заболеваемости, эмиграции, преступлений и т. п.¹ Статистикой профессий обслуживаются прикладные разделы статистики, которые уже имеют прямое отношение к практике хозяйственных и социальных мероприятий. Но помимо внешних результатов — передачи сведений в другие разделы статистики — статистика профессий должна иметь внутреннюю, присущую ей задачу. Такой задачей Г. С. Полляк считает построение двойной группировки: по профессиям и социальным классам и выявление связи между этими двумя группировками. Низведение задачи раздела статистики до этих двух группировок типично для дореволюционной статистики. Собственно научная задача проявилась лишь в объяснении того, зачем нужна такая группировка. Это единство методики, практической направленности и идейной ориентированности — особенность, которая еще требует подробного рас-

¹ Полляк Г. С. Профессия как объект статистического учета. Спб., 1913.

смотрения историками статистической мысли. Основная часть современных конкретных социологических исследований строится обычно по иному принципу: методика не зависит от предмета исследования, при этом и методика, и тема никоим образом не связаны с теоретико-методологической ориентацией автора. В этом убеждают, например, монографии, в которых методы излагаются сами по себе, независимо от последующего содержания.

Уточнение, конкретизация основных категорий статистики профессий (профессия и класс) проводятся Г. С. Полляком согласованно, и трудно разделить разные стороны изучения вопроса, отделить методику от содержательных аспектов и т. д.

Задание и уточнение терминов происходило внутри единого процесса развертывания (построения) плана исследования. Исходно профессия противопоставляется занятию. Указаны общие черты двух группировок, двух подходов к выделению видов деятельности, и, что наиболее важно, отличительные, разделяющие признаки. Внешне вроде бы противопоставление сугубо методическое: занятие регистрируется моментным наблюдением, переписью специальных видов деятельности на некоторый заданный момент времени. Для профессии же существенными признаками являются «длительность осуществления и наличие профессиональной подготовки». Поскольку профессия есть свойство лица, обладающего ею, а не моменты времени, она не может быть зафиксирована моментным наблюдением и по необходимости должна быть выявлена путем опроса населения о специальных видах трудовой деятельности, осуществляемых человеком достаточно продолжительное время. Здесь мы имеем некоторую неопределенность понятий, через которые поясняется категория «профессия»: «длительность осуществления» не имеет логически выводимой количественной характеристики, а два аспекта — длительность и подготовка — должны быть упорядочены по приоритету. Попытки подобрать дополнительную информацию приводят к использованию исторического материала, и автор замечает, что если бы профессии изучались для средневековых цехов, то только тогда обе стороны были бы непротиворечивы и продолжительность определялась бы очень просто: принадлежность к цеху обеспечивала профессию на всю жизнь.

«Профессия была целью не только для индивидуального существования, но также и для целых поколений... сын средневекового столяра с момента появления на свет божий предназначался к продолжению деятельности своего отца, а профессиональная подготовка уже бесповоротно решала дело»². Индивидуальная привязанность к профессии в условиях капиталистического производства не столь высока. В Германии начала XX в. только половина наиболее квалифицированных рабочих сохранила профессию всю свою жизнь, у неквалифицированных рабочих эта доля существенно ниже. Абстрактные определения профессий, включающие, например, такие параметры, как «полезность для народнохозяйственного производства», оказываются несостоятельными при первой же встрече со статистической практикой. По поводу всех использовавшихся некогда определений профессии можно утверждать, что они придуманы искусственно, сконструированы исходя из некоторых общих соображений и предназначены для исследований, не имеющих другой конкретной цели, кроме описания. Претензии на беспристрастную объективность и приводили к дефектам при сборе материала. Инструкции по сбору материала начинали напоминать толстые книги, в которых оговаривались многочисленные исключения из несуществующих правил, правомерность которых не была строго доказана.

Первым методическим достижением классового подхода в статистике профессий стала выработка единого правила, существенно упростившего методику сбора материала. Если исследование в целом имеет в основе единую концепцию, то в методическом отношении упрощаются все его этапы, но в первую очередь — этап сбора информации (измерения). Пример: «По-

скольку статистика профессий ставит своей целью отображение существующей социальной и классовой группировки, для нее являются одиakoво важными и активные и пассивные элементы населения: социальный вес какой-либо группы определяется не только количеством принадлежащих к этой группе активных, но также и числом тесно соединенных с по- ориентации статистики профессий на выявление классовой структуры (тео- ретическая посылка) логически следовало, что необходим сбор информа- ции о семьях (методический вывод).

Сочленение профессиональной проблематики с исследованиями семьи оказалось не таким простым делом, но в целом эта идея, базировавшаяся на исходном представлении о задачах статистики профессий, позднее, уже в пных социальных условиях, оказалась плодотворной.

Практически исчезают и другие проявления неточности в классифика- циях, если задаться единым подходом. Особенно очевидно это на определе- ниях профессии, которые даются в наставлениях счетчикам. Пример из русской переписи 1907 г. (указания, как заполнять графу «профессия»): «Все вообще показания в этой графе должны быть даваемы подробно и то- чно. Отнюдь не следует допускать общих и неопределенных показаний, вро- де торговец, ремесленник, работник, служащий, живет своими средствами и т. д., так как подобные показания не дают никакого представления о за- нятиях»³.

В итоге критического рассмотрения различных определений профес- сии Г. С. Полляк определяет ее как вид деятельности, получившей расцен- ку в меновом обороте, которая продается и покупается вследствие наличия средств производства у одних и отсутствия у других.

От такого определения профессии легко перейти к изучению взаимо- связи между профессиональной и классовой структурами населения. Здесь следует сделать отступление, необходимое для дальнейшего анализа. Ши- роко известно и общепринято ключевое положение В. И. Ленина: «Клас- сами называются большие группы людей, различающиеся по их месту в ис- торически определенной системе общественного производства, по их от- ношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественно- го богатства, которой они располагают. Классы, это такие группы людей, из которых одна может себе присваивать труд другой, благодаря различию их места в определенной укладе общественного хозяйства»⁴. Первый из указанных В. И. Лениным признаков: «место в исторически определенной системе производства» — основной и может быть сведен к эмпирически фик- сируемому показателю — профессии. Но для этого следует использовать уточнения, которые делались в 1918 г. в ходе выделения профессий как элемента социальной, а не технологической структуры.

До перехода к эмпирически верифицируемым признакам требуется определить, какие из признаков-оснований следует считать основными, какие — производными. Конкретное замечание на этот счет находим у В. И. Ленина: «Основной признак различия между классами — их место в общественном производстве, а следовательно, их отношение к средствам производства. Присвоение той или другой части общественных средств производства и обращение их на частное хозяйство, на хозяйство для про- дачи продукта — вот основное отличие одного класса современного об- щества (буржуазии) от пролетариата, который лишен средств производства и продает свою рабочую силу»⁵.

Два высказывания В. И. Ленина даны в том же, обратном хронологи- ческому, порядке, в каком они приведены в книге известного советского

² Полляк Г. С. Профессия как объект..., с. 49.

³ Там же, с. 35.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 15.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 7, с. 44—45.

² Полляк Г. С. Профессия как объект..., с. 7—8.

социолога В. С. Семенова⁷. Если принять такой порядок, то оборот «а следовательно» воспринимается как знак равенства, и «место в общественном производстве» воспринимается просто как одно из наименований «отношения к средствам производства». Но уточнение и конкретизация ленинского определения класса шли в противоположном (во времени) направлении. В таком случае «место в общественном производстве» воспринимается как более общий признак в сравнении с «отношением к средствам производства», и оборот «а следовательно» может трактоваться только как переход от признака-основания к одному из эмпирических параметров. В равной степени при переходе к действительному хронологическому порядку невозможно не заметить, что в качестве одного из оснований выделения классов указывается не фактическое присвоение труда другой группы, а возможность такого присвоения. На практике это означает, что сначала при переходе к эмпирическому обособлению класса, присваивающего себе труд другой класса, эмпирически должна быть зафиксирована возможность присвоения.

Разделение признаков, обособляющих основные классы, можно проводить, имея в виду две существенно отличающиеся задачи. Первая из них: в исследовании учитываются сразу все признаки, а при наличии противоречивости в группировках приоритет отдается тому признаку, который заранее признан основным. Вторая задача: дифференциация проводится для того, чтобы определить последовательность постепенного включения признаков в рассмотрение. При этом порядок включения демонстрирует, что введение каждого последующего признака делает группировку более надежной и адекватной действительности. Иными словами, если в первом случае сравниваются одномерные классификации, то во втором задается порядок последовательного получения классификации многомерной.

Статистика в первые годы Советской власти стала обособлять рабочий класс от других классов с помощью следующей процедуры: 1) отделение наемных работников от самостоятельных хозяев; 2) составление списка профессий наемных работников и группировка их по профессиям; 3) группировка профессий на профессии рабочих и служащих. В разные периоды социалистического строительства к двум группам профессий добавлялась третья: в 20-е годы это была группа МОП (младший обслуживающий персонал), в более позднее время — группа ИТР. Методической особенностью такого подхода, несомненно, является принципиальная многомерность проводимой классификации. На первом шаге вводится признак: отношение к средствам производства, на втором — профессия, на третьем — некоторая дополнительная информация о профессиях, позволяющая реализовать их группировку. Последовательное введение в рассмотрение очередных признаков является методологической особенностью сложившейся практики.

Буржуазные ученые, ориентирующиеся при выделении социальных классов на многомерные классификации, считают признаки равноположенными, равноценными друг другу. Если у западного социолога и можно встретить соображения о разной значимости отдельных признаков, то на методологию подхода это не оказывает никакого влияния, поскольку признаки берутся списком, а не последовательно. Для определения последовательности обхода признаков необходимо следование некоторой конструктивной теоретической идее, что отсутствует у буржуазных социологов.

Г. С. Полляк отмечает, что в официальной статистике Германии в одной группе самостоятельных хозяев оказываются учителя музыки и тряпичник, а в группе несамостоятельных работников профессор университета и директор бумажной фабрики. Несообразность такой классификации подчеркивается введением второго признака: дохода. Оказывается, что большая часть самостоятельных хозяев (по расчетам официальной статистики 55%, по расчетам специально изучавшего этот вопрос экономиста

Х. Раухберга — 74%) относится к группе с наиболее низким доходом. Парадокс: путь к повышению индивидуального дохода лежит через потерю юридической самостоятельности. Наличие подобных несообразностей вудинальной статистики подоити к выявлению классовой структуры капиталистического общества. Критический анализ официальных статистических сведений, собираемых на основе неверных методологических предпосылок, позволил обходить выявленные дефекты в ходе создания социалистической системы статистической отчетности, первой в мире системы статистики, прямо ориентированной на выявление классовой структуры общества. Определение принадлежности к классу по списку профессий явилось логическим завершением подхода, намечившегося еще до революции. Уже в то время статистика профессий рассматривалась прежде всего как средство выражения обособления социальных классов и противопоставлялась в этом плане статистике предприятий как статистике производственной.

Впервые классовый подход к организации профессиональной переписи был отражен в петроградской городской переписи 1918 г. «По общему своему типу петроградская перепись представляет обыкновенную перепись, проведенную по принципу однодневности и основанную на учете наличного населения. Несколько отличает ее от других городских переписей та малая роль, которая отводилась в ней самоисчислению: последнее допускалось согласно инструкции только в виде исключения: как правило же, требовалось заполнение материалов счетчиками. Это различие, однако, нельзя считать существенным»⁸.

Такое сравнение переписи 1918 г. и предыдущих дореволюционных переписей свидетельствует о том, что появилась потребность в более качественном сборе информации, т. е. что в изучение введены новые признаки, выявить которые самоисчислением невозможно. Перепись 1918 г. была новой и в методическом, и в содержательном плане.

Первым радикальным нововведением были семейные переписные формуляры. Ранее основными счетными единицами городских переписей были отдельные лица и квартиры, в которых они проживали. В переписи 1918 г. основной единицей стала «семья, понимаемая как группа лиц, связанных родством или свойством и живущих одним хозяйством или из общих средств» (ст. 4. Инструкции).

В то же время вопросов относительно семьи как целого в инструментарии петроградской переписи 1918 г. было немного: основная часть вопросов касалась индивидуальных членов семьи. Такое сочетание индивидуального и семейного опроса открывало путь многим последующим достижениям советской статистики и прежде всего будущим бюджетным исследованиям. Критикуя (как и в 1913 г.) исходные методологические построения западноевропейских статистиков, Г. С. Полляк отмечает, что их объектом является «отдельное лицо, а не та первичная социальная ячейка, к которой это лицо принадлежит по своему рождению и воспитанию. То к которой это лицо принадлежит по своему рождению и воспитанию. То внутренние связи, которые притягивают человека в ряды той или иной социальной группы в силу факта принадлежности его к определенной семье, остаются при данной системе разработки вне поля исследования»⁹. Если сын капиталиста до получения наследства пошел временно работать рабочим, то он не принадлежит к рабочему классу, даже если его расчеты на наследство оказались неосновательными. Если член семьи потомственный пролетариев пытается перейти на положение самостоятельного хозяина, то это не может служить основанием для отнесения его в класс самостоятельных хозяев. В силу этих аргументов в переписи 1918 г. рабочий класс понимается как совокупность семей.

Вместе с тем «просто заменить индивидуальный принцип разработки семейным, значило бы перегнуть палку в другую сторону и дать схему

⁸ Полляк Г. С. Методы учета населения в петроградской переписи 1918 года. — Вестник статистики, 1919, № 4—7, с. 20.

⁹ Там же, с. 21.

социального строения едва ли не более одностороннюю и искривленную, чем та, которая обычно дается народной переписью»¹⁰. Рабочего — сына капиталиста нельзя причислять к рабочему классу, но в равной степени рабочий — сын мелкого торговца, невысоко оценивающий самостоятельное хозяйствование и полностью идентифицирующий себя с рабочим классом, на полном основании должен быть отнесен к рабочему классу. Как видим, в 1918 г. ставится задача, которая, будучи поставленной в современном социологическом исследовании, вызвала бы бурную дискуссию: уж не является ли это исследование социально-психологическим?

«На классовое самоопределение человека могут оказывать противоположное влияние две социальные группы, причем относительный вес обоих факторов в отдельных случаях неодинаков: иногда решающую роль играют семейный уклад и традиции, иногда влияние более широкой социальной среды. Перепись, которая считает, но не взвешивает, конечно, не может входить в оценку этих чисто психологических моментов, но судит лишь по формальным признакам. Отсюда ее обязанность дать картину социального расчленения по обоим формальным признакам: как семейному, так и индивидуальному»¹¹.

В настоящее время подобная методологически сложная объективная задача практически не ставится в социологических исследованиях. Проводятся исследования, в которых существуют вопросники и анкеты, заполняемые на семью и отдельного работника. Но разработка материалов ведется либо по семьям, либо по членам семей. Какой-либо стыковки данных на уровне программы исследования не предусматривается.

Характерно, что в дореволюционной России две счетные единицы (семья и отдельный индивид) были прочно закреплены за двумя видами статистики: земской и государственной. Земская статистика исходила из того, что семья представляла собой цельное хозяйственное образование, и вследствие такого подхода материалы земских переписей не стыковались с результатами городских. В городах при переписях пользовались методиками, которые в целом были аналогичны методикам переписей населения в странах Западной Европы. Но ближе к переписи 1918 г. оказалась земская статистика, органы которой провели в 1916—1917 гг. две сельскохозяйственные переписи с компромиссным сочетанием индивидуальных и семейных формуляров.

Нельзя сказать, что постановка задачи выявления классового самосознания по сочетаниям определяющих его объективных причин — единственный возможный путь социологического исследования этой проблемы. Можно упомянуть высококвалифицированное исследование Р. Дилигенского по рабочему классу Франции, построенное почти полностью на прямых вопросах об осознании принадлежности к рабочему классу¹². Но отличительная особенность программы петроградской переписи 1918 г. состоит во включении самосознания в один ряд с объективными характеристиками классовой принадлежности.

Наиболее важной особенностью петроградской переписи можно считать набор 17 вопросов о занятиях, состоящий из трех групп: 1) источники существования в настоящее время; 2) сведения о занятиях (заработках) в настоящее время; 3) источники средств существования в 1917 г. и ранее.

Занятия и источники средств существования подразделялись в вопросах на главные и второстепенные. Ответы на вопросы первой и третьей групп, а также на шесть из семи вопросов второй группы использовались прежде всего для корректировок и уточнения ответа на первый вопрос второй группы: «род выполняемых работ или профессия и специальность», понимаемые как основной источник средств существования.

Принципиальным новшеством переписи 1918 г. было разделение вопросов о занятиях и вопросов об источниках средств существования: «пер-

вый касается зарплаты и разделения общественного труда, второй имеет дело с распределением общественного дохода»¹³. Было известно, что западные и источники дохода четко разделяют лиц, живущих своим трудом, от лиц, имеющих трудовой и нетрудовой источники доходов, все западные методиканты на бесцелое описание действительности. Но перепись 1918 г., как мы уже упоминали, была первой переписью, носившей классовый характер, причем как в общетеоретическом, так и в практическом плане. Одна из главных задач переписи состояла в подготовке материалов для введения в голодающем Петрограде классового пайка. Принципиально пойти на то, чтобы — согласно методике переписи — существовала третья группа населения (смешанные доходы). В равной степени более четкой дифференциации служило и разделение главного и второстепенного в занятиях и источниках доходов.

Допустим, в семье взрослая дочь работает швеей, но ее заработок весьма мал и живет она в основном на средства семьи. По методике переписи будет зафиксировано, что швейное дело для нее — главное занятие, но второстепенный источник дохода. В то же время по источникам средств существования будет записано: главный источник — средства семьи, второстепенный — занятие. В зависимости от того, к какому социальному классу относится большинство членов семьи, к тому же классу будет отнесена и дочь.

Продуманная, но сложная система привлечения в дополнение к профессии многочисленной добавочной информации должна была дать возможность объективной оценки классовой принадлежности. Но в целом талантливо задуманная перепись 1918 г. потерпела методическую неудачу. Причины этой неудачи Г. С. Полляк охарактеризовал спустя 8 лет на IV Всесоюзном статистическом съезде. С 1920 г. профессиональные переписи, проводящиеся под его руководством, уже не учитывали семьи работника и ориентировались сугубо на индивидуальный учет. Тем не менее Г. С. Полляк считал: «Существенным дефектом профессиональной переписи (1926 г. и предыдущих) является то, что она не учитывает семьи работника. Опыт профессиональной переписи 1918 г. и многочисленных областных исследований профсоюзов показал, что в тех случаях, когда опрос происходит не на дому, а на месте работы, учет семьи, а следовательно и нагрузки работников, является неточным. При наличии в семье двух или нескольких работников каждый из них даст сведения об одной и той же семье, в силу чего получаются двойные подсчеты, искажающие общие результаты переписи. Возможность уточнения данных связана здесь с большими техническими затруднениями, вследствие чего ЦСУ сочло возможным отказаться от постановки этого вопроса, первоначально включенного в программу профессиональной переписи»¹⁴.

Отказ от учета данных о семье, имевший место по методическим причинам, оставлял лишь один путь: группировку занятий в градации признака «социальное положение». Это и было реализовано в ходе разработки материалов переписи 1920 г.: «В основу принятой ЦСУ классификации занятий положен признак социального положения. На основе группировки по социальному положению можно составить себе представление о классовом строении общества в данный момент... Конечно, эта группировка даст нам только материал для познания классового строения, но не само классовое строение. Последнее определяется многими факторами, которые наша перепись не учитывает»¹⁵.

¹³ Полляк Г. С. Методы учета населения..., с. 26.

¹⁴ Полляк Г. С. О программе и плане производства профессиональной переписи фабрично-заводских рабочих и служащих. — Статистика труда, 1926, № 1, с. 1.

¹⁵ Полляк Г. С. О классификации занятий для разработки материалов переписи 1920 года. — Вестник статистики, 1922, № 1—4, с. 16, 17.

¹⁰ Там же.

¹¹ Полляк Г. С. Методы учета населения..., с. 22.

¹² Дилигенский Р. Рабочий на капиталистическом предприятии. М.: Наука,

Использовавшиеся тогда 12 групп по социальному положению заслуживают упоминания: 1) рабочие; 2) служащие; 3) хозяева без наемных рабочих; 4) лица внеслужебного положения («свободные профессии»); 5) члены семьи, помогающие в производстве; 6) хозяева с наемными рабочими; 7) рентьеры (рантье); 8) духовенство; 9) армия и флот; 10) деклассированные элементы; 11) иждивенцы государственных и общественных учреждений; 12) иждивенцы других лиц.

Вместе с отказом от учета семейных связей в определении классовой принадлежности, отказом объективно вынужденным и вызывавшим далее неоднократные сожаления, было принято компромиссное решение относительно общих правил определения занятий. В качестве одного из основных аргументов одновременного учета занятий и производств приводился тот факт, что профсоюзные организации были образованы по производственному, а не по профессиональному принципу. Этот принцип использован в двух документах переписи 1920 г.: в разработанной карточке и первой поузловой таблице. Сводные результаты получались на основании чисто профессиональной группировки. Комиссия по переписи одобрила компромиссный путь учета занятий, предложенный Г. С. Полляком, и мы получили возможность увидеть два момента: 1) требования практики заставляют иногда поступаться общими положениями; 2) отступление от общих положений идет только до тех пор, до каких это абсолютно необходимо.

В ходе подготовки переписи 1923 г. и разработки материалов переписи 1920 г. был подготовлен список 213 профессий, заранее разбитых на профессии рабочих, служащих и младшего обслуживающего персонала. Само появление группы МОП в разработках материалов переписей, а также многочисленные коррективы, кого относить в эту группу, свидетельствуют о некоторой неопределенности правил отнесения к рабочему классу, появившейся вследствие устаревания данных о семье.

В одной из разработок профессиональной переписи 1923 г. вместо МОП введен термин «прислуга», объединявший 17 профессий, в числе которых учитывалась и личная прислуга. В целом список 213 профессий насчитывал 123 рабочих профессии (19 групп) и 73 профессии служащих (10 групп).

В первые девять лет Советской власти задача определения классовой принадлежности, поставленная перед статистикой, не была снята. Но постановка ее заметно изменилась. Не стояла проблема обязательного учета в какой-либо форме классового самосознания, статистика все в большей мере втягивалась в круг практических хозяйственных проблем. Оценка численности пролетариата производилась не столько для того, чтобы оценить политическую базу Советской власти, сколько для оценки уровня промышленного развития.

Профессиональные переписи, проводившиеся по месту работы, были вынужденным дополнением демографических переписей по месту жительства. В общей переписи невозможен детальный учет профессионального состава. «Поскольку обозначение профессий в личном листке общей переписи населения делается не на месте работы опрашиваемого, а на дому, часто на основании окольных показателей, поскольку запись производится регистраторами, обычно незнакомыми с характером производства, в котором осуществляется данная профессия, обозначение профессии и производства не может обладать той степенью точности и полноты, которая необходима для построения детальной схемы изучения профессионального состава»¹⁶. Г. С. Полляк упоминает громоздкость германской переписи 1925 г., когда счетчики должны были пользоваться при опросе на дому списком в 3 тыс. профессий.

Советская статистика пошла по другому пути. Разделив опрос по месту жительства и по месту работы, она, несомненно, кое-что потеряла, отказавшись от замыслов переписи 1918 г., но многое и было приобретено. Кроме повышения точности учета профессий, появились новые направле-

ния в изучении рабочей силы. Задавались вопросы о стаже, профессиональной подготовке, рабочем времени, заработке, связи с землей, участии в общественной работе и т. д. Тем самым формировались новые, ранее не существовавшие разделы социальной информации, необходимые для практики социалистического строительства. В частности, наиболее важными приобретениями отпочковавшихся профессиональных переписей следует считать: статистику рабочего стажа и профподготовки и статистику заработной платы.

Известная категоричность исходных положений переписи 1918 г. (требовавших определения: относится ли данный человек к рабочему классу) была смягчена уже в профессиональной переписи 1923 г. созданием буферной (промежуточной) группы занятых: прислуги или МОП. По одним практическим критериям эта группа относилась к рабочим, по другим — к служащим. Процесс формирования промежуточных групп продолжался и далее. В программе разработки переписи 1920 г. были всего две группы лиц наемного труда, и критерий отделения рабочих от не-рабочих представлялся простым и естественным: «рабочие как производители материальных благ и служащие, оказывающие нематериальные услуги производству»¹⁷. Согласно этому вполне правомочному критерию в служащие попали уборщицы и т. п. В современных условиях к ним были бы отнесены по этому критерию многие рабочие аппаратных производств, а в то время велись подобные рассуждения относительно водителей транспортных средств. МОП был отделен от служащих по признаку «квалификация». По этому же признаку от категории «рабочие» были отделены «ученики». Несколько сложнее обстояло дело с обособлением теперь уже привычной нам категории занятых — ИТР. Она была выделена по иному критерию: ИТР определялись как «работники, на которых лежит организация производственного процесса и техническое руководство»¹⁸. В дальнейшем говорилось, что все пять групп промышленного персонала формируются по тому же критерию: «основным признаком, определяющим отнесение работника к той или иной группе, является его рабочее место, функция, выполняемая им в производстве»¹⁹.

Здесь принципы эмпирического описания рабочего класса уже сугубо современны. Приведем аналогичные критерии из современной работы. «В персонале предприятий... необходимо различать прежде всего группу работников, занятых основной деятельностью, — производственный персонал основной деятельности», который «по характеру участия в производственном процессе подразделяется на ряд категорий: рабочие, ученики, ИТР, служащие, МОП, персонал охраны предприятий»²⁰. В сравнении с группировкой 1933 г. появилась всего одна новая группировка — охрана. Более принципиальным нововведением представляется учет основной деятельности до разделения на профессиональные группы. Причины такого разделения очевидны. За прошедшие десятилетия предприятие стало представлять собой не только производственную единицу, но и социальную ячейку с развитой культурно-бытовой сферой. Проводя некоторую аналогию с сочетанием семейного и индивидуального опроса, можно высказать предположения, что при методологии статистики 20-х годов был бы поставлен вопрос об объединении в разработку по единой программе вопросов о принадлежности данному предприятию с вопросами принадлежности к рабочему классу.

Методологическое наследие первых советских статистиков, пытавшихся с помощью объективных и глубоко социальных характеристик, с использованием методики комплексного эмпирического исследования оценивать принадлежность к рабочему классу, исходя из выработанной единой концепции, не потеряло своего значения до наших дней.

¹⁷ Полляк Г. С. О классификации..., с. 17.

¹⁸ Полляк Г. С. Учет труда в промышленных предприятиях. — В кн.: Очерки промышленной статистики. М.: 1937, с. 316.

¹⁹ Там же.

²⁰ Еремил Н. М., Маршалова В. П. Статистика труда. М., 1979.

¹⁶ Полляк Г. С. О программе..., с. 1.

В. А. БАЖАНОВ, Ч. ДАНШИЙЦООДОЛ

НЕКОТОРЫЕ МЕТОДИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ МАШИНОСТРОЕНИЯ И МЕТАЛЛООБРАБОТКИ В МНР

Металлообрабатывающая промышленность и ремонтное производство, как отрасль промышленности, производящая металлоизделия промышленного назначения и массового потребления, а также капитальный ремонт машин и механизмов, применяемых во всех отраслях народного хозяйства Монгольской Народной республики, играют и играют большую роль в развитии производительных сил страны.

Металлообрабатывающая промышленность и ремонтное производство в настоящее время включают почти 20 самостоятельных предприятий, которые выпускают более 3% валовой продукции промышленности МНР. Основные фонды данной отрасли составляют около 5% от основных фондов всей промышленности, в ней занято более 4% всей численности работающих в промышленности страны.

К 1980 г. в отрасли сложилась следующая структура: производство запасных частей, которое дает 24,5% валовой продукции, имеет 7,1% основных фондов и в нем занято 9,7% работающих в отрасли; производство металлоизделий и металлоконструкций — 35,8% валовой продукции, 19,0% основных фондов и 26,0% работающих; производство ремонта машин и оборудования — 40% валовой продукции, 74% основных фондов и 65% работающих.

Анализ современного состояния ремонтного производства показывает, что создание каждым министерством своей ремонтной базы ведет к распылению государственных средств, дублированию в работе отдельных ремонтных предприятий, нерациональному использованию производственных мощностей. Кроме того, очень остро стоит вопрос обеспечения каждого предприятия запасными частями, ремонтными материалами, технологическим оборудованием и квалифицированными кадрами. Как показывает анализ, большинство технологического металлорежущего оборудования к настоящему времени морально устарело, из-за продолжительного срока эксплуатации требует обновления и большого объема восстановительного ремонта. Так, по состоянию на 1979 г. 71,6% оборудования имело возраст более 10 лет, а из них 19,2% более 15 лет.

Эффективное развитие ремонтного производства сдерживает низкий уровень специализации ремонтных предприятий. Недостаточное развитие специализированной ремонтной базы в стране является результатом узковедомственного подхода к организации ремонта техники, отсутствия кооперации между ремонтными предприятиями.

Внедрение рациональных форм организации ремонтного производства для условий МНР, не имеющей своего машиностроения, приобретает очень большое значение, так как себестоимость капитального ремонта в 1,5—2,0 раза меньше стоимости новой машины, получаемой, как правило, по импорту.

В связи со всевозрастающим количеством техники, применяемой во всех отраслях народного хозяйства, ежегодно увеличивается и потребность в капитальных ремонтах различных машин, механизмов и оборудования.

Однако ряд отраслей вообще не имеет до сих пор производственных мощностей для централизованного капитального ремонта. Наибольшую обеспеченность имеет сейчас Министерство водного хозяйства, предприятия которого ремонтируют более 65% своего оборудования, и Министерство геологии и горнорудной промышленности (40,0%).

Необходимо особо отметить, что такая важная для МНР отрасль, как сельское хозяйство, не имеет производственных мощностей для централизованного ремонта техники.

По нашему мнению, основой ремонтного производства должны стать крупные предприятия, специализированные на ремонте отдельных видов техники или агрегатов и узлов. При этом они должны производить ремонт техники вне зависимости от ее ведомственной принадлежности, т. е. носить централизованный характер. В настоящее время в МНР очень остро встал вопрос организации сети государственных ремонтных предприятий (заводов, мастерских, цехов и т. д.), работающих на самостоятельном балансе и имеющих государственный план выпуска продукции.

Производительность ремонтного производства и качество выполнения работ во многом зависят не только от мощностей предприятий, обеспеченности кадрами, оборудованием и материалами, но от форм и методов организации ремонта.

Специфические условия страны затрудняют организацию капитального ремонта полнокомплектной техники, так как ее транспортировка по существующим транспортным магистралям сопряжена с большими трудностями. Поэтому наиболее приемлемой формой организации ремонта может быть агрегатный метод. Однако этот метод еще не нашел должного распространения в МНР в основном из-за слабого развития сети специализированных ремонтных предприятий.

Своевременность и качество выполнения любых ремонтных операций во многом зависят от степени обеспеченности запасными частями, которыми заменяются изношенные детали. При этом запасные части могут быть либо новыми, либо восстановленными. В настоящее время вследствие слабого развития металлообрабатывающей промышленности и ремонтного производства подавляющее количество запасных частей (80%) МНР завозит по импорту. Предприятия страны производят запасных частей всего лишь на 0,4% общей потребности.

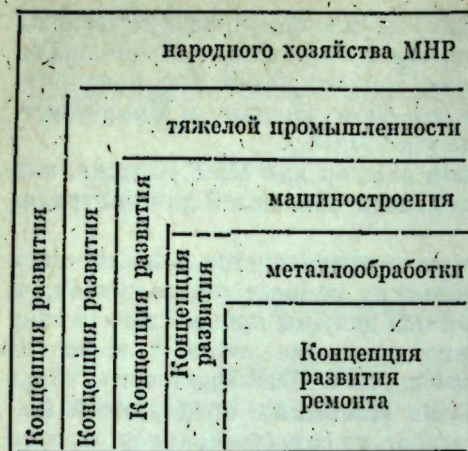
В связи с этим очень остро встает вопрос обеспечения ремонтного производства запасными частями собственного производства, т. е. необходимо создание предприятий по изготовлению запасных частей и по централизованному восстановлению изношенных деталей. В настоящее время лишь Улан-Баторский авторемонтный завод и ремонтно-монтажная мастерская Министерства легкой и пищевой промышленности способны изготавливать значительное количество запасных частей (на сумму более 2,0 млн. руб.), применяя промышленные способы производства.

Острая нужда в запасных частях заставляет изготавливать их в ремонтных мастерских хозяйств (госхозах, объединениях и т. д.), которые в большинстве своем не имеют соответствующего оборудования. В результате качество изготавливаемых деталей очень низкое, что, в свою очередь, снижает качество и увеличивает себестоимость ремонта.

Помимо запасных частей народное хозяйство МНР потребляет большое количество металлоизделий, основная часть которых импортируется. Однако некоторые виды металлоизделий широкого потребления (посуда, хозяйственный инвентарь и т. п.) имеют чисто национальный характер и не могут быть импортированы. Следовательно, для удовлетворения потребности в таких видах изделий необходимо иметь собственное производство.

В настоящее время практически каждое ремонтное предприятие — завод, цех, мастерская — параллельно с основным производством изготавливает металлоизделия широкого потребления.

Основная часть предприятий металлообрабатывающей промышленности расположена в Центральном экономическом районе. В этом экономическом районе

Иерархия концепций развития экономики МНР

росы организации сотрудничества по внедрению в производство результатов научных исследований и разработок и вопросы ускоренного развития науки и техники в странах СЭВ.

Ускоренное развитие науки и техники МНР есть процесс перехода ее народного хозяйства в тип индустриально-аграрного, а затем — индустриального хозяйства. В ходе этого процесса элементы, их связи и функции народного хозяйства претерпят количественные изменения и качественные преобразования. При ускоренном развитии науки и техники в МНР могут появиться новые отрасли, видоизмениться существующие, будут претерпевать сложные и значительные изменения внутренние и внешние связи народного хозяйства.

Основные контуры таких изменений должны найти отражение в научно-обоснованной и практически подкрепленной внутренними и внешними возможностями концепции развития народного хозяйства страны.

Исходя из представлений народного хозяйства как сложной иерархической системы и положений о его развитии в целом и отдельных подчиненных ему подсистем, на схеме показана иерархия концепций разного уровня развития экономики МНР.

При этом концепция любого данного уровня (например, развития машиностроения, металлообработки и ремонтного производства), с одной стороны, является основой для разработки вариантов планов и для принятия плановых решений в системах этого уровня, с другой стороны, служит основой для разработки концепции нижнего смежного уровня (например, концепции развития ремонтного производства) и, наконец, она вытекает из концепций смежных вышестоящих уровней, отражая их различные аспекты, имеющие прямое отношение к данному выделенному уровню.

Каждый из представленных уровней концепций может рассматриваться в виде возможных направлений создания и развития отдельных подсистем народного хозяйства и общей системы в целом. Реализация этих направлений основывается на решении определенных, конкретных экономических задач, сформулированных для каждого уровня. Требование системного подхода предполагает взаимоувязку этих задач, координацию их решений и выработку в конечном итоге оптимизированных способов реализации общей концепции развития народного хозяйства МНР.

В концепции развития машиностроения первоочередной задачей является создание такой внутренней общемашиностроительной базы, которая бы обеспечивала интенсивное развитие металлообработки и ремонтного производства и давала бы последнему возможности быстрого реагирования на ремонтные нужды. Кроме того, создание собственного машиностроения первичных форм (межотраслевые общемашиностроительные производства, производства отдельных деталей, узлов машин и механизмов) позволит МНР шире участвовать в международном раз-

ческом районе сконцентрировано около 80% основных фондов отрасли и около 90% всех работающих. Причем в ближайшем будущем эти показатели еще увеличатся. Такое положение объясняется тем, что в Центральном экономическом районе сосредоточена основная масса техники, используемой в народном хозяйстве.

Перспективное развитие народного хозяйства МНР тесно связано с развитием интеграционных процессов, происходящих на современном этапе во всей системе СЭВ. Исходя из хода реализации мероприятий, вытекающих из долгосрочных целевых программ сотрудничества в рамках СЭВ, на повестку дня выносятся воп-

лоения труда, а в конечном итоге приведет к созданию благоприятных условий для ускоренного развития науки и техники в республике.

В связи с необходимостью создания и развития ряда отраслей общего машиностроения перед металлообработкой и ремонтным производством в перспективе возникают две проблемы, связанные, с одной стороны, с повышением объема ремонтных работ и увеличением их сложности за счет износа оборудования машиностроительных предприятий, научных и опытно-конструкторских организаций; с другой — с необходимостью подготовки для этих предприятий и организаций инженерно-технических и квалифицированных рабочих кадров. Главным при решении этих проблем становится задача повышения производительности труда в самой металлообработывающей промышленности и ремонтном производстве. Решить эту задачу можно в первую очередь путем более рациональной организации производства: усиления централизации, углубления специализации и расширения на этой основе кооперации предприятий названных отраслей.

Предлагаемая система концепций развития отдельных отраслей и народного хозяйства МНР в целом основывается, как уже говорилось, на понимании народнохозяйственного комплекса в виде многоуровневой экономической системы. Для каждого из уровней и подсистем можно подобрать модельный аппарат, описывающий процесс выбора наиболее рационального направления реализации принятых концепций. Тогда вся многоуровневая система может быть представлена в виде системы экономикоматематических моделей, описывающих взаимосвязи и условия внутри системы. Каждый уровень системы может моделироваться по-разному. На наш взгляд, для большей методической ясности, сравнительно большей доступности исходной информации и меньших затрат на ее подготовку, а также вследствие наличия достаточно отработанного математического обеспечения целесообразно начать моделирование развития машиностроения, металлообработки и ремонтного производства с подсистемы авторемонтного производства. Кроме того, выбор именно этой подсистемы обуславливается наибольшим удельным весом авторемонтного производства в общем объеме металлообработывающей промышленности и ремонтном производстве отрасли по всем результирующим показателям этой отрасли.

Подсистема авторемонтного производства может быть представлена в виде двухуровневой системы моделей. На верхнем уровне в качестве координирующей применяется модель производственно-транспортной многопродуктовой задачи с дискретными переменными на минимум приведенных затрат на производство и транспортировку продукции. Выбор этой модели обусловлен спецификой оптимизируемого объекта. Затраты на ремонт нелинейно связаны с выпуском ремонтируемой продукции. Авторемонтные заводы являются дискретными объектами, и на общее решение задачи транспортный фактор оказывает сильное влияние. На нижнем уровне строится модель-генератор производственных объектов, формирующая варианты развития каждого авторемонтного предприятия, включенного в подсистему. Модель представляет собой систему линейных неравенств, описывающих границы допустимого пространства вариаций объемов ремонта автомобилей на каждом конкретном предприятии. Пространство вариантов в свою очередь содержит «пустоты», образующиеся при отбрасывании технологически или экономически недопустимых вариантов (технологически и экономически недопустимой номенклатуры продукции). Последнее наделяет данную модель определенной новизной по сравнению с ранее применявшимися моделями-генераторами, разработанными в ИЭиОПП СО АН СССР для отраслей машиностроения.

Для описания модели введем обозначения: ($i = \overline{1, n}$),

i — индекс марки автомобиля, подлежащего ремонту ($j = \overline{1, m}$),

j — индекс авторемонтного предприятия,

r — индекс варианта ($r = \overline{1, R}$),

$V_j, \bar{V}_j$ — соответственно нижний и верхний размеры производственной мощности j -го авторемонтного предприятия; $N_{ij}, \bar{N}_{ij}$ — соответственно

минимально допустимый и максимально возможный объемы ремонта i -й марки автомобиля на j -м предприятии.

В приведенных обозначениях система неравенств, описывающих пространство вариации, запишется следующим образом:

$$V_j \leq \sum_{i=1}^n x_{ij} \leq \bar{V}_j, \quad j = \overline{1, m} \quad (1)$$

— суммарный объем ремонта всех марок автомобилей по r -му варианту должен находиться в пределах заданных размеров производственной мощности j -го предприятия;

$$N_{ij} \leq x_{ij} \leq \bar{N}_{ij}, \quad \forall i, j, r \quad (2)$$

— объем ремонта i -й марки автомобиля по r -му варианту должен находиться в пределах заданных минимально допустимого и максимально возможного объемов ремонта каждой марки автомобиля на j -м предприятии;

$$|x_{ij}| \in \{X, \dots, X_k\} \quad (3)$$

— сформированный r -й вариант по j -му предприятию, состоящий из k компонент, должен принадлежать множеству задаваемых для каждого предприятия технологически допустимых сочетаний ремонтируемых марок автомобилей.

В алгоритме, реализующем формирование вариантов в пределах заданных условий, процедура определения объемов ремонта сводится к следующему.

Для каждой марки автомобилей задается величина прироста объема ремонта, которая прибавляется к минимально допустимому объему ремонта данной марки до максимально возможного объема. Каждый приращенный объем сочетается с объемами ремонта других марок. Суммарный объем по всем маркам сравнивается с нижним и верхним значением мощности предприятия.

Одновременно с формированием вариантов в алгоритме рассчитываются необходимые оценочные показатели для каждого варианта.

В представленной двухуровневой системе процесс согласования между моделями отсутствует. Модель-генератор служит только как поставщик необходимой информации в виде способов для модели верхнего уровня.

Результаты решения оптимизационных задач в подсистеме авторемонтного производства используются как входная и аналитическая информация для подсистемы — металлообработка и ремонтное производство в целом. Решение серии задач в этой подсистеме даст возможность судить о первичных размерах и структуре необходимой общемашиностроительной базы МНР. Далее возможна организация итеративного процесса согласования и координации решений на уровнях указанных подсистем во взаимной увязке с решениями, полученными на вышестоящих уровнях вплоть до уровня народного хозяйства республики. Такая схема межуровневого согласования связана со спецификой народного хозяйства МНР, а именно, с отсутствием собственного машиностроения в республике.

Институт экономики и организации
промышленного производства
СО АН СССР, Новосибирск

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ 1981 г. КОМИССИИ
ИНДУСТРИАЛЬНЫХ СИСТЕМ МЕЖДУНАРОДНОГО
ГЕОГРАФИЧЕСКОГО СОЮЗА¹

Г. ДЖ. Р. ЛИНДЖ

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ИССЛЕДОВАНИЙ

На рабочем совещании Комиссии по индустриальным системам в Фудзисиде (Япония) 23 и 24 августа 1980 г. сформирована тематика исследований на 1980—1984 гг.: изменения индустриальных систем, лежащие в основе нового пространственного разделения труда. Внимание должно быть сосредоточено на четырех аспектах изменений, а именно: 1) спрос и предложение материальных ресурсов: ограничения и возможности в связи с наличием и мобильностью полезных ископаемых, энергии и растительных ресурсов и собственностью; 2) распространение и разработка технологий: передача, освоение, принятие, конкуренция имеющихся, возможных или соответствующих технологий или инноваций; 3) влияние правительственных и институциональных ограничений и стимулов: воздействие тарифов, льгот, спецификаций на международную торговлю продукцией обрабатывающей промышленности; взаимодействие макро- и микромер правительства; влияние банковской системы, мобильности и подготовки рабочей силы; 4) отношения между организациями и внутри них: взаимодействие между крупными и мелкими организациями, родительскими и дочерними фирмами, совместными организациями, государственными и частными организациями по размещению, распределению и развитию обрабатывающих производств.

В Фудзисиде было признано, что все это важные, но широкие темы, и принято решение конкретизировать их на совещании в Ньиредьхазе с тем, чтобы соединить усилия отдельных экономгеографов, работающих во имя одной цели, и получить более осязаемый и даже более влиятельный результат в мировом масштабе, чем сумма частей, пусть они и важны каждая сама по себе.

Был сделан общий вывод, что мы начали упускать из виду некоторые важнейшие проблемы, и в частности так называемую дискуссию «Север — Юг», в которую географы внесли незначительный вклад. Как отметил на открытии XXIV Международного географического конгресса в Токио президент Международного географического союза М. Дж. Вайз: «Мир должен учиться мыслить географически, помнить о разнообразии закономерностей и условий жизни. Никто из нас не может жить без других, и нам нужно научиться понимать, в каких условиях живут другие, а это означает мы. Для того, чтобы предвидеть, важен глобальный взгляд, а это означает пересмотр установок стран, больших и малых, богатых и бедных... Задаче отыскания гармонии между ресурсами Земли и потребностями растущей численности населения должен посвятить свои усилия Международный географический союз».

Далее в докладе Брандта рассматриваются особенности и условия диалога «Север — Юг», а также подход изнутри географов, которые считают национальные границы своими горизонтами и национальные дебаты — свои национальные границы своими горизонтами. Какими бы способами ни составлялись предложения «раковинами». Какими бы способами ни были в анализе, их тематика доклада Брандта, какие бы недостатки ни были в анализе, их тематика

¹ Начало публикации материалов конференции см. Известия, 1982, № 6. Сер. обществ. наук, вып. 2.

жа — само существо географии: размещение и перемещение во всяких пространственных масштабах ресурсов, будь то люди, потоки капиталов, сырье, готовая продукция или технология. Взаимосвязи между этими потоками, побуждающие их стимулы, мешающие им препятствия — и «система» и «среда», в которой они действуют, — все это является частью того, о чем есть или о чем должна быть человеческая география.

Канберра,
Австралийский национальный университет

СЮЗАН САВЕЙ

Франция

МНОГОНАЦИОНАЛЬНАЯ КОРПОРАЦИЯ «ПЕШИНЕ — ЮЖИН — КЮЛЬМАН»

После окончания второй мировой войны резко усилились позиции многонациональных компаний. Этот процесс, вызванный потребностью в завоевании большего пространства для обеспечения воспроизводства капитала, представляется очевидной реакцией на снижающуюся рентабельность. Вряд ли такой всемирный процесс мог протекать успешно, если бы в него включались только свободные предприятия со всеми их внутренними неопределенностями. Прежде, в условиях конкурентного капитализма, национальные компании, заботливо охраняемые тарифными барьерами, еще могли в зависимости от своей эффективности и жизнеспособности воздвигать монополистические позиции в национальных границах. Сегодня многонациональные компании должны удовлетворять требованиям двойного рода, противоположным политике попустительства: во-первых, необходимо достигать некоторых соглашений между ведущими компаниями всего мира в соответствующей сфере деятельности; во-вторых, необходимо развивать тесные связи с правительствами стран, где основаны фирмы. Таким образом, конкуренция между крупнейшими компаниями, действующая еще 20 лет назад, как представляется, уступает место картелю ведущих, поддерживаемых правительствами, который основывается на эксплуатации природных ресурсов в развивающихся странах, международном разделении труда с различиями в технологии и неравном распределении богатства.

Концентрация политических решений по национальному или региональному развитию в руках советов директоров или даже в рамках технократических структур крупных многонациональных корпораций делает их частично ответственными за неравное развитие и укрепляющими теорию ядра — периферии. Кроме того, многонациональные компании без помощи правительств и государственных организаций стран, откуда они ведут свое происхождение, не могут добиваться своих целей, с одной стороны, для поддержки своих воззрений и притязаний перед партнерами (другими гигантскими компаниями в данной отрасли) или соперниками (странами — производителями сырья, например, ОПЕК или Международная ассоциация по бокситам, и новыми государственными или частными компаниями в соответствующей отрасли), с другой — для того, чтобы осуществлять экономические и пространственные перестройки, необходимые для обеспечения своих операций в стране.

Анализ такого типа, когда технократические структуры межнациональных компаний рассматриваются как сердцевина континентальной, национальной и региональной пространственной организации благодаря поддержке монополистического капитала и государственной машины, проводится во Франции в течение ряда лет экономистами новой школы, например Франком, Паллуа, Костеллом, Годардом, Вьенем, Липицем.

Их выводы взяты в качестве рабочих гипотез при рассмотрении конкретного предприятия «Пешине — Южин — Кюльман», недавно национализированного французским правительством.

Менее чем за столетие небольшая компания по производству соды на юге Франции превратилась в мировую корпорацию. Постепенно устраняя производственный аппарат вокруг плавильного производства, включая участие в производстве готовой продукции, компания сумела создать основы для своего роста. Для того чтобы фирма могла завоевать ведущую позицию во всем мире, ей нужно не только все больше концентрировать финансы и комбинировать производство, добиваться роста прибыльности путем снижения издержек и развития филиалов, управлять техническим прогрессом и его внедрением, но и правильно оценивать перспективы национальной и международной политики. Существование предприятия зависит от его способности верно трактовать мировую ситуацию: и своевременно правильно разыгранная карта может существенно повлиять на изменение или сохранение международных отношений. Отсюда велика роль информации, которую надо уметь получить от сети деловых и приятельских контактов. Такие контакты требуется расширять и укреплять. Нужно сотрудничество между мультинациональными компаниями, поддержка правительств. Повышается роль высшего руководства, принимающего стратегические решения, отыскивающего финансовые объединения активизирующего технический прогресс, добывающего рынки и располагающего социальными возможностями, которые необходимы для сбора информации. Развитие пространственной базы компаний порою связано с резкой переоценкой специализации высшего руководства. Отсюда и перестройки в управлении «Пешине» в конце 60-х годов — от традиционного патернализма к новым формам.

Университет Поля Валери,
Монпелье

3. ТАТАИ,

ВНР

ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ В ДЕРЕВНЯХ

Индустриализация деревень представляется как комплекс нескольких разных, но тесно связанных друг с другом процессов: во-первых, сельскохозяйственное производство приобретает индустриальный характер. Повышение уровня механизации и использования химикатов, появление производственных систем с замкнутым циклом и т. п. подняли производительность труда. Все больше процессов осуществляется в помещении, вырос спрос на квалифицированные кадры. Во-вторых, промышленный труд стал более значимым в деятельности госхозов и кооперативов. Промышленность сегодня занимает значительную и растущую часть занятости на селе, объема реализации и прибыли. В-третьих, промышленные предприятия растут в деревнях: более 1/5 промышленной продукции, выпускаемой в стране, производится ими. В-четвертых, много людей из ранее сельскохозяйственных районов ездят ежедневно на работу в близлежащие или даже в более отдаленные города, прежде всего на предприятия промышленности в столице.

Индустриализация деревень — явление не новое, она происходила еще до 1945 г., однако ритм этого процесса резко ускорился за последнее десятилетие под влиянием социалистической реорганизации сельского хозяйства. Если прежде она затрагивала только крупные капиталистические имения, то сегодня охватила весь аграрный сектор страны. Сельские

хозяйственная занятость резко сократилась: это меньшая часть занятости в народном хозяйстве. Половина жителей села работает на промышленных предприятиях. В ходе миграции значительная масса людей из села и торговых городов переселилась в промышленные районы. Рабочий класс более равномерно распределен по стране, примерно половина его проживает в деревнях. Большинство проживающих в деревнях занимаются сельскохозяйственным трудом независимо от того, где они работают, — на промышленных предприятиях, в госхозах или кооперативах.

АН. ВНР, Будапешт

СИГЕРУ ЯМАМОТО,

Япония

ИЗМЕНЕНИЯ В РАЗМЕЩЕНИИ ЧЕРНОЙ МЕТАЛЛУРГИИ В ЯПОНИИ

В докладе показаны изменения и реорганизация пространственной структуры экономики как динамичное неравномерное развитие хозяйства регионов в условиях ускоренного роста промышленности Японии после войны. Называются три фактора, обусловившие реорганизацию структуры региональной экономики: тенденция неравномерного развития межотраслевых структур промышленности, перемещения предприятий и явное развитие управленческих функций в крупных городских центрах. Под воздействием этих факторов преобразована и перестроена макроэкономическая структура страны. Сформировались гигантские современные промышленные районы в поясе вдоль Тихоокеанского побережья, соединяющем основные промышленные и городские агломерации.

Черная металлургия Японии давно испытывает недостаток сырья, при этом оно завозится издалека морским путем. Разработки железной руды в Австралии, Латинской Америке, Африке и других развивающихся районах значительно облегчили трудности с обеспечением этим сырьем. В Западной Европе и США черная металлургия пользовалась богатыми местными ресурсами, которые, однако, истощаются, растет потребность в импорте. В 1978 г. США ввозили 30,4% потребляемой руды, ФРГ — 96,4, Великобритания — 78,7, Франция — 39,6%. Эта доля растет. В последние годы повысились скорости и мощности судов, что делает рентабельными перевозки на большие расстояния. В 1978 г. Япония ввезла 114,6 млн. т железной руды и 48,1 млн. т коксующегося угля.

Тот факт, что черная металлургия Японии размещалась вдоль Тихоокеанского побережья, принес большой выигрыш. В Западной Европе и США металлургические предприятия ориентировались на местные ресурсы и располагались в основном на материке, хотя и на водных путях. Перевалка во внутренние районы грузов из морских портов отразилась на издержках производства. Позиции этих стран на мировых рынках пошатнулись. И хотя ряд предприятий был выстроен после войны на побережье, традиционное размещение в основном сохранилось. Можно заметить, что недостаток сырья вызвал огромное продвижение японской черной металлургии к побережью. Данный факт наряду с низкой себестоимостью, высокой интенсивностью труда и т. п. объясняет успех этой отрасли.

Университет Сантamu

Р. Г. КАРАГЕДОВ

МЕХАНИЗМ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ¹

Новая книга «Экономика дефицита» известного венгерского экономиста, сотрудника Института экономики Венгерской Академии наук, Яноша Корнай развивает идеи, выдвинутые уже в предыдущих его работах². Но теперь они сведены в систему, достаточно полную теорию, позволяющую, по мнению ее автора, объяснить главные особенности механизма функционирования экономики в европейских социалистических странах³. Именно объяснить: на протяжении всей книги подчеркивается, что она претендует на изложение не нормативной, а описательной теории.

В центре внимания автора — проблема отставания предложения от спроса, напряженности на рынках как средств производства, так и потребительских благ, обуславливающей и напряженность экономического развития в целом. Под этим углом зрения в книге рассматривается широкий круг вопросов: производство и обращение, распределение, ценообразование, финансы и денежное обращение, экономика домашнего хозяйства и многие другие — практически все основные слагаемые хозяйственной жизни. Автор считает, что именно указанная проблема является ключевой для понимания внутренних закономерностей и тенденций экономического развития в странах социализма так же, как и проблема неиспользования ресурсов (в первую очередь — безработицы) — для стран капитализма. При этом он ставит своей задачей не только объяснить причины хронической нехватки ресурсов (и экономических благ вообще), но и показать, как она воздействует на разные стороны экономической жизни общества.

Наряду с этим автор книги поставил перед собой и вторую задачу: разработку методологии исследования экономических систем и механизмов управления ими. Каковы описывающие их модели, включаемые ими переменные и постоянные параметры, система обратных связей и поведенческих характеристик, каковы, наконец, возможности наблюдения и измерения изучаемых явлений и процессов? Все эти вопросы тщательно разработаны в книге, а предложенная в ней методология последовательно применена к анализу ее основного предмета — явления недостатка экономических благ.

Формулируемая Я. Корнай концепция функционирования социалистической экономики весьма оригинальна, и ее трудно обсуждать в терминах существующей экономической теории. Вводятся новые категории и понятия, применяются новые приемы анализа, и с этим связаны сильные и слабые стороны книги. Бесспорны ее фундаментальность, глубина про-

¹ Статья представляет собой обзор книги Я. Корнай «Экономика дефицита». Книга отражает курс лекций, прочитанных Я. Корнай в Стокгольмском университете: Kornai Janos. Economics of shortage. Amsterdam. North-Holland, 1980. 631 p. На венгерском языке она издана в Будапеште. См. Kornai Janos. A hiány. Budapest, Közgazdasági és Jogi Könyvkiadó, 1980. 658 p.

² Kornai J. Overcentralization in Economic Administration. London, 1959; Idem. Anti-Equilibrium. Amsterdam, 1971; Idem. Rush versus Harmonic Growth. Amsterdam, 1972.

³ Я. Корнай обобщил опыт экономического развития европейских социалистических стран, в первую очередь Венгрии, и не распространяет свой анализ на СССР.

водимого анализа, но вместе с тем и трудности верификации, обоснования выдвигаемых гипотез фактическим материалом. Последнее едва ли можно вменить в вину автору: соответствующей статистики просто не существует. И к чести его надо сказать, что он в каждом случае доводит изложение до обоснования возможностей наблюдения и измерения описываемых явлений. Отметим также, что будучи известным экономистом-математиком, Я. Корнаи в данной книге вынес математические доказательства в приложения, а в самом тексте пользуется лишь элементарными моделями, формулами, графиками, что делает ее доступной для более широкого круга читателей. Каковы же основные сюжеты книги?

Исходный пункт анализа — вводимое автором понятие «нормального состояния» экономической системы, принципиально отличающегося от общезвестного состояния экономического равновесия. В предыдущих работах Я. Корнаи концепция статистического рыночного равновесия (Вальраса — Эрроу — Дебре) была подвергнута фундаментальной критике в связи с нереалистическим характером ее аксиом и предпосылок. Типичным состоянием любой экономической системы, указывал он, является неравновесие, т. е. длительные и однонаправленные отклонения от равновесия. Развитие этой точки зрения в новой книге состоит в четком формулировании двух основных типов неравновесия — для капиталистической и социалистической экономики — и в признании их нормальным состоянием этих систем. Термин «нормальное» используется здесь в смысле, придаваемом ему естественными науками: он свободен от оценочных суждений и лишь означает состояние, к которому система тяготеет под воздействием имманентных ей сил. Автор развивает теорию, согласно которой нормальным, в указанном смысле, для капитализма является хронически низкая степень использования производственных возможностей общества (в том числе неполная занятость), определяющая и низкие темпы экономического роста, а для социализма, напротив, — высокие темпы роста, сдерживаемые лишь хронической нехваткой ресурсов (в том числе трудовых). Детальному обоснованию подобной «неравновесной» модели функционирования социалистической экономики и посвящено исследование Я. Корнаи.

Используемый Я. Корнаи понятийный аппарат оригинален во многих отношениях. Прежде всего, в книге справедливо отмечается, что обычные понятия для описания рынка (фактический спрос, цена равновесия, избыточное предложение и др.) пригодны лишь в особом случае децентрализованного рынка, на котором цены — основа или главный источник информации. Но их нельзя использовать для описания других типов рынков и механизмов управления, например, в условиях централизованного распределения ресурсов. Поэтому вводится система более общих понятий, четко разделяющих первоначальные намерения участников рыночного обмена и их фактическую реализацию. Эти намерения и их реализация более или менее совпадают лишь в частном случае экономики, работающей в условиях так называемого «давления», т. е. в случае превышения предложения над спросом. Но они существенно различаются в условиях, отражаемых моделью «подсоса», когда предложение недостаточно для удовлетворения спроса, действительные покупки отражают не этот спрос, а реализацию, модифицированную принудительной заменой. То же самое верно и при расхождении между желательным и фактическим объемом производства. Разность между векторами желательного и истинного уровня снабжения (производства) характеризует величину напряженности снабжения (производства). Модели «давления» и «подсоса» занимают важное место в книге, с их помощью объясняются многие существенные особенности функционирования социалистической экономики в отличие от капиталистической⁴.

Другая, не менее важная особенность применяемого в книге метода состоит в следующем. В научной литературе обычно различаются (перед-децентрализованное при помощи механизма рынка, т. е. цен, и централизованные, использующие внеценные средства, в частности прямые директивные сигналы. Участники хозяйственных процессов, справедливо отмечает он, реагируют не только на сигналы рынка (цен) и прямые директивы сверху, но и на сигналы другого рода: физическое наличие ресурсов (нехватка, излишек), в том числе рабочей силы, технические возможности их взаимозамены, уровень запасов, состояние портфеля заказов и т. п. Эти сигналы, конечно, оказывают воздействие на хозяйственную систему лишь наряду с другими механизмами регулирования, иногда противореча им, но значение их весьма большое в любой системе. Их регулирующую функцию автор называет «вегетативной» по аналогии с функцией вегетативной нервной системы у высокоорганизованных организмов. Вегетативный контроль играет особенно важную роль в условиях экономики «подсоса», когда хроническая нехватка ресурсов и потребительских благ вынуждает как производителей, так и потребителей к действиям, не объяснимым с точки зрения общепризнанных механизмов регулирования. Он позволяет сам по себе, без привлечения других данных, объяснить многие хозяйственные процессы, мотивацию и действия участвующих в них лиц.

Книга состоит из двух примерно равных по объему частей. В первой явление дефицита исследуется с помощью абстрактной модели экономики, игнорирующей категории товарно-денежного хозяйства: прибыль, цены, заработную плату и деньги вообще. Они включаются в анализ лишь во второй части книги, и сделано это исходя из следующих соображений: в настоящее время в хозяйственных механизмах социалистических стран значение названных категорий, по мнению автора, сравнительно невелико, значительно большую роль играет вне рыночный, «вегетативный» контроль. Кроме того, все большее признание получает значение такого контроля и в других, несомненно социалистических хозяйственных системах. Тем самым Я. Корнаи, с одной стороны, претендует на универсальность формулируемой им теории, а с другой — хочет продемонстрировать возможность описания основных моментов хозяйственного регулирования в социалистическом обществе без помощи рыночных категорий. Последнее, как нам кажется, ему вполне удастся.

Рамки журнальной статьи позволяют довести до читателя лишь общую логику книги, но не содержание всех ее глав. Первый раздел начинается с анализа поведения абстрактной фирмы, работающей в условиях обычных ограничений: по спросу, финансам и ресурсам. Верный марксистской методологии, автор утверждает, что именно здесь, в сфере производства лежат наиболее глубокие корни исследуемого им явления хронического отставания предложения от спроса. Первопричина этого явления — эта мысль в книге отправная — характер ограничений, сдерживающих рост производства. Для классической капиталистической фирмы, пишет Я. Корнаи, такими ограничениями служат спрос и финансовые возможности, для традиционной социалистической — физический объем ресурсов. Дело не в том, что ограничений по спросу и финансам у социалистического предприятия отсутствуют, а в том, что они в большинстве случаев носят формальный характер. Пользующееся постоянной поддержкой государства (подобно детям, получающим помощь от родителей), оно практически всегда может рассчитывать на необходимые денежные средства для приобретения материалов, оборудования и других ресурсов, если последние имеются в наличии и могут быть использованы для производства. Гарантированным является и сбыт готовой продукции, если учитывать ее постоянную нехватку в народном хозяйстве, а тем более практику прикрепления потребителей к поставщикам. Стало быть, заключает автор, единственным реальным ограничением к росту производства служат ре-

⁴ См. по этому вопросу: Корнаи Я. К теории неравновесия. — Экономика и математические методы, 1972, т. VIII, № 5, с. 681—697.

ухудшается качество производимой продукции. Именно это обстоятельство всячески подчеркивается автором, считающим его одним из важнейших экономических последствий дефицита ресурсов. Наконец, третья форма приспособления — вынужденное изменение запланированного ассортимента выпускаемой продукции, что, в свою очередь, повлечет за собой нехватку соответствующих ресурсов у потребителей данной продукции и т. д.

Вынужденная замена ресурсов часто вызывается неравномерным их поступлением. Скажем, нужные в первой декаде материалы поступают лишь в третьей. Производство нельзя остановить, поэтому в первой декаде будет произведена вынужденная замена материалов, а в третьей декаде возникнут сверхурочные работы, штурмовщина — со всеми вытекающими из нее отрицательными экономическими последствиями. Дефицит ресурсов, отмечает автор далее, сопровождается не только ощутимыми материальными потерями, он имеет и соответствующие психологические последствия. В частности, изменяется характер труда хозяйственных руководителей, превращая их в своего рода диспетчеров, находящихся в постоянном напряжении из-за необходимости преодоления непрерывно возникающих трудностей снабжения. Нехватка ресурсов вообще создает атмосферу напряженности в производстве, вызывает конфликты и связанные с ними стрессы, отвлекая много сил и энергии руководителей производства на всех его уровнях от выполнения их главных задач — совершенствования технологических процессов и улучшения качества продукции.

Придавая большое значение проблеме качества продукции, Я. Корнаи утверждает, что экономика «давления» (превышения предложения над спросом) создает гораздо большие стимулы к улучшению качества, чем экономика «подсоса» (отставания предложения от спроса). Исходя из марксистского положения об определяющей роли производства по отношению к потреблению, он указывает, что возобновление процесса производства практически всегда тесно связано с применением новых машин и материалов, а они внедряются не потребителем, а производителем. Отсюда напрашивается тот вывод, что в ряду многочисленных факторов, определяющих темпы экономического прогресса, ключевым является фактор экономический — побуждение производителей к более эффективному обновлению выпускаемого ассортимента. В экономике «давления» значение этого фактора сказывается в полной мере: производитель ведет конкурентную борьбу за покупателя, и главный метод, с помощью которого он может его завоевать, — это повышение качества, внедрение новой, не производившейся ранее продукции, а вместе с тем создание новых потребностей и новых рынков. Подобных стимулов намного меньше в экономике «подсоса», поэтому, заключает автор, замедляется качественное обновление и развитие производства. В одной из своих статей Я. Корнаи указывал, что наиболее важные невоенные изобретения, «революционно-новые» продукты, за немногими исключениями, появились в экономике, находящейся под «давлением».

Большую роль в развиваемой Я. Корнаи концепции играет формулируемое им положение об асимметрии в положении продавца и покупателя на любом рынке. В условиях «давления» продавец вынужден искать расположения покупателя, он выполняет и большую часть информационной деятельности, в частности по рекламе реализуемой продукции. В условиях же «подсоса» роли меняются: продавец может позволить себе быть невнимательным к покупателю, а главное, он может постоянно игнорировать его запросы: «подсос» заставляет последнего соглашаться на предлагаемое ему снабжение и идти на вынужденную замену. На него же возлагается непропорционально большая доля информационной деятельности, он находится в постоянном поиске нужной продукции, посылает «толкачей» и т. д. Нехватка продуктов часто вынуждает прибегать к рациональному, также требующему дополнительных издержек.

Своеобразные отрицательные эффекты напряженности в инвестиционной сфере. С одной стороны, практически отсутствует необходимый резерв

капитальных вложений — на непредвиденные нужды. С другой стороны, такая напряженность предопределяет постоянную нехватку одних видов продукции отраслей инвестиционного комплекса, а одновременно с ней — нехватка общего лимита капиталовложений может вызвать к жизни не самые рациональные формы его распределения: на практике преобладает принцип распределения «по прежней квоте», замораживающий сложившиеся производственные пропорции, а не отбор наиболее эффективных строительных проектов. Отступления от этого принципа обычно имеют место лишь тогда, когда нехватка продукции какой-либо отрасли принимает слишком большие размеры, по терминологии автора — переступает так называемые «границы допустимости» — весьма сложное понятие, вводимое Я. Корнаи для обозначения допустимых с общественной точки зрения пределов соответствующих явлений и процессов.

Дефицит в текущем производстве — главный мотив инвестиционной экспансии, его сигналы играют весьма важную роль в распределении капиталовложений. Таким образом, нехватка продукции текущего производства порождает инвестиционную напряженность. В то же время именно она служит одной из главных причин этой нехватки: чем выше степень этой напряженности, тем большее количество ресурсов отвлекается от других возможных сфер ее использования, усиливая существующий их дефицит.

Переходя к макроэкономическому аспекту анализа последствий «дефицитной экономики», Я. Корнаи вводит в рассмотрение категорию социальных издержек производства, трактуемых в весьма широком смысле: это не только поддающиеся денежному измерению затраты средств производства и рабочей силы, но и соответствующие изменения окружающей среды, затраты нервов и вообще здоровья и другие подобные затраты, неизбежно сопровождающие процесс общественного производства. Социальные издержки представляются в книге в виде функции от степени использования «производственной мощности» общества. Ход рассуждений автора таков. Рост исследуемого типа социалистической экономики ограничен не спросом и финансовыми возможностями производителей, а физическими ресурсами и «общественными границами допустимости». Все предыдущее изложение подводит читателя к выводу (оно, собственно, служит его обоснованием), что внутреннее закономерности подобного хозяйственного механизма обуславливают намного более высокую, чем при капитализме, степень использования существующей «производственной мощности». Но поскольку кривая предельных социальных издержек имеет вогнутую, U-образную форму (вначале они убывают, а затем — возрастают), то высокая степень использования мощностей достаточна для вывода о соответствии высокой эффективности экономической системы. Я. Корнаи вообще полагает бесплодными попытки измерения сравнительной экономичности общественно-экономических систем с помощью какого-либо агрегированного показателя. Реальной, считает он, является возможность изучения многочисленных компонент векторов социальных возможностей и издержек, различных последствий той или иной степени утилизации производственной мощности общества — как положительных эффектов, так и соответствующих издержек и потерь. Первая часть книги завершается подробным анализом главных составляющих социальных издержек и обоснованием указанной формы кривой предельных социальных издержек. Такой анализ служит как бы предостережением против смещения понятий максимального и оптимального уровня использования производственных возможностей общества.

Во второй части книги к объяснению механизма функционирования социалистической экономики привлекаются категории товарно-денежного хозяйства. Обосновываемая здесь центральная мысль состоит в том, что влияние цены, заработной платы и других экономических рычагов на поведение участников хозяйственных процессов — второстепенное, а главная роль принадлежит называвшемуся выше «вегетативному»

регулированию. Параллельно с этим в ходе изложения автор формулирует ряд весьма интересных теоретических положений, серьезно подрывающих основы современной математической экономики.

Я. Корнай исходит прежде всего из гипотезы о «нежесткости бюджетного ограничения» социалистического предприятия. Он отмечает, что практически все основные теоремы микроэкономической теории опираются на предпосылку о жестком бюджетном ограничении. А последнее означает, что фирма не может влиять на цены и должна приспосабливаться к ним: объем производства и структуру затрат, она не может получать внешних дотаций и льгот по налогам, самостоятельно несет хозяйственный риск, короче говоря, соотношение собственных доходов и расходов является для нее вопросом жизни и смерти. В этих условиях спрос фирмы на средства производства — конечная величина, существенно зависящая от цен на средства производства и готовую продукцию.

Но такие предпосылки, продолжает автор, оправданы лишь применительно к «классической» капиталистической фирме прошлого столетия. Современные крупные корпорации, как правило, могут влиять на рыночные цены, пользуются государственными субсидиями, намного менее жесткими стали налоговая и кредитная системы и т. д. Еще менее жестким является бюджетное ограничение для социалистического предприятия, его выживание и рост не находятся в исключительной зависимости от его собственных доходов. Нежесткость бюджетного ограничения означает, что оно не определяет поведения социалистического предприятия, и в таких условиях его спрос на средства производства, по объяснявшимся ранее причинам, трудно насытить.

В подтверждение излагаемой гипотезы Я. Корнай указывает на очевидный факт перераспределения большей части прибыли между предприятиями по разным каналам через финансовую и кредитную систему и т. д. В частности, замечает он, из собственных доходов социалистическое предприятие финансирует лишь небольшую часть капитальных вложений. Отсутствует положительная корреляция между рентабельностью предприятий и размерами осуществляемых ими капиталовложений. Радикальное их перераспределение — одна из главных причин «мягкости» бюджетного ограничения. В числе наиболее важных мотивов перераспределения средств между предприятиями называются стремление государства обеспечить стабильные условия производства для каждого предприятия и социалистический принцип распределения по труду. Государство выступает фактически в роли универсальной страховой компании, компенсирующей потери предприятий. Эта тенденция, отмечает автор, носит демобилизирующий характер, она исключает необходимость борьбы предприятий за выживание. А принцип распределения по труду оправдывает только такие различия в доходах, которые не зависят от объективных различий условий производства. Другие различия в доходах и их финансовые последствия элиминируются путем государственных дотаций, поддержки цен и т. п. Кроме того, стремление к выравниванию доходов означает, что не допускаются очень высокие доходы, и его эффект также противоречив: оно отвечает чувству справедливости большинства людей, но в то же время приближает стимулирующую роль прибыли и цен.

Нежесткостью бюджетного ограничения объясняет автор и слабую реакцию социалистического предприятия на изменение цен — как на средства производства, так и на выпускаемую продукцию. Например, рост цен на сырье и материалы вовсе не обязательно ограничивает спрос на них со стороны предприятия, как это следует из классической микроэкономической теории (эффект дохода). В действительности этот спрос не эластичен по отношению к ценам и регулируется в основном внешнеэкономическими факторами. То же самое относится и к «эффекту замены». В итоге формулируется вывод: реальный спрос на средства производства — результат действия и ценовых, и внешнеэкономических факторов, а их соотношение зависит от степени жесткости бюджетного ограничения.

Что касается объема выпускаемой продукции, то в стандартной микро-

экономической теории он определяется точкой пересечения кривых предельных издержек и предельного дохода. Это означает, что объем производства контролируется ценой. Но поведение социалистического предприятия объясняется совершенно иными факторами. Здесь не объем производства контролируется ценой, а напротив, отпускная цена приспосабливается рано или поздно к нему. Постоянное стремление к увеличению объема производства, как это говорилось в первой части книги, обусловлено факторами, не зависящими от цен. При этом «вегетативное» регулирование, подчеркивает автор, преобладает не вследствие фиксированных или негибких цен, а ввиду слабого их влияния на поведение предприятия вообще.

Цены не оказывают заметного влияния, утверждает далее, и на инвестиционные решения. В реальной хозяйственной практике, считает автор, распределение капитальных вложений осуществляется по многим критериям, среди которых критерий рентабельности играет незначительную роль. Гораздо большее значение имеют внешнеэкономические факторы: наличие дефицита той или иной продукции, рабочей силы, балансовые соображения и др. Практически не принимается во внимание уровень процентной ставки за инвестируемые денежные средства, она никак не ограничивает спроса на капиталовложения. Не учитывается, наконец, соотношение относительных цен на факторы производства (процентной ставки и заработной платы) при выборе более или менее капиталоемких проектов. В период интенсивного развития социалистической экономики, отмечает автор, вопросы распределения капиталовложений решаются исходя не из сравнительного дефицита капиталовложений и труда.

Я. Корнай выступает против распространенного мнения о том, что главной причиной нехватки производственных ресурсов служит неправильное соотношение цен на них. По данным институциональных условий, в существующем хозяйственном механизме, полагает он, никакие изменения относительного уровня цен не в состоянии искоренить постоянное воспроизводство дефицита, они могут лишь сместить его интенсивность с одного вида продукции на другой. И дело здесь в том, что он предопределяется не предложением, а преувеличенным спросом на ресурсы.

Если цены не оказывают существенного влияния на поведение предприятий, отмечает автор, то последние в условиях нежесткого бюджетного ограничения могут, и весьма существенно, влиять на цены. В экономической литературе, пишет он, обычно рассматриваются вопросы централизованного ценообразования в условиях социалистического государства. Между тем в действительности в этих условиях фактическое ценообразование в значительной мере децентрализовано, оно является результатом совместных действий государства и предприятий, результатом компромиссов между ними. Предлагаемое в «Экономике дефицита» объяснение процессов ценообразования, как нам кажется, заметно приближает нас к пониманию этих процессов.

Автор книги выдвигает следующую, несколько неожиданную гипотезу: чем выше уровень экономического развития страны, тем труднее осуществлять административный контроль над ценами. Дело в том, поясняет он, что легко администрируемые цены лишь на так называемые стандартизированные, массовые продукты, число которых не растет существенно в течение долгих периодов (например, уголь, нефть, цемент, сахар, молоко). Здесь возможны достаточно полное описание качеств продукта с помощью одного-двух параметров и контроль их соответствия принятым эталонам, что является необходимым условием эффективных административных цен. Гораздо быстрее растет число других видов продуктов, качество которых характеризуется многими, нередко тысячами параметров — это «дифференцированные» продукты (радиоприемники, еще более сложные приборы, машины и т. п.). По отношению к таким продуктам установление и контроль соблюдения административных цен весьма затруднены, и производитель имеет широкие возможности скрытого повышения цен как в связи с производством новой продукции,

так и путем снижения издержек производства старой. Очевидно, что эти возможности тем шире, чем больше дифференциация продукта.

Поэтому в действительности, пишет автор, следует различать три типа цен: административные, договорные и «псевдоадминистративные» (промежуточный тип). Договорные и псевдоадминистративные цены подвержены существенному воздействию со стороны предприятий: последние оказывают на эти цены давление в сторону их повышения. Такое поведение производителя объясняется его стремлением переложить на потребителя продукции рост издержек производства, а потребитель, приобретающий продукцию в условиях ее дефицита, соглашается предложить более высокую цену. Государство, говорит Я. Корнап, противодействует этой тенденции и может смягчить ее, но не может ее устранить полностью. Он приходит к выводу, что не существует внутреннего, «встречного» механизма, гарантирующего стабильность цен и тем самым поддержание реальной заработной платы на соответствующем уровне. Напротив, внутренней является тенденция повышения цен и для ее устранения необходима система активных мер со стороны государства. По мнению автора, социалистическое государство такими мерами располагает: это методы политики цен и заработной платы. Раздел книги, посвященный ценообразованию, завершается общим выводом: в социалистической экономике значительная часть цен, вопреки существующему мнению, формируется в децентрализованном порядке, и активная государственная политика цен совершенно необходима.

В книге подробно анализируется процесс формирования фонда заработной платы, воздействие уровня номинальной и реальной заработной платы на совокупное предложение труда и спрос на него. Классическая модель А. Маршалла отвергается как непригодная для описания этих процессов в связи с упущенными и даже неверными ее предпосылками. В экономике европейских социалистических стран, пишет автор, совокупный спрос на труд и совокупное его предложение неэластичны по отношению к уровню заработной платы, они почти не реагируют на его изменения. Как говорилось ранее, предприятия здесь слабо реагируют на изменения цен на производственные ресурсы вообще, и общая тенденция непрерывного роста производства не может быть приостановлена более высокой ценой трудовых ресурсов. То же самое относится и к совокупному предложению труда: оно также нечувствительно к изменению уровня заработной платы. Но для распределения трудовых ресурсов существенную роль играет ее сравнительный уровень в разных отраслях и на предприятиях. Поскольку материальное благосостояние трудящихся зависит в основном от получаемой заработной платы, они весьма чувствительны к изменениям ее уровня. Дефицит трудовых ресурсов эту реакцию еще более усиливает. Размещение труда по отраслям и предприятиям, говорит Я. Корнап, — одна из немногих сфер социалистической экономики, где роль ценовых сигналов сравнительно велика, хотя и не исключительна.

Далее он переходит к анализу обратного воздействия — соотношения между спросом на труд и его предложением на уровень заработной платы. Для описания ситуации, в которой имеет место неудовлетворенность той или иной группы трудящихся существующим относительным уровнем заработной платы, вводится понятие «напряженности заработной платы». Такая относительная напряженность постоянно существует и регулярно воспроизводится, она усиливает дефицит трудовых ресурсов, поскольку служит одной из главных причин миграции (текучести). Центральные органы управления регулируют относительный уровень заработной платы, периодически уменьшая указанную напряженность в соответствующих отраслях.

Характерной особенностью социалистической экономики автор считает постоянное стремление хозяйственных руководителей к повышению заработной платы для своих подчиненных. Он называет эту тенденцию «базовой» и придает ей исключительно большое значение. В реальной хозяйственной практике встречаются два вида «голода»: инвестиционный и

касающийся заработной платы, пишет автор. Они находятся в явном противоречии, но это осознается только на высших ступенях хозяйственного руководства. Давление в сторону повышения заработной платы, т. е. «встроенный инфляционный фактор», по мнению Я. Корнап, самый важный. Поэтому, заключает он, стабильность цен существенно зависит от и от способностей центральных органов управления добиваться ее осуществления при условии строгого соблюдения дисциплины в области заработной платы. Общий вывод из этого раздела книги состоит в том, что соотношение спроса на труд и его предложения влияет на уровень заработной платы, но это только один из определяющих его факторов. Политика заработной платы может способствовать, таким образом, сокращению дефицита трудовых ресурсов, но она не может полностью устранить его. Главные причины такого дефицита — постоянная погоня за увеличением объемов производства, наталкивающаяся на ограничения в виде физических ресурсов, в том числе трудовых.

Нежесткость бюджетного ограничения социалистического предприятия рассматривается в книге в качестве главного фактора, определяющего роль денег в хозяйственных процессах, возможности монетарной политики государства. Деньги активны, пишет автор, если поведение хозяйственной организации зависит от количества денег, которыми оно располагает. Но тогда существует тесная связь между степенью жесткости бюджетного ограничения и степенью активности денег, разных сторон одного и того же явления. Если это ограничение жесткое, то левая его часть — спрос на деньги — должна приспосабливаться к правой — определенной конечной сумме денег, в противном случае деньги выполняют лишь пассивную роль. В экономической системе, где рост производства ограничивается не спросом, а ресурсами, количество денег у производителя не является эффективным ограничением такого роста, он принимает хозяйственные решения независимо от этого количества. Его реальные действия обуславливают соответствующий спрос на деньги, а их количество пассивно приспосабливается к нему.

Эти положения автор книги подробно иллюстрирует, рассматривая организацию финансов социалистических предприятий и отраслей хозяйства. Даже во внутреннем денежном обращении, пишет он, выделяются разные виды денег, которые взаимно не конвертируемы. Так, деньги для выплаты заработной платы строго разграничиваются от денег на все другие цели, целевое назначение имеют также деньги для финансирования капиталовложений и предназначенные для текущей деятельности предприятий. Далее, часть оборотных средств формируется за счет кредитных источников, значит, даже в области основной деятельности предприятия нет полного самофинансирования. Система краткосрочного банковского кредитования — также нежесткая, общая сумма кредита не лимитирована, и практически кредитование производится в меру потребности предприятия. И хотя спрос на кредит у предприятия — величина конечная, она никак не регулируется уровнем процентной ставки. Возможный рост платежей процентов за кредит не беспокоит предприятие, он рано или поздно может быть переложен на покупателя или на государство. Таким образом, процент как цена кредита — неэффективная цена, спрос на кредит нечувствителен к ее изменениям. Хорошо обоснованная заявка на кредит, как правило, удовлетворяется: наличие ресурсов и желание предприятия использовать их — достаточное обоснование заявки на кредит. Далее, возможно взаимное кредитование предприятий, предприятие может разными способами привлечь средства поставщиков и покупателей в свой оборот (кредиторская задолженность и т. д.). Наконец, что едва ли не самое важное, при всех условиях предприятие не может оказаться в ситуации полной неплатежеспособности и ему не может грозить банкротство. — его счета так или иначе будут оплачены.

Крайне мягким, разъясняет далее автор, является бюджетное ограничение в области капитальных вложений. Как уже отмечалось, за счет

собственных средств предприятий покрывается лишь небольшая их часть. При этом заявка на капитальные вложения лишь внешне выступает как просьба о выделении соответствующей денежной суммы, на самом деле за вуалью денег здесь скрывается просьба разрешить начать строительство. Будучи же начатым, оно так или иначе будет профинансировано: по мнению автора, практически исключаются случаи прекращения строительства по причине отсутствия денежных средств. Отсюда следует вывод, что в данной области роль денег еще более пассивна. Конечно, замечает он, возможны случаи осуществления неудачных неэффективных проектов, но они не могут повлечь за собой финансовой катастрофы; в конечном счете, с финансовой точки зрения, оказывается оправданным любое капиталовложение. Поэтому количество денег, которым располагает инвестор, практически никогда не служит реальным ограничением к расширению производства.

Не существует, указывается далее, и прямой связи между накопленными в предыдущем периоде денежными средствами и капитальными вложениями настоящего периода. Инвестиционные намерения и их осуществление имеют собственные законы движения, которые независимы от накопленных ранее средств. Разумеется, объем денежной массы в обращении увеличивается или уменьшается в связи с изменением объема капиталовложений, но это лишь пассивное отражение колебаний их динамики. Нет, наконец, зависимости между размерами вкладов населения в кредитные учреждения и объемом представляемого ему потребительского кредита. Все это и объясняет, по мнению автора, недостаточно активную роль денег и соответственно монетарной политики государства в условиях экономики, ограничиваемой в своем росте лишь физическим объемом наличных ресурсов.

Детальному анализу подвергаются в книге процессы личного потребления (по принятой автором терминологии — «экономика домашнего производства»). Эта сфера, в отличие от сферы оборота продукции производственно-технического назначения, характеризуется рядом особенностей. Прежде всего бюджетное ограничение индивидуального потребителя — жесткое, поэтому деньги и денежные отношения играют здесь активную роль. В частности, потребитель чувствителен к изменениям розничных цен, но степень его реакции неодинакова при разных формах распределения благ, она зависит от конкретного соотношения этих форм. В социалистическом обществе значительна доля благ, распределяемых бесплатно или по символической цене, и как раз в этой области потребитель менее всего реагирует на изменения цен. Формулируется следующий вывод: если физический объем потребительских благ недостаточен для насыщения той или иной потребности — а таково положение со многими благами и со всей их совокупностью, — то отсутствие «эффективной цены» (регулирующей объем потребления) неизбежно приводит к образованию дефицита. Последний может возникнуть и при «эффективной» цене, но без нее степень его интенсивности намного более высокая. Поэтому в условиях ненасыщенного спроса возникает проблема целесообразности бесплатного распределения потребительских благ; во всяком случае, ценой, которую общество платит за такое распределение, диктуемое теми или иными соображениями, является самый факт дефицита этих благ.

Автор различает три основных метода распределения предметов личного потребления: «аукцион» (рынок), рационализирование и очереди. Ни одна из этих форм, подчеркивает он, не играет исключительной роли, они обычно комбинируются. Общая тенденция состоит при этом в следующем. Чем менее чувствителен производитель и потребитель к изменениям цен, тем меньшую роль играет механизм рыночного распределения. Вместе с тем с повышением интенсивности дефицита распределяемых благ все большее значение приобретают вне рыночные, внеценовые методы. Наконец, чем значительнее роль государства в экономике, тем соответственно выше и роль административных методов распределения. Я. Корнаи проводит мысль, перекликающуюся с изложением в первой части книги: вопреки

укоренившимся представлениям, помимо прямых централизованных методов и децентрализованного рыночного регулирования существует еще децентрализованное количественное («вегетативное») регулирование хозяйственных процессов, в том числе в области распределения потребительских благ. Он всячески подчеркивает важную роль методов такого регулирования в условиях экономики европейских социалистических стран. Подробно анализируются критерии рационализации при распределении потребительских благ, разные формы очередей и т. д.

Но независимо от конкретных методов распределения потребительских благ, а точнее, от того или иного их сочетания, утверждает автор книги, дефицит этих благ в экономике, ограничиваемой в своем росте ресурсами, является фактом. Существуют два пути его сокращения. Первый состоит в лучшей организации (информационного и других форм обслуживания покупателей), по терминологии автора — в уменьшении «трений», неизбежно сопровождающих хозяйственные процессы, в том числе процессы распределения. Второй путь — повышение розничных цен, ограничивающее спрос. Однако автор предостерегает от преувеличения возможностей второго способа. Он эффективен лишь в абстрактной модели конкурентного равновесия Вальраса, но далеко не всегда является таковым в исследуемой реальной экономической системе. Реакция потребителей на рост цен, говорится в книге, еще недостаточна для устранения дефицита потребительских благ, если при этом неэластичны спрос и предложение государственного сектора по отношению к этим ценам. Большинство благ, разъясняется далее, имеет различные, конкурирующие сферы использования, и в особенности это относится к средствам производства, которые, как правило, могут применяться для выпуска как средств производства, так и предметов потребления. В этих условиях сокращение спроса индивидуальных потребителей в связи с повышением цен вполне может компенсироваться спросом предприятий, в итоге интенсивность дефицита остается прежней. Нельзя забывать, напоминает автор, что бюджетное ограничение — жесткое только для населения, но не для предприятий. Следует вывод: не существует автоматической связи между повышением уровня розничных цен и сокращением дефицита на рынке потребительских товаров. Государственный сектор, не чувствительный к изменениям цен, может «перекачать» в свою пользу дополнительные количества этих благ, и противостоять этой тенденции возможно лишь с помощью административных мер.

Анализ сферы личного потребления резюмируется в книге следующими гипотезами. Прежде всего, в социалистической экономике реальное потребление населения за долгие периоды времени неуклонно и существенно растет. Но такому росту сопутствует хронический дефицит в некоторых областях потребления. Автор четко разграничивает два разных вопроса: каков объем фактического потребления и получает ли потребитель за свои деньги то, что он хочет (и как легко он получает это). Автор считает плодотворной категорию «качества жизни», которая подчеркивает важность изучения не только объема потребления, но и других факторов, определяющих это качество. Издержки общества, вызываемые дефицитом предметов потребления, указывает он, значительны: это сокращение свободного времени трудящихся, затраты нервной и другой энергии, вынужденное рационализирование, постоянная неудовлетворенность потребителя не только нехваткой товаров и услуг, но и невнимательным отношением к себе продавца и т. д. Иными словами, сюда относятся все негативные стороны так называемого «рынка производителя».

Образование дефицита при административном (бесплатном или по номинальной цене) распределении благ, не насыщаемых по своей природе, очевидно и неизбежно — в этом состоит другая гипотеза. В то же время по отношению к некоторым другим рационализируемым благам, имеющим предел насыщения, при данном способе распределения вполне возможно практически полное устранение дефицита в обозримой перспективе. Наконец, хронический дефицит в изучаемой экономической системе возникает и в

сфере рыночного распределения части потребительских благ, где объем потребления регулируется с помощью «эффективных» цен. Здесь его возможность объясняется упоминавшимся «эффектом перекачки» ресурсов из сферы личного потребления в сферу производства средств производства. Механизм такого перераспределения подробно проанализирован автором: в книге описывается графическая двухсекторная модель экономики «под-соса», имитирующая процессы взаимодействия двух подразделений общественного производства, а вместе с ними и весь механизм воспроизводства дефицита производственных ресурсов и потребительских благ. Модель опирается на сформулированные ранее теоретические предпосылки («погоня за количеством», «инвестиционный голод» и др.) и венчает авторскую концепцию хозяйственного механизма «дефицитной экономики».

В заключение автор поднимает естественный вопрос о причинно-следственной зависимости изучаемых им явлений: а) хронического дефицита, б) экономической политики, ориентированной на максимальные темпы роста производства, в) хозяйственного механизма, опирающегося на высокую степень централизации управления, его многоуровневую иерархическую структуру, административное радионирование и подчиненную роль товарно-денежных отношений. Какие из этих явлений, спрашивает он, служат первопричиной, и какие — производны? В предыдущих своих работах Я. Корнаи считал определяющими факторами первые два. Теперь же он склоняется к мнению, что главное объяснение явления дефицита в экономике дефицита лежит в области существующего хозяйственного механизма, «институциональных условий и обуславливаемых ими поведенческих характеристик». Что касается экономической политики, то она рассматривается как фактор, могущий усилить или ослабить эффект других факторов. Особенно велики ее возможности, полагает автор, в области перераспределения бремени дефицита между различными сферами экономической жизни.

Рамки журнальной статьи позволили нам дать лишь схематический обзор основных идей книги Я. Корнаи. Знакомый с другими его трудами читатель заметит, что она как бы подводит итог многолетним исследованиям автора по вопросам закономерностей функционирования социалистической экономики. Концепция Я. Корнаи оригинальна. При всех возможных против нее возражениях нельзя не признать, по крайней мере, двух ее очевидных достоинств. Во-первых, она содержит систематическое исследование хозяйственного механизма социалистического общества, доведенное до стадии теоретических выводов.

Во-вторых, в книге дается основательная критика немарксистских теорий экономических систем, в том числе современных теорий «неравно-весия». Она потребовала от автора разработки принципиально нового понятийного аппарата, новых методов исследования хозяйственных процессов. По нашему мнению, они могут быть плодотворны при дальнейшем изучении закономерностей развития как социалистической, так и капиталистической систем хозяйства. Книга Я. Корнаи дает серьезный импульс для подобных исследований, веские основания для пересмотра многих сложившихся в этой области представлений.

Для советского читателя книга представляет интерес во многих отношениях. Хотя автор и оговаривает, что им обобщен опыт лишь ряда восточноевропейских социалистических стран, нам представляется оправданным распространение некоторых его выводов и на условия функционирования советского хозяйственного механизма. Большой интерес представляют для нас особенности метода Я. Корнаи, умело сочетающего собственный экономический анализ с социологическим обоснованием мотивации участвующих в хозяйственных процессах лиц и коллективов — таких работ в отечественной литературе крайне мало. Остается пожелать, чтобы книга была переведена и издана в нашей стране.

Институт экономики и организации
промышленного производства
СО АН СССР, Новосибирск

А. И. ФЕДОРОВ

СОВРЕМЕННАЯ ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В НАЦИОНАЛЬНЫХ РАЙОНАХ СИБИРИ И ЕЕ ИЗУЧЕНИЕ

В настоящее время во многих национальных районах Сибири происходят сложные языковые процессы, вызванные главным образом влиянием русского языка. Общение на русском языке становится все более необходимым, что определяется многими причинами и зависит от ряда условий. Взаимодействие русского языка с языками аборигенов Сибири началось четыреста лет назад. Оно развивалось неравномерно, и результаты его в живой разговорной речи русских сибиряков и в речи контактирующих с ними аборигенов оказались неодинаковыми, что зависело от уровня развития культур этих народов, их языков, от длительности и глубины контактов.

Русский язык, бытовавший в Сибири, с самого начала был не литературным, а диалектным. Литературно-письменный язык стал распространяться в Сибири в конце XVII в., в период развития русского национального государства с его органами власти и управления. Он существовал преимущественно в форме делового стиля¹, т. е. был функционально ограничен и доступен ограниченному кругу лиц из числа пришлого русского населения Сибири. И поэтому народы Сибири, вступавшие в контакты с русскими, усваивали в процессе общения с ними разговорную диалектную речь и русское просторечие.

Изучение русского литературного языка народами Сибири началось в 20-е годы XX столетия. Оно осуществлялось через школьное и специальное образование, а также в процессе все более широкого вовлечения национальных районов Сибири в социалистическое производство. Параллельно с этим процессом у народов Сибири шел другой — образование литературно-письменных языков на базе устной родной речи в соответствии с принципами ленинской национальной (и языковой!) политики. Появление письменности у народов Севера и Сибири (манси, хантов, нанайцев, эвенков, чукчей и др.) существенно расширило функции их национальных языков. Родной язык стал не только средством устного общения в семье, быту, в трудовой деятельности, но и языком художественной литературы, публицистики, языком школьного образования. Все это в свою очередь вызвало духовный подъем у носителей этих языков, формировало у них понимание принадлежности к этносу, пробуждало и утверждало национальное самосознание.

Однако развитие литературных языков «малых народов» Сибири шло неизоллированно от влияния русского литературного языка, языка передовой социалистической культуры, средства межнационального об-

¹ Утверждая это, нельзя отрицать в развитии литературно-письменной формы общения русского населения Сибири конца XVII и в XVIII в. влияния старообрядческой литературы, которая создавалась под сильным воздействием произведений протопопа Аввакума. Лексика произведений сибирских старообрядцев представляет собой смесь русизмов и церковнославянизмов, отражающих пафос негодования на произвол царской власти и официальной церкви, грубопросторечных и даже сибирских диалектных слов. Но влияние языка таких произведений на живую разговорную речь сибиряков было ограниченным и недолговременным, оно распространялось только на речь верующих старообрядцев.

щения народов СССР, одного из международных языков. Русский язык не только обогащал литературные языки народов Сибири, но и, будучи средством освоения русской и мировой культуры для малых народов, в 40—80-е годы максимально расширил функции в общении и сферы применения, стал для многих представителей национальных районов Сибири вторым родным языком. Двужычие в Сибири стало массовым явлением в 60-е и 70-е годы XX в. в связи с нарастающими темпами освоения природных ресурсов Сибири, строительством новых городов, рабочих поселков, электростанций, с развитием промышленности в окраинных национальных районах Сибири и Дальнего Востока, что вызвало приток в Сибирь большого количества людей из Европейской России, Украины, Белоруссии и обусловило переход значительной части национальной молодежи к освоению новых профессий, требующих знания русского языка.

Переход на двужычие — диалектически сложный и неравномерный процесс, который зависит от возраста людей, их образования, профессии, общественной активности, а также от количества населения, составляющего народность, от компактности расселения. Следствием перехода малочисленных народов Сибири на двужычие стало сужение сферы применения родного языка, сокращение его функций.

Сужение сферы применения родного языка малых народов и сокращение его функций в современных условиях — явление необходимое. Оказавшись в условиях новой производственной среды, носители традиционно национальной формы языкового общения не могут сразу приспособить эту форму общения для освоения системы новых понятий о процессах, об орудиях труда, о взаимоотношениях людей в сложных и разнообразных ситуациях современного производства: национальная форма не имеет соответствующих языковых знаков (слов и терминологических словосочетаний) для выражения таких понятий и типовых синтаксических моделей для формирования и выражения мыслей об этом. В таком случае неизбежно обращение к языковым средствам того развитого языка, который изучается как средство межнационального общения и средство освоения новых форм производственной деятельности. Для носителей мало развитых языков, особенно бесписьменных, такой язык вместе с тем становится основным средством приобщения и к мировой культуре. Именно через посредство русского языка в годы после установления Советской власти сотни юношей и девушек из национальных районов севера и Сибири смогли получить среднее и высшее образование и в просвещении стать с веком наравне, включившись в созидательную деятельность строителей нового общества.

В Сибири следует выделить две формы национально-русского двужычия:

1. Употребление в результате непосредственного общения в быту и на производстве русского просторечия с заметным влиянием сибирской диалектной старожильской речи. В такой русской речи в зависимости от степени ее освоения в разной мере присутствуют элементы родного языка главным образом в произношении (влияние типологии родного языка сказывается в морфологии и в синтаксисе).

2. Национально-русское двужычие, сформировавшееся в результате изучения русского литературного языка в школе и дальнейшего его освоения через художественную литературу, публицистику, кино, телевидение и т. п. Такое двужычие больше свойственно национальной интеллигенции.

Разумеется, такое противопоставление двух форм национально-русского двужычия упрощенно отражает реальное языковое состояние различных национальных групп людей: процесс формирования двужычия осложняется функциональным размежеванием родного и русского языков и наличием разных сфер общения. Последовательно выяснить конкретную языковую ситуацию у народов Сибири впервые попытался член-корреспондент АН СССР В. А. Аврорин, применяя социолингвистические методы, в основном метод анкетирования. Цель проведенного в 60-е годы

под его руководством анкетирования состояла в том, чтобы установить, на каком языке (на русском или на родном) происходит общение в семье, в быту, на производстве, в личной и официальной переписке, осуществляется обучение в начальной и средней школе.

Необходимо было выяснить, изучается ли родной язык как предмет в школе при условии обучения на русском языке, сохраняет ли он свое значение в художественном творчестве и т. п. Была проведена грандиозная работа, чтобы получить конкретные сведения о том, какие функции еще выполняют языки народов Сибири.

Среди лингвистов страны эта работа не вызвала единой оценки. Справедливо высказывались мнения, что переход малых народов нашей страны на русский язык — одно из проявлений процесса формирования новой исторической общности людей, которая получила название «советский народ», что это неизбежное явление и, значит, его нельзя остановить.

Результаты анкетирования позволили внести существенные коррективы в общее представление о современном состоянии языков народов Сибири и их функций в общении; что было очень важно для определения языковой политики на ближайшие 10—15 лет, т. е. для планирования развития общественных функций родного и русского языков в зависимости от численности народа, его компактности, видов трудовой деятельности, характера контактов с русским населением и др.

Так, например, в результате обследования выяснилось: юкагиров в Якутской АССР насчитывается более шестисот человек. Юкагирский язык из-за малочисленности его носителей — бесписьменный язык. Это язык минимальных общественных функций, но большинство из его носителей, сохраняя национальное самосознание, считает его родным языком. Понимая, что на юкагирском языке нельзя организовать обучение в школе, только 10% из числа опрошенных высказались за общение на нем в дошкольных учреждениях, но 80% — за преподавание его в первых классах в качестве учебного предмета.

Из числа опрошенных 97,4% считают родным языком хакасский. Анкетирование позволило установить, что в школах Хакасии много неуспевающих учеников. Причина — в языке преподавания: хакасские школьники начальных классов, где обучение ведется на русском языке, не понимают содержания уроков и даже текстов учебной литературы. Вывод для языковой политики здесь очевиден: в начальных классах преподавание необходимо проводить на родном языке и по мере освоения русского языка в последующих классах в обучении следует переходить на русский язык, сохраняя при этом преподавание и родного языка.

Только в этом случае возможно добиться взаимопонимания между учителем и учениками, понимания учащимися учебного материала. В школах Хакасии, следовательно, необходимо гармонически сочетать преподавание на родном и русском языках, так чтобы к концу учебного процесса в средней школе ученики одинаково свободно владели родным и русским языками.

Такое же состояние успеваемости установлено в результате анкетирования и в эвенских школах. Причина та же — незнание русского языка, на котором ведется преподавание в школах.

Хотя сведения о языковой ситуации у других народов Сибири представляют значительный интерес для социолингвистики, этнографии и для общего языкознания, в них нет необходимости для данной статьи. Эти сведения подтверждают известное в языкознании и истории положение: языки так же, как и народы, их носители, развиваются неравномерно. Но неравномерность в развитии двужычия наблюдается не только у разных народов Сибири, но и у отдельных групп людей одного и того же народа (такая ситуация наблюдается у хакасов и др.). И с этим обстоятельством необходимо считаться. Оно, к сожалению, не учтено при анкетировании.

Из языков народов Сибири далеко не в равном положении находятся, например, юкагирский и якутский. Якутский, будучи языком боль-

шого народа, имеет не только письменность, но и литературно-нормированную (кодифицированную) форму общения, регламентированную хорошо разработанными нормативными грамматиками и словарями. Якутский язык развивается через богатый фольклор, художественную литературу и публицистику. Здесь не требуется вмешательства извне для сохранения его функций. Больше того, внутри Якутии родной язык (так же как и русский) выполняет функцию межнационального общения. У носителей этого языка развито чувство национального самосознания. Совсем иное состояние переживают языки малых народов, особенно бесписьменные (юкагирский, кетский и др.). В современных условиях они сохраняют только функцию семейного общения.

Язык — основной показатель принадлежности человека к определенному этносу, отражающий его духовную и материальную культуру, его психический склад, особенности мышления. Это — «самая живая, самая обильная и прочная связь, соединяющая отжившие, живущие и будущие поколения народа в одно великое, историческое живое целое»². Посредством языка каждый человек осваивает исторический опыт своего народа. Это значение родного языка в жизни коллектива осознают или интуитивно чувствуют его носители. Большинство из опрошенных при социолингвистическом обследовании выразили желание сохранить преподавание родного языка в дошкольных учреждениях и в начальной школе.

На основании результатов анкетирования В. А. Аврориним и его сотрудниками были составлены докладные записки в правительственные органы.

По мнению многих лингвистов и этнографов, обследование надо повторить еще раз, привлекая к этой работе все лингвистические и этнографические подразделения научно-исследовательских институтов Сибири.

Надо ли это делать и следует ли повторную работу проводить по анкете, составленной еще в 60-е годы. Прежде чем ответить на эти вопросы, попытаемся определить степень объективности отражения языковой ситуации в результате проведенного исследования. С точки зрения социологов Института истории, филологии и философии СО АН СССР в проведенном анкетировании допущены методические просчеты и ошибки. Главная из них — распространение выводов, полученных в результате анкетирования в нескольких чисто национальных населенных пунктах, на все национальное население. Так, в Хакаской автономной области обследовано только пять таких национальных населенных пунктов. И, следовательно, предложенные в докладной записке выводы верны только по отношению к тому хакасскому населению, которое живет компактно. А модель расселения хакасов куда сложнее: городское население, смешанное с русскими, украинцами и др. (говорит по-русски), разное количественное соотношение хакасов и русских в населенных пунктах полугородского типа.

Чтобы получить объективно достоверные сведения о сферах применения родного и русского языков в их функциональном размежевании, необходимо проводить или сплошное анкетирование (что потребовало бы привлечения к работе огромного количества людей и, значит, практически невозможно) или, сохраняя «выборочный» принцип, соблюдать пропорциональное соотношение различных типов населенных пунктов: а) чисто национальных; б) смешанных с преобладанием национального населения; в) смешанных с преобладанием русских. Такая работа потребует огромных усилий и средств. А ожидаемые результаты, если их цель состоит только в том, чтобы выяснить, на каком языке следует вести преподавание в школе или издавать местные газеты, вести радиопередачу и др., можно получить и другим способом (от органов просвещения и местной власти). Ведь другие цели (выяснение, на каком языке следует создавать произведения фольклора, художественной литературы и т. п.) нет нужды и вы-

яснять способом анкетирования: писатели и поэты не появляются по предписанию.

Типовая анкета, составленная В. А. Аврориним, была ориентирована на языковую ситуацию в Сибири в шестидесятые годы. Неравномерность в развитии двуязычия у народов Сибири привела к тому, что у некоторых из них (нанайцев, удэгейцев, ительменов) двуязычие сохранилось в настоящее время только у людей среднего и старшего возраста. И, следовательно, многие вопросы анкеты для малых народов утратили свое значение. Ответы на другие вопросы (например, о языке, на котором должно вестись преподавание в школе, языке местной печати и др.) могут иметь субъективный характер оценки языковой ситуации, отражая лишь неосознанное желание человека сохранить родной язык.

В 1977 г. кафедра этнографии и антропологии Ленинградского государственного университета и Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы опубликовали «Анкеты этнолингвистического обследования двуязычия в Горно-Алтайской автономной области Алтайского края», составленную В. Н. Штанковым. Это очень подробная анкета и ориентирована она на языковую ситуацию в Горно-Алтайской автономной области с учетом ее национального состава и многообразия диалектов алтайского языка. Можно полагать, что для других национальных районов социологи и этнографы разработают другие анкеты для решения научных и практических задач. Эти анкеты будут отвечать частным (региональным) задачам социологических и этнографических исследований. Сведения из анкет могут быть использованы и лингвистами, изучающими проблемы двуязычия данного народа. Какой бы совершенной ни была анкета, не следует преувеличивать ее значение в изучении двуязычия. Сколько бы ни заполнялось анкет, они не помогут установить конкретный характер взаимодействия языков в процессе формирования двуязычия с учетом различий в типологии каждого из них, так чтобы найти способы содействовать успешному освоению русского литературного языка.

Это лингвистическая задача, очень трудная, требующая от исследователя прежде всего практического знания взаимодействующих языков. Ведь при двуязычии в сознании человека совмещаются, «стыкуются» разные языки, разные знаковые системы, отражающие разные национальные формы мышления людей, по-разному членящего действительность. Даже в близкородственных языках, высоко развитых, от 10 до 20% слов не имеют однословных соответствий, т. е. это безэквивалентные слова. Во фразеологии количество таких безэквивалентных единиц, по-видимому, составляет более 50%.

Сопоставительным изучением значимых единиц (т. е. слов и фразеологизмов) языков «малых народов» Сибири и русского языка лингвисты основательно не занимались. Но если учесть тот факт, что в современном русском литературном языке насчитывается около 150 тыс. слов (при этом большинство из них полисемично) и около 5 тыс. фразеологизмов, то даже простое количественное сопоставление лексики и фразеологии русского языка с лексикой и фразеологией таких, например, языков, как хакаский, манси, селькупский и др., словарный состав которых насчитывает до 10 тыс. слов (не говоря уже о сопоставлении семантической структуры денотативно соотносимых слов и фразеологизмов этих языков), покажет огромное различие отраженной в семантике языковых знаков картины мира.

Современный русский язык, будучи языком передовой социалистической нации, имеет огромное общественное значение: он выполняет также функцию языка межнационального общения, международного языка. Его продолжающееся развитие прежде всего обусловлено ростом сведений о природе и обществе, о человеке. Для каждого сознательного советского человека независимо от его национальной принадлежности русский литературный язык — средство освоения мировой и русской культуры. Малые народы, изучая русскую и мировую культуру, в этом

² Ушинский К. Д. Избр. пед. соч. М., 1945, с. 206.

случае не могут обойтись без знания русского языка (по крайней мере учащаяся молодежь и специалисты!), проходя через стадию двуязычия.

Американские психолингвисты выделяют два типа двуязычия: совмещенное (coimprand) и соотносительное (coordinate). В первом случае имеет место совмещение языковых единиц и элементов двух языков (явление интерференции). Во втором — мысль целиком находит свое воплощение в одном языке³. Вполне возможно, что при таком противопоставлении допускается элемент упрощения, но если иметь в виду функцию языка как средства освоения богатой и разнообразной мировой культуры, в этой роли может выступать только высоко развитый язык и, следовательно, в данном случае — русский литературный язык, хотя в нем для переходящих на двуязычие людей далеко не все может быть понятно: в каждом языке отражена своя установка мышления на внеязыковую среду.

Все изложенное позволяет считать, что изучение двуязычия требует от лингвиста прежде всего практического и научного знания языков, которыми пользуется билингв. Конкретные наблюдения над рождением текста и восприятием его у билингвов, когда в нем проявляются элементы типологии родного или осваиваемого языка, потребуют от исследователя знания психолингвистики и ее методов. При этом нельзя отрицать значение и традиционного описательного метода, особенно при установлении семантически эквивалентных языковых единиц сопоставляемых языков и единиц, не имеющих эквивалентов. И это не единственная задача изучения двуязычия в Сибири.

Поскольку языковая ситуация у разных народов Сибири неодинакова, и первоочередные задачи ее изучения должны быть разными. В тех случаях, когда национальный язык находится в стадии исчезновения, известен лишь старшему поколению, а молодое поколение перешло на русский язык во всех сферах общения и почти полностью утратило навыки производства текста и его воспроизведения на родном языке, — нет необходимости и ставить проблему изучения двуязычия. Здесь нужно сосредоточить усилия специалистов на подробном описании исчезающего языка, рассматривая его как исторический источник сведений о народе, его духовной и материальной культуре, национальном своеобразии мышления (составление словарей, создание грамматик и т. п.).

Учитывая все возрастающую роль русского литературного языка в жизни народов Сибири, его развитый синтаксический строй, богатство лексики, фразеологии, выразительных средств, необходимо создать для национальных школ пособия по культуре русской речи, а также словари историзмов, архаизмов, неологизмов, словари, в которых подробно и популярно должна быть истолкована та часть русской лексики и фразеологии, которая не имеет в национальном языке словарных и фразеологических эквивалентов (включая в них и номенклатурную лексику и широко известную терминологию). Особое место среди этих работ должны занять пособия, помогающие правильно истолковать содержание художественных текстов русской литературы, понять ее образные языковые средства, которыми создается подтекст.

Эти вопросы, по-видимому, надо иметь в виду и при подготовке филологов-русистов для школ национальных районов Сибири и Севера. При установлении социолингвистическими методами сферы применения родного языка и функций, которые он сохраняет в общении, прежде чем составлять анкету, надо конкретно знать современное состояние изучаемого народа, его образ жизни, быта, обычаи и занятия, расселение (степень компактности), диалекты языка этого народа, т. е. всю совокупность основных сведений, на которые ориентирует названная выше анкета В. Н. Штанкова. Это важно сделать для того, чтобы явно представлять, какие внелингвистические факторы могут содействовать сохранению родного языка у данного народа или его части, чтобы определить в каждом конкретном случае характер языковой политики.

Институт истории, филологии и философии
СО АН СССР, Новосибирск

³ См. об этом подробнее: Супрун А. Я. Лекции по лингвистике. Минск, 1980.

С. О. МАЛЕВИНСКИЙ О КЛАССИФИКАЦИИ СОБИРАТЕЛЬНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ

Несмотря на различие подходов к проблеме определения лексико-грамматического статуса собирательных существительных в русском языке, как справедливо заметила автор одной из последних работ о собирательных существительных И. Э. Еселевич, «пожалуй, единственное, что остается для интересующих нас образований, для их выявления и отграничения в известной степени стабильным, а следовательно, определяющим, всеобщим объединяющим, — это их внутреннее логико-понятийное содержание, „обозначение формой единственного числа совокупности однородных предметов“¹. Следовательно, семантический критерий должен быть в данном случае определяющим¹. Основываясь на семантическом критерии, мы называем собирательным имен существительное, обозначающее в форме единственного числа то или иное множество однородных предметов.

Древнерусские имена собирательные отличались от современных русских по ряду признаков, в том числе и по своим синтаксическим свойствам. Специфической особенностью древнерусского синтаксиса было согласование глагольного сказуемого во множественном числе с подлежащим — собирательным существительным, традиционно называемое смысловым, или логическим, согласованием. Впервые на это явление обратил внимание Ф. И. Буслаев, писавший: «В церковнославянском и старинном русском, как сказуемое, так и слова определительные и местоимения согласуются во множественном числе с собирательными числами единственного»². Употребление формы множественного числа сказуемого при подлежащем — собирательном существительном имеет древние исторические корни и носит индоевропейский характер³. Но наивысшего развития смысловое согласование достигло в славянских языках. Так, в древнерусском «форму множественного числа принимало глагольное сказуемое настоящего, будущего и прошедшего времени при подлежащем, выраженном именем собирательным, обозначающим множество лиц»⁴.

Однако, как показывают наши наблюдения, даже при наличии у существительного, выступающего в функции подлежащего, значения совокупности лиц, форма множественного числа глагольного сказуемого употреблялась далеко не всегда. Среди имен собирательных, обладавших таковыми значением, абсолютное большинство составляли слова, допускавшие колебания в согласовании глагольного сказуемого. Цель данной статьи — классификация древнерусских собирательных существительных на основе различий в согласовании с ними глагольного сказуемого, а также объяснение причин, вызвавших эти различия (в одном случае регулярное употребление формы множественного числа сказуемого, в другом — колебания в согласовании).

¹ Еселевич И. Э. Из истории категории собирательности в русском языке. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1979, с. 15.

² Буслаев В. И. Историческая грамматика русского языка. М.: Учпедгиз, 1959, с. 407.

³ Пауль Г. Принципы истории языка. М.: ИЛ, 1960, с. 322—323.

⁴ Дегтярев В. И. Особенности согласования сказуемого с подлежащим именем собирательным в древнерусском языке. — Филологические науки, 1966, № 3, с. 138.

Глагольное сказуемое, функцию которого могло выполнять и краткое действительное причастие, постоянно согласовывалось во множественном числе с подлежащим, выраженным существительными *братия*, *воиско*, *дружина*, *княжья*, *чадь*. Некоторые из этих слов были многозначны, обладала сложной семантической структурой. Так, например, существительное *братия*, по данным «Словаря русского языка XI—XVII вв.», могло выступать в трех значениях: 1) братья, 2) равные в каком-либо отношении люди, сограждане, соплеменники, 3) монахи одной общины или монастыря⁵. Из них первое и третье обозначали ограниченную совокупность лиц, второе же — неопределенное множество. Тем не менее сказуемое, глагол или краткое причастие действительного залога с подлежащим *братия* всегда согласовывалось во множественном числе. Определение при этом употреблялось в форме единственного числа. Обратимся к примерам:

и съзвкоупивъшеся вся братия Изяслав Святослав Всеволодь (Усп. сб., л. 20в);
въ годъ полоудный не исходить братия из монастыря нъ почиють въ то
время пощнаго ради славословия (Усп. сб., л. 40г);
братия наша ходили с Святославомъ великимъ княземъ и бился с ними (Лавр. лет.,
1186 г.).

Существительные *дружина* и *чадь*, будучи многозначными, также всегда требовали употребления формы множественного числа глагольного сказуемого независимо от того, было ли обозначаемое ими множество лиц ограниченным или неопределенным. Слова *воиско* и *княжья*, входящие в выделенную нами группу, имели только по одному значению, причем первое означало ограниченную совокупность, а второе — неопределенное множество, что не вызывало никакого различия в согласовании с ними глагольного сказуемого:

и погнаша по них Володимерича дружина лучшая и бипа и женуци много (Лавр. лет., 1136 г.);
реша деревляне къ Ользе кде соуть дружина наша (Лавр. лет., 945 г.);
и постигне и Бастеева чадь начаша стреляти въ плечи ему и много поимаша
дружины около его (Ипат. лет., 1171 г);
чадь бо сядящая въ тме да видять светъ великъ (Усп. сб., л. 267 об.);
Батыево бо воиско пременишася (Пов. о разор. Ряз.);
по темъ бо городомъ сядяху княжья (Лавр. лет., 907 г.).

Особый разряд собирательных существительных составляли так называемые этнонимы, слова, являвшиеся названиями различных племен и народов. Этнонимы также требовали согласования с ними глагольного сказуемого во множественном числе. Например:

на Беле озере сядятъ Весь (Лавр. лет., предисл.);
придоша Емь воевать въ Ладозское озеро в лодкахъ (I Новг. лет., 1228 г.);
нъ техъ Корела кде обидууче въ лесе ли выводяче избиша (I Новг. лет., 1228 г.);
поставиша цесаря своего Латина (I Новг. лет., 1204 г.);
а Мордва вбегоша в лесы своя в тверди (Лавр. лет., 1228 г.);
Оугра же рекоша отроку моему (Ипат. лет., 1096 г.);
и поклонишася Чюдъ князю (I Новг. лет., 1212 г.).

Некоторые из этих существительных (*Роушь*, *Литва*) могли обозначать не только совокупность лиц, принадлежащих к данному народу, но и населенную этим народом территорию, и созданное им государство. В таких случаях, как верно отметил М. Фасмер, объясняя происхождение слова *Роушь*, значение 'народ, жители' всегда хронологически предшествует производному от него значению 'страна, земля'⁶. Это и обуславливало в древнерусском языке регулярное согласование глагольного сказуемого во множественном числе со словами *Роушь*, *Литва*, выступавшими в собирательном значении.

⁵ Словарь русского языка XI—XVII вв., вып. 1. М.: Наука, 1975, с. 322—323.

⁶ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка, т. 3. М.: Прогресс, 1971, с. 522—523.

оже нмоуться бити Роушь въ Ризе или на Готскомъ березе мечи или соуличами
(Смол. дог. гр., 1223—1225 г.);
яко при семь цари приходиша Роушь на Царьгородъ (Лавр. лет., 852 г.);
изгониша Литва Роушь оли до Търгу (I Новг. лет., 1234 г.);
тоя же зимы повоеваша Литва около Торьжку (Сузд. лет., 1225 г.).

Входя в состав оборота «дательный самостоятельный», существительные обеих выделенных нами групп также регулярно требовали согласования с количеством выражаемых собирательным существительным субъектов. Например:

и оумножившимся брати и не могущимъ нмъ вметитися в пещеру и помыслиша
поставити вне пещеры монастырь (Ипат. лет., 1103 г.);
дружини не суци въ граде ехали бо бяхуть противу Ярополку (Ипат. лет.,
1175 г.);
отходящи Руси отсюду взимають от нас брашно на путь (Ипат. лет., 945 г.).

Распадение древнейшей синтаксической нормы смыслового согласования сказуемого с подлежащим — собирательным существительным отражается в памятниках древнерусской письменности начиная с XIV в. Первые случаи употребления формы единственного числа сказуемого при таком подлежащем отмечены нами в Лаврентьевской летописи:

и приспе к ним дружина вся многое множество (Лавр. лет., 1186 г.);
Роушь на Царьгородъ идетъ (Лавр. лет., 866 г.);
се иде Роушь беишла (Лавр. лет., 944 г.);
половци же слышавше яко идетъ Роушь (Лавр. лет., 110 г.).

Как видно из этих примеров, в первую очередь способность сочетаться в предложении с формой множественного числа сказуемого утратило существительное *Роушь*, что объясняется наличием у этого слова производного несобирательного значения 'страна, земля'.

Значительно большее количество случаев формального согласования глагольного сказуемого с подлежащим — собирательным существительным типа *братия*, *дружина* или собирательным этнонимом находим в Ипатьевской летописи. Окончательно же согласование сказуемого во множественном числе с подлежащим этого типа утрачивается из литературного языка, по данным В. И. Дегтярева, к концу XII в.⁷ Таким образом, процесс разрушения древнейшей синтаксической нормы смыслового согласования можно ограничить хронологическими рамками XI—XII вв.

Однако и в более раннюю эпоху имели место колебания в выборе формы числа сказуемого при многих существительных собирательного значения, выступающих в функции подлежащего, среди которых можно выделить: а) существительные с производным значением собирательности; б) существительные на -ство; в) отдельные существительные с производным собирательным значением.

В древнерусском языке производное значение собирательности у существительных конкретных могло образовываться различными способами, среди которых наиболее продуктивным был метонимический перенос, среди которых наиболее продуктивным был метонимический перенос названий местности или города на живущих там людей. Например:

се прислалъ ко мне Словенска земля просящи оучителя (Лавр. лет., предисл.);
совкоупиши в Новъгородъ вся волость новгородская (I Новг. лет., 1270 г.);
плака бо ся по немъ весь градъ Къевъ (Лавр. лет., 1078 г.);
и обрадовася весь Новгородъ (I Новг. лет., 1200 г.);
имяше же та лавра одинъ ослъ на немъ же припошаше воду (Син. пат., л. 74).

Реже для образования производного значения совокупности лиц применялся метафорический перенос, основанный на сходстве этой совокупности с каким-либо конкретным предметом:

яко бысть семья ослоушливиыхъ въ пагоубоу (Усп. сб., л. 234б);
колени Венъмине скоро блоудъ створивше (Георг. Ам., л. 77).

⁷ Дегтярев В. И. Особенности согласования..., с. 134.

В текстах древнерусских памятников неоднократно встречаются случаи синекдохического употребления формы единственного числа имени существительного, служащей, по определению А. А. Потебни, «символом множества».⁸ Например:

Черныи же Клобухъ весь съвкупившеся ехаша по нихъ (Ипат. лет., 1162 г.);
отъ чина бо почиваетъ и зверь и птици и человеци (Поуч. Вл. Мош.);
аже вьедеть братъ мой которой въ Смоленскъ а оучинится вамъ свада с ихъ мѡужьми (Смол. дог. гр., 1223—1225 гг.).

Очень часто в таком значении выступало слово *гость*: очевидно, у этого существительного значение совокупности лиц стало фактом языка, заняв соответствующее место в семантической структуре слова:

како придоуть латинескийи гость оу городъ с волока (Смол. дог. гр., 1229 г.);
аже латинескийи гость бьется межн собою (Смол. дог. гр., 1229 г.);
а како боудеть немецкийи гьсть Смоленське а почнетъ ся кто от нихъ просити в мноую землю (См. дог. гр., 1223—1225 гг.).

В древнерусском языке производное собирательное значение часто было присуще абстрактным существительным при переносе наименования какого-либо признака или функции на людей — носителей этого признака или выполняющих данную функцию. Такой тип переноса был самым продуктивным среди способов образования производного значения совокупности лиц.

1. Существительные с исходным значением признака (или действия, не являющегося функцией обозначаемых лиц):

сила псковская отступила от Городка (I Пск. лет., 1463 г.);
и събрачеса чернь и волочахоу добрые мужа думающе с ними кого царя поставитъ (I Новг. лет., 1204 г.);
а ихъ приходъ за ними идуть (Стоглав, л. 73);
и съборъ ангельскъ поюще на небеси (Усп. сб., л. 129в.).

2. Существительные с исходным значением функции:

и вошла засада Ярославля в городъ и начаша бити ся крепко (Ипат. лет., 1159 г.);
выехала к ним помочь (Ипат. лет., 1154 г.);
яко рать си не можеть града сего прияти (Ипат. лет., 1231 г.);
и разидеся съветъ ихъ (Син. пат., л. 153).

Именно производность значения совокупности лиц обуславливала колебания в согласовании глагольного сказуемого с подлежащим, принадлежащим к группе собирательных существительных с таким значением. Сказуемое, глагол или краткое причастие действительного залога при таком подлежащем употреблялось во множественном числе падежного режиса, чем в единственном. Обязательным условием согласования сказуемого во множественном числе было наличие у него значения действия, присущего только субъектам-лицам, что подчеркивало факт употребления подлежащего именно в значении совокупности лиц. Сравним:

1) градъ трясашися (Усп. сб., л. 235в); бе бо съвкупилася вся земля немецкая (I Новг. лет., 1268 г.);
2) изиде противу ему весь городъ Киевъ и възложивше тело его на сани повозоша (Лавр. лет., 1078 г.); плакашася по немъ вся земля новгородська (Ипат. лет., 1178 г.).

Ко второй группе собирательных, вызывавших колебания в согласовании с ними глагольного сказуемого, мы относим существительные на -ство *воинство*, *господство*, *поповство*, *человечество*. Например:

воинство же много корысты взяша (Моск. лет. свод XV в., л. 283 об.);
господство резаньское крепко и мѡужествоно бышеся (Пов. о разор. Ряз.);
иъ и все человечество на сего аще събереться не мѡгоуть съ снм братися (Син. пат., л. 43).

От существительных с производным собирательным значением типа *градъ*, *чернь*, *языкъ* эти слова отличались двумя признаками: а) нали-

чием формального показателя собирательности — суффикса -ств(о) и б) соотносительностью с единичными существительными, которые в древнерусском языке, вероятно, выступали в качестве мотивирующих по отношению к существительным этой группы. Тем не менее у нас есть основания считать собирательное значение у слов *воинство*, *поповство*, *человечество* и подобных им производным, образованным путем переноса названия признака, состояния, функции на их носителей. В памятниках древнерусской письменности существительные на -ство, способные обозначать ту или иную совокупность лиц, довольно часто употреблялись с абстрактным значением. Так, в «Успенском сборнике» встречаем:

и пусти с ними мѡужа в воинстве соуца (л. 175а);
овпи в воинстве ходять (л. 180г); епископство твое пренметъ ипъ (л. 218б);
апостоликъ Никола святи же на поповство блаженнаго Мефодия (л. 105в);
на земли пожила еста въ человечестве (л. 16г);
въ пятьдесятъ летъ чрьньства его (л. 299г).

Судя по словарю И. И. Срезневского,⁹ абстрактные существительные этого словообразовательного типа занимали значительное место в лексической системе древнерусского языка, насчитывая несколько десятков лексем, из которых лишь немногие развили в себе собирательное значение.

В древнерусском языке форма единственного числа глагольного сказуемого часто употреблялась при подлежащем, выраженном существительным *народъ*, *племя*, *тѡла*, несмотря на то, что основным, непродизводным у каждого из этих слов было значение совокупности лиц. Существительные *народъ*, *племя*, *тѡла* были многозначными, причем в их семантическую структуру входили значения как ограниченной совокупности, так и неопределенного множества. Так, у слова *народъ* И. И. Срезневский выделяет следующие значения: 1) люди, 2) толпа, множество, 3) собрание, сборище народное, 4) народ, население страны, 5) партия, 6) род.¹⁰ И независимо от того, в каком из значений выступало это слово в предложении, в согласовании с ним глагольного сказуемого имели место колебания. Причем сказуемое при подлежащем *народъ* значительно чаще употреблялось в форме единственного числа. То же самое можно сказать и о согласовании сказуемого с существительными *племя*, *тѡла*. Обратимся к примерам:

множанъ народъ приде (Усп. сб., л. 81б);
плакашася по святомъ и добромъ князи весь народъ (Ипат. лет., 1126г.);
народъ вставъ глаголемыхъ зеленосниихъ (Георг. Ам., л. 268);
оужъ ближнее племя восхоцетъ закладъ выкупити (Пск. судн. гр., 1397г.);
толпа поиде отъ вратъ (Ипат. лет., 1074г.).

Сравним собирательные существительные этой группы со словами, употребление которых в функции подлежащего регулярно вызывало постановку сказуемого, выраженного глаголом или кратким действительным причастием, в форме множественного числа (речь идет о существительных *братия*, *дружина*, *воиско*, *князь*, *чадь*). Нетрудно заметить, что основное различие между ними заключается не в их семантике, а в том, что одни из них имеют соотносительные существительные со значением единичности, с которыми находятся в отношениях мотивированного и мотивирующего, а другие — нет. Этот, как кажется на первый взгляд, и мотивирующий признак тем не менее обуславливает такое грамматическое свойство собирательного существительного, как регулярность согласования с ним глагольного сказуемого во множественном числе, а также возможность образования у этого существительного формы множественного числа. Как известно, слова типа *братия*, *дружина* в древнерусском языке во множественном числе не употреблялись. Так, например, существительное *дружина* в форме единственного числа обозначало мер, существительное *дружина* в форме единичных единиц, т. е. собственно дружин, и совокупность нескольких воинских единиц, т. е. собственно дружин.

⁹ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка, т. 1—3. М.: ГИС, 1958.

¹⁰ Срезневский И. И. Материалы..., т. 2, с. 320—321.

⁸ Потебня А. А. Из записок по русской грамматике, т. 3. М.: Просвещение, 1968, с. 26.

посла Мстиславъ сыны своя Всеволода и Изяслава и Ростислава с дружиною ихъ на Чюдь (Лавр. лет., 1130г.); Ярослав же и Святославъ и князи Русии плакахуся по нем с дружиною своею (Лавр. лет., 1239г.).

Собирательные существительные, не имевшие соотносительных единичных слов, регулярно употреблялись для обозначения нескольких совокупностей лиц во множественном числе:

п вси людие племена языци работати емоу имоуть (Усп. сб., л. 265б);
народи же вси дивнишася о смерти его (Лавр. лет., 1159 г.).

Итак, на основе ряда критериев, среди которых не последнюю роль играет и способ согласования сказуемого, древнерусские собирательные существительные со значением совокупности лиц могут быть классифицированы следующим образом. Прежде всего должны быть выделены две основные категории: исконных собирательных и слов с производным значением собирательности. Основанием для дальнейшего разбиения послужат такие формальные критерии, как наличие — отсутствие колебаний в согласовании с ними глагольного сказуемого, а также способность образовывать формы множественного (и, вероятно, двойственного) числа. Таким образом, среди исконных собирательных можно выделить группу слов, у которых значение совокупности лиц отражается и на их грамматических свойствах (это существительные *братия*, *дружи́на*, *во́иско*, *князьѣ*, *чадь*, и собирательные этнонимы), и слова, для которых собирательность остается только особенностью семантики (*народъ*, *племя*, *тѣла*). К первой группе следует, очевидно, отнести слова *господа* и *шурья*, которые в исследованных нами памятниках в функциях подлежащего не употреблялись, а также существительное *помоще*, которое, по мнению И. Э. Еселевич, обозначало несколько вспомогательных союзных отрядов, т. е. «совокупность как множество совокупностей (а не отдельных предметов) в единстве»¹¹.

Среди существительных с производным собирательным значением легко выделяется группа существительных на -ьство, отличающихся не только наличием формального показателя собирательности в своей морфемной структуре, но и отсутствием форм множественного числа и вторичной мотивированностью значения совокупности лиц единичными существительными со значением лица. Не удивительно, что среди слов с производной собирательностью именно существительные на -ьство чаще всего сочетались в предложении с глагольным сказуемым, стоящим в форме множественного числа.

Новосибирский государственный университет

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Георг. Ам.—Хроника Георгия Амартола
 Ипат. лет.—Ипатьевская летопись, сп. XV в.
 Лавр. лет.—Лаврентьевская летопись, сп. 1377 г.
 Моск. лет. свод XV в.—Московский летописный свод конца XV в.
 I Новг. лет.—Новгородская летопись по Синодальному харатейному
 списку, сп. XIII—XV вв.
 Пов. о разор. Ряз.—Повесть о разорении Рязани
 I Пск. лет.—Псковские летописи, сп. XV—XVII вв.
 Пск. судн. гр. 1397 — Псковская судная грамота, XV в., сп. XVI в.
 Сии. пат.—Синайский патерик
 Смол. дог. гр. 1223—1225 — Смоленская договорная грамота 1223—
 1225 гг.
 Смол. дог. гр. 1229 — Смоленская договорная грамота, 1229 г.
 Стоглав — Стоглав, 1551 г., сп. XVII в.
 Сузд. лет.—Суздальская летопись
 Усп. сб.—Успенский сборник XII—XIII вв.

¹¹ Еселевич И. Э. Из истории категории собирательности..., с. 63.

СООБЩЕНИЯ, КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

В. О. НОТМАН

УЧЕБНЫЕ ЭКСКУРСИИ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ
(на материале немецкого языка)

Современная методика обучения иностранным языкам направлена на выработку у учащихся навыков практического владения различными видами иноязычной речевой деятельности: чтения, перевода, аудирования, устной речи, письма. И если в вузах с обучением чтению, переводу и письму дело обстоит в основном неплохо, то в отношении навыков аудирования и устной речи положение остается неудовлетворительным. Объяснить это можно, на наш взгляд, прежде всего тем, что этим двум видам речевой деятельности отводится недостаточно времени, и упражнения, направленные на развитие иноязычно-речевых навыков, часто носят формальный, непродуктивный характер.

Занятия по иностранному языку должны отличаться от занятий по другим предметам, что диктуется самим предметом. Мало дать студенту только теоретические знания по иностранному языку, ему надо дать практические навыки владения изучаемым языком. Главное — в приобретении именно практических иноязычно-речевых навыков. Языковая теория должна служить речевой практике.¹

Язык является важнейшим средством коммуникации, поэтому основным действием, с помощью которого осваивается иностранный язык, является процесс общения². Именно этого — речевой коммуникации, общения на иностранном языке часто недостает на занятиях. Как бы преподаватель ни старался разнообразить свои методические приемы, используя последние достижения педагогической науки, ему трудно на занятиях по иностранному языку создать то условие, без которого невозможна нормальная речевая коммуникация. Это условие — естественность. К сожалению, оно часто не соблюдается в учебной процедуре.

После усвоения студентами основных лексико-грамматических моделей, необходимо проведение таких творческих упражнений, когда перед ними ставится задача высказывания своих мыслей в новой, неподготовленной ситуации. «Характерной особенностью творческих упражнений является их тесная связь с жизненными условиями. Для этих упражнений необходимы жизненно реальные ситуации»³.

Популярной формой творческих упражнений по иностранному языку является работа по заданной ситуации. Например, студентам задается ситуация: в их вуз пришли иностранные туристы, им нужно рассказать об институте и показать все самое интересное. Это задание обычно дается после прохождения на занятиях разговорной темы «Наш институт». Студенты владеют необходимыми лексико-грамматическими конструкциями и могут вести несложный рассказ по теме. Но что происходит? Студенты грамотно рассказывают о своем институте, перечисляют все интересные факты, но это не живой рассказ для туристов, а всего лишь пересказ пройденного ранее текста. Речь студентов не является в данном случае направленной живой речью и, следовательно, не выполняет своей главной функции — функции коммуникации. Рассказ студентов о своем вузе не является коммуникативным еще и потому, что отсутствует ответная речевая реакция воображаемых туристов, а любой акт коммуникации предполагает наличие собеседника.

Стремясь к созданию большей естественности в обучении студентов устной речи на иностранном языке, мы попытались «раздвинуть» стены аудитории и вывести такое занятие за пределы учебной аудитории. Проводя итоговое занятие по разговорной теме «Наш вуз», мы организуем экскурсию по зданию института, создавая тем самым естественную ситуацию для общения на иностранном языке. Группа студентов делится на две подгруппы. Одна играет роль гидов, другая — интуристов. Все гиды получают заранее свою небольшую тему. Например: история вуза, факультеты, отделения и специальности, научно-студенческое общество, общественные организации, знаменитые выпускники, интерклуб и т. д. Готовя свои рассказы, гиды продумывают, как

¹ Беляев Б. В. О применении принципа сознательности в обучении иностранному языку. — В кн.: Психология в обучении иностранному языку/ Под ред. Р. И. Зеленина. М., 1967, с. 7.

² Комков И. Ф. Речевая коммуникация и обучение языкам. М.: МПГУ, 1987.

3 Дудакова В. В. О системе упражнений для развития устной речи и чтению на иностранном языке/Ред. А. А. Миролюбов. М., 1965, с. 111.

связать их с соответствующими объектами показа. Преподаватель во время такой экскурсии играет роль старшего гида. Он начинает экскурсию, приветствует интуристов, знакомит их с планом и маршрутом экскурсии и затем предоставляет слово студентам-гидам. В конце экскурсии преподаватель подводит итоги и прощается с гостями.

Речь студентов-гидов должна быть, кроме того, информативной. Несмотря на то, что тема экскурсии хорошо всем знакома, в рассказах гидов обязательно должна содержаться новая информация. Это повышает интерес и внимание слушающего к теме сообщения, побуждает желание получить новую информацию, снижает утомляемость при восприятии речи на слух.

Для того чтобы студенты-интуитивы внимательнее слушали рассказы студентов-гидов, преподаватель каждому из них заранее задает свою ситуацию. Целевая установка, как доказано психологами, является важным фактором, влияющим на слуховое восприятие речи. Любая группа людей, в данном случае интуитивов, состоит из индивидуумов, отличающихся друг от друга эрудированностью, характером, темпераментом, степенью воспитанности и т. д. Естественность нашего занятия на иностранном языке, т. е. экскурсия, возрастет, если все интуитивы будут вести себя по-разному, как это происходит в реальной жизни.

Студент-гид должен ответить на эти вопросы. Если он не может ответить сам, на помощь ему приходят другие гиды или старший гид — преподаватель.

Третий страдает слабым слухом и часто переспрашивает: Wie, bitte? Wie, heißt diese Fakultät? Verzeihung, wann wurde Ihre Hochschule gegründet? Wiederholen Sie, bitte, wieviel Studenten gibt es an dieser Abteilung? Entschuldigen Sie, bitte, wo liegt Ihre Aula?...

Пятый питурист любит фотографировать. Он несколько раз останавливает группу, просит всех подождать, выстраивает питуристов и гидов так, как ему хочется, и фотографирует. Затем передает другому фотоаппарат и фотографируется с группой сам. Речь такого питуриста живая, эмоциональная: Moment mal! Wer möchte ein Bild zum Andenken haben? Stehen Sie, bitte, hier! Und Sie kommen in die Mittel! Lächeln Sie, bitte! Kein trauriges Gesicht machen! Vielen Dank! Jetzt möchte ich mich fotografieren lassen! Schön, gehen wir weiter!

Получив вопрос от интуриста, наши гиды уже не могут воспользоваться выученным заранее текстом. Они попадают в такие условия, когда сами должны строить свои высказывания на иностранном языке, т. е. применять на практике теоретические знания. Отвечая на вопросы интуристов, гиды переходят к неподготовленной речи на иностранном языке.

⁴ Сатнинова В. Ф. Коммуникация и обучение аудированию. — В кн.: Коммуникация и обучение иностранным языкам/Отв. ред. И. Ф. Комков. Минск, 1970.

Они меняются ролями: говорящий становится слушающим, а слушающий — говорящим. Обе подгруппы на таком запятки обучаются и аудированию и говорению на иностранном языке.

Преследуя на экскурсии главную цель — создание естественной ситуации для коммуникативной деятельности студентов на иностранном языке, — преподаватель не должен на экскурсии исправлять ошибки. Во время экскурсии внимание студентов и речи на иностранном языке играет наличие у учащихся интереса к содержательной стороне речи. Этот интерес иногда бывает настолько велик, что из-за него преодолевается страх учащихся перед возможными языковыми ошибками. Под влиянием этого интереса учащиеся забывают о языковой оболочке и сосредотачивают свое сознание почти исключительно только на предмете своих мыслей.⁶

Ошибки, конечно, следует исправлять, но уже после экскурсии, когда студенты «вышли» из роли. Интересно отметить, что большинство своих ошибок студенты вспоминают и исправляют сами или с помощью товарищей. При подготовке к следующей экскурсии они уже не будут так волноваться и бояться говорить, так как студенты теперь убедились в том, что несколько грамматических ошибок, допущенных ими в речи, не помешали их товарищам понять содержание рассказа и соответствующим образом отреагировать на услышанное, т. е. состоялся акт коммуникации.

Тематика учебных экскурсий на иностранном языке может быть самой разнообразной. Очень благодатной темой для экскурсий является разговорная тема «Наш город». В Новосибирске, например, по этой теме можно провести несколько увлекательных и полезных экскурсий: «История Новосибирска», «Новосибирский Академгородок», «Новосибирск — крупный культурный центр», «Исторические и культурные достопримечательности города», «Новосибирск театральный», «Новосибирск студенческий», «Будущее нашего города» и т. д. Можно проводить экскурсии в музеи, картинную галерею, выставочные залы.

Учитывая профиль вуза, полезно проведение экскурсии по будущей специальности. Например, для студентов консерватории самой интересной будет, пожалуй, экскурсия на тему «Новосибирск театральный» с подробным рассказом о театрах города, истории формирования коллективов, о репертуаре театров, ведущих исполнителях, премьерах последнего сезона и т. д. Экскурсию можно ограничить каким-нибудь одним театром, например, Театром оперы и балета. Эту экскурсию лучше совмещать с посещением спектакля, после которого студенты делаются друг с другом и с преподавателем своими впечатлениями, активизируя в процессе общения такую специальную лексику, как: *die zweite Besetzung, das Nebenthema, seine Rolle richtig auffassen, die eindrucksvolle Darbietung, (nicht) bei Stimme sein, gut eingespielt, als Zugabe spielen (singen), das Tempo beschleunigen, verstimmt sein, die Blechblasinstrumente...* Со студентами-биологами можно провести экскурсию в Институт цитологии и генетики, в Биологический институт, Центральный сибирский ботанический сад и т. д. Подобрать тему учебной экскурсии по профилю вуза можно не только в таком крупном научном, промышленном, культурном центре, каким является Новосибирск, но в любом городе.

5. Космопoulos П. Ф. Речевая коммуникация..., с. 16.

дается 2—3 недели на перевод и заучивание текстов. Если группа сильная, гиды получают тексты на русском языке, затем переводят их на иностранный язык и редактируют с помощью преподавателя. После редакции гиды учат свои роли, а переводчики получают свои тексты на иностранном языке и делают обратный перевод на русский.

Самая легкая для подготовки экскурсии — это экскурсия, на которой гидом является сам преподаватель. Но этот вид экскурсии малоэффективен, потому что студенты остаются пассивными слушателями.

Практика показала, что экскурсии проходят живее и эффективнее, приносят больше пользы, если все студенты включаются в активную речевую деятельность. Происходит интенсификация учебного процесса. Во время автобусной экскурсии по Новосибирску студенты по очереди рассказывают о вокзале, площади Ленина, Красном проспекте, Доме Ленина, сквере Героев Революции, новостройках и т. д. В этом случае речь преподавателя является связующим звеном между рассказами студентов и заполняет паузы во время поездки по городу.

Самая трудная для подготовки, но зато и самая творческая и полезная экскурсия — это когда студенты, получив тему, сами подбирают материал по рекомендованному преподавателем списку литературы. Преподаватель консультирует студентов по выбору материала и составлению рассказа (сначала на русском языке). Когда рассказ логически выстроен и отредактирован, студент получает время на его перевод, после чего следует редактирование текста на иностранном языке. Тексты учебных экскурсий на иностранном языке должны включать как можно больше речевых моделей, характерных для иноязычной устной речи. Автоматизацию речевых моделей надо осуществлять не вне и не до иноязычно-речевой деятельности, а в условиях этой деятельности. Тогда автоматизируемые навыки лучше осознаются и понимаются учащимися, потому что языковые средства непосредственно объединяются с мышлением учащихся.

Очень важно, чтобы гиды хорошо ориентировались на месте будущей экскурсии, поэтому их нужно познакомить с этим местом заранее, иначе на экскурсии гиды могут растеряться и заговорить невпопад. На экскурсии бывают такие ситуации, когда гид, предлагая туристам посмотреть направо, рассказывает об объекте, находящемся слева по ходу автобуса. Туристы сначала ничего не понимают, потом начинают смеяться, их внимание отвлекается и рассеивается. Ход экскурсии восстанавливается через несколько минут, но за это время мы уже успели проехать другие объекты показа и, следовательно, темы для рассказа других гидов. Наша естественная ситуация на экскурсии отличается от других искусственно воссозданных на занятиях ситуаций, прежде всего, тем, что она кратковременна и необратима. Необходимым условием всякой ситуации является ее временно-пространственная локализация.

Любая самая простая экскурсия на иностранном языке требует большой подготовительной работы. Преподаватель иностранного языка сам должен владеть всем материалом экскурсии, до мелочей продумать план и маршрут экскурсии. Его задача — увлечь студентов идеей будущей экскурсии и не дать этому интересу угаснуть во время большой подготовительной работы. Учебная экскурсия, как и любой вид внеаудиторной работы по иностранным языкам, повышает интерес студентов к изучаемому предмету и усиливает их активность на учебных занятиях.

Учитывая большой объем подготовительной работы, а также большую загруженность студентов, экскурсии рекомендуется проводить не чаще одного раза в семестр.

Развивая различные навыки (чтения, перевода с иностранного на родной и с родного на иностранный язык, аудирования, устной монологической и диалогической речи), активизируя разные виды памяти (зрительную, слуховую, речемоторную), экскурсия является комплексной и чрезвычайно полезной формой обучения иностранному языку

*Новосибирская государственная консерватория
им. М. И. Глинки*

Региональное программное планирование. Вопросы теории и практики/Отв. ред. Р. И. Шнипер. Новосибирск: Наука, 1981. 285 с.

Одно из основных направлений в совершенствовании планирования, как указав XXV и XXVI съездами КПСС, заключается в том, чтобы широко внедрять программно-целевые методы как в предплановые исследования, так и в разработку пятилетних и долгосрочных планов. Программный подход позволяет эффективно решать межотраслевые и региональные задачи, сроки реализации которых не совпадают с плановыми периодами.

В последние годы применению программно-целевого метода в региональном планировании экономической наукой и хозяйственной практикой уделялось достаточно много внимания. Появились работы, специально посвященные этому методу. Разработан ряд региональных программ различного уровня.

Однако многие вопросы программно-целевого метода в региональном планировании пока не нашли окончательного решения и остаются спорными, недостаточно разработанными. В этой связи большой интерес представляет рецензируемая книга, написанная сотрудниками сектора методологических проблем комплексного регионального планирования Института экономики и организации промышленного производства СО АН СССР.

В монографии исследуется широкий спектр проблем, касающихся теории и практики применения программного метода в региональном планировании. Основное внимание уделено анализу и обобщению накопленного опыта разработки и применения региональных целевых программ.

Монография состоит из пяти глав. Предметом регионального программного планирования, конечно, являются региональные проблемы. Однако не всякая региональная проблема может быть объектом программного планирования. Возникает, следовательно, вопрос об объективной необходимости программного планирования. Поэтому вполне логично, что в первой главе «Предмет регионального программного планирования» рассматриваются региональные проблемы, требующие программного подхода к их решению, принципы выделения, формы исследования и альтернативный анализ региональных проблем. Весьма положительно, что в данной главе, как и в других разделах работы, теоретические положения базируются на анализе опыта разработки не только программ хозяйственного освоения зоны БАМа, накопленного авторами книги, но и на анализе опыта разработки и осуществления многих других региональных программ: создание Урало-Кузнецкого комбината, Ангаро-Енисейская программа, освоение нефтегазовых ресурсов Западно-Сибирского региона и др. Это придает аргументированность и убедительность тем или иным выводам и положениям.

Во второй главе «Уровни региональных программ» рассматриваются глобальные территориальные программы, региональные программы, локальные программы. Следует заметить, что выделение уровней региональных программ имеет важное, принципиальное значение для теории и методики разработки программ, механизма их реализации. Авторы рецензируемой работы, по нашему мнению, методически более правильно подошли к определению значения программ и их классификации, чем это делалось в ранее известных публикациях. Критерием классификации региональных программ по их уровню принята конечная цель программы, а не ведомственная и территориальная принадлежность исполнителей и источников финансирования.

Третья глава посвящена основным особенностям региональных программ, формам их пространственной организации, типам региональных программ. При этом региональные программы рассматриваются как документ с единой целевой ориентацией и свойствами (целостность региональной программы, вероятностный характер, гибкость, наличие четких временных и пространственных границ реализации и др.), гарантирующими решение межотраслевых и межрайонных задач в соответствии с реальными процессами планирования и управления. Иначе говоря, речь идет об адаптации регионального программного планирования к функционирующему хозяйственному механизму на всех уровнях управления. По нашему мнению, это положение очень важно при разработке методологических основ регионального программного планирования. Это один из главных факторов эффективного функционирования нового направления территориального планирования.

Всякая региональная программа охватывает определенную территорию. С этих позиций большой интерес представляет предложенная авторами классификация в зависимости от пространственной организации региональных программ, а также объединение различных программ на основе общих признаков в однородные группы.

В четвертой главе дана разработка мероприятий региональных комплексных программ исходя из их структуры. Разработка региональной комплексной программы рассматривается как многоступенчатый процесс, включающий относительно автономные подсистемы, со своими целями и задачами, мероприятиями и последовательностью их осуществления, спецификой используемых ресурсов, конечной продукцией. В книге приведена и общая логическая, и временная структура региональной комплексной программы (с. 151). Подробно излагается разработка научно-исследовательских комплексных и инвестиционных комплексных программ.

В пятой главе монографии рассматриваются некоторые общие вопросы моделирования региональных программ (этапы моделирования, схема согласования целей и ресурсной обеспеченности программ). Кроме того, здесь предложены двухуровневая ресурсная обеспеченности программы развития производств в процессе реализации программы и одноуровневая сетевая модель с ограниченными ресурсами для согласования целей и объемов финансирования программы. Как нам представляется, эти модели действительно содержат элементы оригинальности и служат заметным шагом вперед в деле разработки и использования экономико-математических методов в региональном программном планировании. Опыт использования этих моделей при экономико-математическом моделировании программы хозяйственного освоения зоны БАМа, освещенный в данной главе, убеждает в этом.

Не останавливаясь на замечаниях не принципиального характера, следует отметить, что научная ценность книги заключается в обобщении и систематизации основных положений регионального программного планирования. Сделана удачная попытка сдвинуть методологические позиции по всему комплексу рассматриваемых проблем. Сильной стороной монографии является теоретическое осмысление нового направления регионального планирования и привлечение богатого фактического ма-

Конечно, проблемы регионального программного планирования, как отмечается в заключении, не ограничиваются вопросами, рассмотренными в книге. Вне сферы внимания ее авторов остались такие важные вопросы, как экономическая эффективность региональных комплексных программ, стимулирование их осуществления и др. По нашему мнению, было бы целесообразно продолжить исследования авторов в данном направлении и подготовить в недалеком будущем новую работу, посвященную этим проблемам регионального программного планирования.

В. И. Арзамаскин, Б. С. Бурых ии

ИЗ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ И. М. МАЕРГОЙЗА

Рецензируемая книга² представляет собой посмертное издание курса лекций одного из крупнейших советских экономико-географов, профессора Географического факультета МГУ Исаака Моисеевича Маергойза. Издание подготовлено к печати группой учеников И. М. Маергойза: Н. С. Мироненко, А. И. Трейшмем, В. В. Фроловым по рукописям автора, а также по сохранившимся записям лекций. Сразу следует заметить, что узкоспециальное название книги, да еще с подзаголовком «учебное пособие», может дезориентировать. На самом деле перед нами теоретическая монография по методологии и методике экономико-географического анализа стран и районов.

Публикация данной рецензии в экономическом издании объясняется желанием донести идеи И. М. Маергойза до широкого круга экономистов, в целом недостаточно знакомых с теоретическими достижениями экономической географии. Упомянем хотя бы концепции энергопроизводственных и ресурсных циклов, теории экономико-географического положения и центральных мест, достижения экономической картографии. И не отсюда ли берет начало формально-статистическое представление района, так широко распространенное в экономических кругах? В регионально-экономических исследованиях район нередко предстает как «точка» или строка в таблице — он внутренне не расчленен и отличается от себе подобных набором статистических показателей.

Между тем любой район — это прежде всего индивидуальность, внутренне разнообразная, но цельная, к тому же принадлежащая к определенному типу, к определенной иерархической ступени внутри данного типа. В фундаментальных районных характеристиках сегодня одинаково нуждаются как географы, так и представители экономической науки (особенно региональной экономики). Все это собственно и позволяет рецензентам рекомендовать широкой экономической общественности книгу Н. М. Маергойза, представляющую, в сущности, методологическое введение в экономико-географический анализ стран и районов.

Особого внимания среди идей, рассматриваемых автором, заслуживает изложение основ теории экономико-географического положения (ЭГП) различных социально-экономических систем, от точечного объекта (в частности, города) до экономического района или страны. Широко известно, что разработка теории и методики ЭГП — «старая любовь» И. М. Маергойза, берущая свое начало чуть ли не с первых шагов его научной деятельности. Тем больший интерес представляет сводка идей автора в одном весьма обстоятельном разделе (по объему самом крупном в книге). Его значение далеко выходит за рамки узко страноведческого исследования. И. М. Маергойз разработку теории ЭГП относит к числу наиболее существенных достижений советской экономической географии, справедливо связывая ее становление с именем Н. Н. Баранского. Но можно смело утверждать, что после Баранского никто не внес в эту теорию такого вклада, как И. М. Маергойз. Немало ценных идей в этой области содержится и в рецензируемой книге.

Автор предлагает при анализе ЭГП объекта исходить из таких его качеств, как наличие системы пространственных отношений, потенциальности (вероятности) и дистанционности ЭГП. В качестве характерной метрики ЭГП выдвигается экономическое расстояние, что переводит разговор об ЭГП из области отвлеченных теоретических рассуждений в область конкретных, практически значимых приложений. Безусловный методический интерес представляет типологизация объективно заданных отношений, которыми неизбежно обладает любой экономический объект уже в силу своего существования. Это прежде всего отношение рассматриваемого объекта к основным элементам общественного производства, где предлагается оценивать такие виды положений, как транспортно-географическое, промышленно-географическое, агрогеографическое, рыночное, демографическое и рекреационно-географическое. Кроме этого, в систему ЭГП объекта входят производные территориальные отношения к экономическим полюсам и линиям, а также интегральное положение с подразделением его на несколько уровней.

² Маергойз И. М. Методика мелкомасштабных экономико-географических исследований. М.: МГУ, 1981. 136 с.

В целом территориальный анализ народного хозяйства, по И. М. Маергойзу, — это своеобразный исследовательский алгоритм, состоящий из цепи членений интегрального объекта на отдельные подсистемы, территориально и функционально проявляющие себя как достаточно самостоятельные хозяйственные или иные организмы. Необходимость вариантного (многократно возвратного) членения вытекает из признака объективной невозможности получения исчерпывающего знания посредством какого-либо единого универсального разложения такого сложного объекта, как хозяйство страны или район в целом. Полиракурсность исследования, выполняемого в строгой и логической последовательности, позволяет обеспечить приращение знания о территориальной структуре хозяйства на каждом этапе.

В самом общем генерализованном виде народное хозяйство И. М. Маергойз трактует как полиструктурную систему. Логическое следствие отсюда — выделение трех относительно самостоятельных структур: а) социально-экономической, б) отраслевой, или производственно-отраслевой, в) территориальной, причем «особенности отраслевой структуры реализуются в территориальной структуре как территориально организованные производительные силы» (с. 49). Основным принципом декомпозиции территориальной структуры выступает требование соответствия выделенных подсистем таким образованиям, которые отражали бы в себе главные процессы, «протекающие во всей хозяйственной системе и в том числе в ее территориальной структуре, причем каждая из подсистем внутри себя взаимодействует как нечто единое в общегосударственном масштабе» (с. 49). Подобных подсистем, по И. М. Маергойзу, четыре: а) материальное производство, б) инфраструктура, в) расселение, г) природные ресурсы. Соответственно этому в четырех последующих главах излагаются основные принципы экономико-географического анализа названных территориальных структур, или подсистем.

В методическом отношении безусловный интерес представляют примеры перехода от одного масштаба рассмотрения объекта к другому. Механизм варьирования масштабами раскрывается на ряде конкретных примеров. Знакомство с ними убеждает, что «умение оперировать масштабами — первая заповедь» исследователя, — необходимый прием повышения доказательности получаемых результатов. Хотя методический аппарат представлен не столь широко, как этого требует детальное исследование таких сложных территориальных образований, как инфраструктура или промышленное производство, демонстрируемые методические приемы все же достаточно полно раскрывают диалектическую связь между избранным масштабом исследования и применяемой методикой описания соответствующих ситуаций. При этом И. М. Маергойз заостряет внимание на ряде принципиальных положений, желательность следования которым признается многими исследователями, но в практических разработках пока далеко не полностью реализуется. Так, в главе о территориальной структуре природных ресурсов внимание акцентируется на относительности оценки природного ресурса как следствия объектно-субъектных отношений в процедурах оценивания. Взаимосвязанным с предыдущим выступает положение о потенциальной множественности (многовариантности) форм эксплуатации природных ресурсов.

Всего одну страницу занимает рассмотрение вопросов географического анализа плотности населения. Небольшой отрывок, но как много успевает сказать здесь автор. Основная мысль сводится к выводу — оперирование только одной традиционной плотностной характеристикой мало что дает для раскрытия и объяснения особенностей заселения территорий. Необходимо целая система взаимосвязанных и взаимодополняющих плотностных характеристик: общая плотность населения, плотность населения в пределах обжитых территорий (исключая неосвоенные территории), сельскохозяйственная плотность населения, плотность сельского населения. Наверное, предложенный перечень плотностных характеристик заселенности территории не исчерпывает всех возможных разрезов этой темы, однако и рассмотренная система характеристик при умелом применении способна значительно углубить соответствующие исследования в размещении населения.

В главе, посвященной проблемам изучения инфраструктуры, весьма плодотворной представляется идея сопряженного анализа инфраструктуры и экономико-географического положения объекта, практическая реализация которой позволяет ввести известные коррективы в оценки, полученные при автономном поэлементном их изучении. Наконец, заключительная итерация хозяйства страны или района, которая о целостной территориальной структуре хозяйства страны или района, которая квалифицируется как «состоящая из трех основных неразрывно связанных между собой форм» (с. 106), а именно: а) интегрально-пространственной структуры, б) множественной территориально-отраслевой структуры, в) линейно-сетевой структуры.

Что принципиально нового несет в себе эта концепция? Главная идея концепции заключается в том, что выделенные структуры нечернышской школы (и, следовательно, и всеобщей географии) характеризуют территориальную структуру народного хозяйства, причем достигается это, в известном смысле, за счет феномена дополнительности названных структур. Обратим внимание и на такой, теоретически важный, момент: а) существует вариант «разложения» целостной территориальной структуры на характерные территориальные образования, в совокупности и в комбинациях полно описывающие основной объект (с позиций экономической географии); б) существует предельно минимальная (объективно заданная) совокупность образований целостного объекта.

Заключительная глава книги посвящена обзору важнейших методов экономико-географического анализа. Данный раздел ориентирован как будто на исследователей

страноведов, на самом деле, содержащиеся в нем идеи носят более общий универсальный характер. В частности, оригинальные положения о применении такого, казалось бы, хорошо изученного метода как сравнительно-географический и вытекающего из него более частного метода аналогий (или метода географических аналогов), разработанного значительно слабее и применяемого весьма робко на практике. Значительный интерес вызывают соображения автора о развитии типологического метода. Он объясняется тем, что реализация названного метода на практике приводит к результатам много ниже тех потенциальных возможностей, которыми этот метод обладает. Нельзя не согласиться с автором, что хроническое отставание исследований в области экономического районирования есть следствие слабого применения специалистами типологического метода. Указывается, что внедрение типологического метода в его полном и глубоком значении могло бы положительно сказаться на результатах исследований и в других областях науки. Традиционно интересны мысли автора об использовании в экономико-географических исследованиях картографического метода, системного подхода, некоторых формализованных приемов и методов.

В одном из обзоров, посвященных научному наследию И. М. Маергойза, верно было замечено, что большая часть публикаций автора периода 60—70-х годов «увидела свет в малотиражных, труднодоступных широкому читателю изданиях. Поэтому весьма желательной и целесообразной была бы их отдельная сводная публикация, тем более, что их совокупность представляет собой логическое единство и вполне целостную систему взглядов» (Полян, Трейвиш, 1978). Сегодня научная общественность имеет приятную возможность знакомства с подобным изданием, хотя нельзя не отметить более чем скромный тираж книги (1000 экз.). Возможно, следовало бы включить в это издание и другие работы И. М. Маергойза (в частности, оригинальнейшие статьи по экономической картографии). Будем надеяться, что при переиздании научного наследия И. М. Маергойза эти упущения будут исправлены.

Ю. С. Никульников, А. Я. Якобсон

ФИНАНСОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ВОСПРОИЗВОДСТВА

Монография Ш. Б. Свердлика «Общественный продукт и денежный оборот» посвящена рассмотрению теоретических, методических и практических вопросов совокупного денежного оборота в народном хозяйстве СССР.

Основополагающей методологической предпосылкой исследования служит утверждение о единстве денежного оборота в двух его организационных формах — налично-денежного и безналичного оборотов — и во всех денежных потоках, опосредствующих оплату материальных благ и услуг, оплату труда, образование и использование финансово-кредитных ресурсов. На простом примере показано, что исходя из посылки о единстве денежного оборота можно по данным действующей системы учета составить баланс денежных доходов и расходов отдельно взятого предприятия, а затем агрегировать эти балансы с выходом на сводные балансы отраслей, ведомств и народного хозяйства в целом.

Автор подчеркивает, что единство денежного оборота необходимо закрепить единством организационных и методических форм ретроспективного и перспективного анализов всех денежных потоков. В результате этого функционирование финансовой системы будет более полно соответствовать современным условиям и задачам развития народного хозяйства: увеличению горизонта планирования, обеспечению сбалансированного роста экономики, расширению и углублению хозяйственных методов управления производством, повышению значимости социальных факторов развития экономики.

В книге рассматриваются действующая система планирования денежного оборота и мероприятия по совершенствованию финансового и кредитного планирования, по повышению надежности и стабильности перспективных балансов финансовых ресурсов государства и денежных средств населения. Сделан вывод, что повышение уровня интегрированности народнохозяйственных планов и улучшение их сбалансированности заключаются не в том, чтобы заменить действующие модели экономического и социального развития народного хозяйства более универсальными, а в создании системы аналитических моделей, позволяющей оценить влияние хозяйственных решений на денежный оборот, экономические пропорции и показатели роста народного хозяйства (см. с. 37). Автор разработал модели денежного оборота для их использования в системе перспективных планов развития народного хозяйства.

Отличительная особенность предлагаемых моделей — их органическая связь с процессами воспроизводства общественного продукта и национального дохода. Разработана методика преобразования межотраслевого баланса общественного продукта в межотраслевой баланс денежного оборота. Исследуется и другая форма анализа сбалансированности материального и денежного оборота — расчеты по укрупненной модели сводного баланса. Межотраслевой и сводный баланс (вместе взятые) дают полную картину структуры денежного оборота народного хозяйства по отраслям материального и нематериального производства и другим субъектам оборота, а также по экономическому содержанию денежных потоков.

Межотраслевой баланс представляет собой шахматную таблицу, в которой перечисляются субъекты денежного оборота, выступающие в подлежащем таблицы в качестве получателей денег, в сказуемом в качестве плательщиков. Строки и столбцы любого субъекта денежного оборота содержат данные о балансе его денежных доходов и расходов, расписанных в корреспондентском разрезе. На пересечении строки и столбца учитывается денежный поток между субъектом, поименованным в сказуемом, и субъектом, указанным в подлежащем.

Основные зависимости межотраслевого баланса денежного оборота выражаются уравнением $Ax + y = z$, где $A = (a_{ij})$ — матрица прямых денежных затрат субъекта j в расчете на единицу денежных доходов субъекта i ; $x = (x_i)$ — вектор денежных доходов субъекта i от финансово-кредитной системы (централизованные расходы государства); $y = (y_i)$ — вектор доходов субъекта i от финансово-кредитной системы (централизованные расходы государства).

По формализованной модели межотраслевого баланса можно исчислить коэффициенты полных денежных затрат, характеризующие народнохозяйственные денежные затраты на 1 руб. дохода данного субъекта. К сожалению, автор ограничился лаконичной формулировкой экономического содержания этих коэффициентов, между тем углубленный их анализ, в частности, совместно с коэффициентами полных трудовых затрат может, на наш взгляд, существенно расширить представление о межотраслевых связях в народном хозяйстве.

Модель сводного баланса представляет систему счетов крупных подразделений народного хозяйства (материальное производство, наука, платные услуги, население, финансово-кредитная система) и субъектов отраслей производства. На этих счетах регистрируются все денежные потоки дважды — по приходу получателя денег и по расходу плательщика.

Внешняя простота модели и возможность ее реализации по данным годовой текущей статистики не должны затмить содержащийся в ней глубокий методический и практический аспект системного анализа. Мы согласны с утверждением автора о том, что ретроспективный анализ денежного оборота по этой модели поможет вскрыть глубинные причины отдельных денежно-финансовых диспропорций, возникающих в ходе выполнения народнохозяйственных планов, а перспективный анализ — предупредить эти диспропорции.

Автор не ограничился абстрактно-теоретической постановкой проблемы моделирования денежного оборота, а использовал данные текущей статистики для разработки межотраслевых балансов за 1959, 1966 и 1972 гг. и укрупненных балансов за 1960—1975 гг. Это позволило дать количественную и качественную оценку происходящих в последние пятилетки существенных сдвигов в динамике и структуре денежного оборота и выявить как сильные, так и слабые стороны воздействия денежно-финансового механизма на эффективность общественного производства. Даже с учетом некоторого вынужденного огрубления расчетов из-за ограниченности информации выявленные ретроспективным анализом тенденции и взаимосвязи могут быть практически использованы в расчетах развития народного хозяйства на перспективу.

Несмотря на сложность рассматриваемых проблем монография написана доступным для широкого круга читателей языком. Последовательность изложения логически обоснована. В начале работы автор знакомит читателя с теоретическим и методологическим аспектом проблемы и на простой модели ресурсами государства и денежными доходами населения, а также процесс перераспределения ресурсов на двухсекторном уровне. Затем Ш. Б. Свердлик переходит к конкретному экономико-статистическому анализу развития производства, обращения и денежного оборота в их связи и взаимозависимости. Следующие главы монографии посвящены детализации этого анализа по крупным отраслям народного хозяйства, по основным видам доходов и расходов.

Большой интерес представляет анализ динамики и структуры денежных доходов и расходов населения, эффективности использования фонда оплаты труда в отдельных отраслях народного хозяйства, динамики сбережений и заработной платы. Достоинство монографии состоит и в том, что автор подробно знакомит читателя с методом получения и анализа данных, тем самым дает возможность проверить обоснованность выводов. Имеются в монографии и некоторые отдельные пробелы. Следовало бы усилить экономическую интерпретацию процесса перераспределения денежных ресурсов в народнохозяйственном и в этой связи рассмотреть эффективность механизма перераспределения. Автор показывает принципиальные возможности применения разработанных моделей в перспективном планировании, но конкретных расчетов и рекомендаций пока не делает. Содержащие книги вплотную подводит к анализу финансовых факторов и показателей эффективности общественного производства. Изложение этого сюжета рассеяно сейчас по всей книге. Между тем его концентрация в специальном разделе существенно обогатила бы анализ планомерной организации социалистического производства.

А. П. Леонтьев

Выход в свет «Нанайско-русского словаря» — большое событие в советской лексикографии. Это первый словарь, в котором (по сравнению с другими нанайско-русскими словарями) с наибольшей полнотой представлена лексика и фразеология нанайского языка, переведенная на русский язык. Он содержит 12 800 словарных статей, во многих из них помещены фразеологические обороты. А это значит, что общее количество значимых единиц в словнике этого словаря значительно превосходит названное число.

Словник рецензируемого словаря состоит из исконных слов (т. е. слов тунгусо-маньчжурского происхождения и производных от них), а также из слов, заимствованных в нанайский язык в различные периоды его истории из монгольских, тюркских и русского языков. Основную часть словарных заимствований составляют русские слова. Одни из них были восприняты нанайцами в дописьменный период нанайского языка в процессе устного, непосредственного общения с русскими. Эта лексика давно уже прошла в нанайском языке стадию фонетического, морфологического и семантического освоения (ср. рус. мыло — нанайск. *мэлэ*, спичка — *пичкэ*, зажечь спичку — *пичкэ-лэури* др.); другие восприняты сравнительно недавно, в советский период, когда большинство нанайцев стало изучать русский литературный язык. Такие слова в большей мере сохраняют в употреблении присущие им качества языка-источника (артист, аптека, мотор и т. п.), вместе с тем производные от них слова образуются в соответствии с законами нанайского словообразования (ср. рус. моторный — нанайск. *моторку*) и фразеологического образования (ср. заимств. из Тюркских морин — «лошадь, конь» *п хусэ морин* — «жеребен», *актэ морин* — «кобыла»). Все это свидетельствует о том, что в нанайском языке продолжают сохранять свою активность национальные модели словообразования и фразеологического образования.

О достоинствах словаря, как известно, судят не только по богатству словника, но и по структуре и содержанию словарной статьи.

Словарные статьи «Нанай-лоча хэсэнкуни» построены так, чтобы отразить с максимальной полнотой сигнификативный элемент значения слова при его толковании. Это достигается прежде всего за счет отражения слова в его синтагматике. Так, например, слово *чико* в словарной статье сопровождается словосочетаниями *хусэ чико* — «петух»; *эктэ чико* — «курица»; а также фразеологизмом *чико ялини* — «угорь на лице». А это в свою очередь дает сведения для установления этимологии слова и фразеологизма с соответствующим компонентом. Автор во многих словарных статьях пытается отразить и парадигматические связи слов (см., например, в словарной статье на слово *насада* — «глаз» помещено устойчивое словосочетание *насал муэни* — букв. «глаза вода их», т. е. глазная вода со ссылкой на слово нимокта — «слеза»).

Трудно сказать, во всех ли случаях автору удалось установить парадигматические связи слов в нанайском языке и отразить их в словаре, но попытка сделать это в переводном словаре примечательна. Она дает возможность точнее охарактеризовать семантику слов, что важно для практического освоения нанайского языка и для перевода с нанайского на русский и вместе с тем отражение семантических связей слов и фразеологизмов в словаре дает возможность лингвисту-исследователю устанавливать семантические составляющие в значении слова, определять структуру и типологию лексической и фразеологической семантики нанайского языка.

Все сказанное с очевидностью показывает, что рецензируемый словарь имеет неопределимое значение для теоретического и прикладного языкознания, для теории и практики перевода, для психолингвистики. Наличие в словаре вариантов слов и, главное, помещенная в нем исконная лексика — наиболее важный источник для сравнительно-исторического изучения словарного состава тунгусо-маньчжурских языков, для установления процесса формирования нанайцев как особой этнической общности.

Нанайско-русский словарь — плод многолетней деятельности одного человека, С. Н. Оленко, который выполнил весь комплекс лексикографических работ (без чьей-либо помощи), да и основная часть фактического материала для словаря была собрана им самим (если не считать небольшие собрания слов и словари П. Протодьяконова, В. Грубе; материалы К. И. Максимовича и Л. Шренка, Т. И. Петровой и др.)

Надо полагать: словарь не лишен и некоторых недостатков. Это прежде всего — отсутствие грамматического очерка к словарю, и хотя слова, помещенные в словарных статьях, имеют подробную грамматическую характеристику в виде помет, отражающих формы и категории нанайского слова, эти пометы недостаточны для понимания форм слова. И чтобы получить необходимые сведения, читатель должен обращаться к другим источникам: к «Грамматике нанайского языка» В. А. Аврорина, к «Очерку грамматики нанайского языка» Т. И. Петровой. Но ведь в этих грамматических трудах описание грамматического строя нанайского языка не ориентировано на лексикографический аспект, поэтому читатель не сразу может найти интересующие его сведения.

Следует заметить, что в конце словаря автор приложил подробный список словообразовательных и словоизменительных аффиксов нанайского языка. Тем не менее, этот богатый эмпирический материал, важный сам по себе, не компенсирует отсутствие грамматического очерка.

Разумеется, эти и другие возможные недостатки имеют частный характер. К тому же надо иметь в виду, что фактический материал для словаря автор собирал по-

средством записей живой разговорной нанайской речи, стилистические качества которой на лексическом уровне нельзя, по-видимому, установить сразу. Они требуют специального изучения.

«Нанайско-русский словарь» С. Н. Оленко, безусловно, займет свое особое место в числе переводных словарей и будет высоко оценен в практическом и теоретическом языкознании. Среди других тунгусо-маньчжурских словарей он выделяется особым построением словарных статей, рассчитанным на то, чтобы с максимальной полнотой представить сведения о нанайском слове.

Появление этого словаря позволяет поставить на очередь дня вопрос о создании словаря нанайского языка типа «тезаурус»: ведь в рецензируемом словаре представлена лексика нанайского диалекта, который считается основой нанайского литературного языка.

А. И. Федоров

ИСТОРИЯ СИБИРИ В ТРУДАХ АКАДЕМИКА М. П. АЛЕКСЕЕВА

До сих пор трудно поверить в то, что от нас навсегда ушел выдающийся советский филолог академик Михаил Павлович Алексеев. До последнего дня жизни он работал весьма напряженно и удивительно плодотворно. Особенно поражала его энциклопедическая память, огромная эрудиция. Во время бесед с Михаилом Павловичем невольно вспоминались полустертые слова П. Н. Беркова: «Если бы я не был материалистом и врагом всяческой мистики, я сказал бы, что в эрудиции М. П. Алексеева есть что-то сверхъестественное».

М. П. Алексеев был известен не только как разносторонний филолог, но и как знаток истории Сибири, сыгравший большую роль в ее изучении.

До 1927 г. М. П. Алексеев интересовался Сибирью только эпизодически. То давал справки о Сибири в качестве библиографа-консультанта Одесской публичной библиотеки, то вспоминал о ней в своих научно-популярных газетных статьях, например в морской газете «Маяк» в 1922 г., в очерке о Федоре Матюшкине, друге А. С. Пушкина, участнике известной экспедиции Ф. П. Врангеля на северо-восток Сибири. Но в 1927 г. по приглашению известного фольклориста М. К. Азадовского М. П. Алексеев переезжает в Иркутск и начинает работу в качестве доцента кафедры всеобщей литературы Иркутского государственного университета. Уже через год блестящий лектор был избран профессором и заведующим кафедры. Именно тогда и началась его плодотворная работа по изучению письменных иностранных источников по истории Сибири. Уже в 1928 г. появляется его статья «Сибирь в романе Даниэля Дефо» в «Сибирском литературно-краеведческом сборнике» и отдельным изданием. Затем в журнале «Сибирские огни» была опубликована его вторая сибиреведческая работа «Сибирская ссылка и английский поэт А. Сьюнберн». В том же 1928 г. в московском журнале «15 дней» была напечатана его статья «Робинзон Крузо в Сибири», а в немецком научном журнале «Славяне Рундшау» появилась его небольшая рецензия на изданную в Кракове монографию М. Яника «Поляки в Сибири». И именно тогда же М. П. Алексеев приступил к работе над своим главным капитальным сибирским трудом — «Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей». Эта работа позволила ему также принять участие в составлении ряда статей для «Сибирской советской энциклопедии» — «Литература сибирская», «Сибирь в западноевропейской литературе», «Иезуиты в Сибири» и «Исаак Масса».

Уже выход первого тома алексеевской «Сибири» в 1932 г. был встречен литературными и историками весьма горячо. Положительные рецензии дали несколько журналов («Звезда», «Советский Север», «Будущая Сибирь» и др.). В роли рецензентов выступили весьма известные авторы — литературовед Б. Г. Рензов, этнограф Е. Г. Кагаров, историк М. А. Гудовников и др. Появились отклики и за рубежом, например П. Савицкий опубликовал рецензию на страницах журнала «Германославистика».

Все признавали, что М. П. Алексеев обладает удивительно обширными знаниями не только по истории западноевропейской литературы, но и по истории, этнографии и географии Сибири. И в процессе работы над своим трудом он сделал ряд важных открытий. Так, он обнаружил в Иркутске отрывок сочинения Платона Карпини, переработанного и дополненного компилятором XIII в. Винцентом из Бовэ.

В 1933 г. декан филологического факультета Ленинградского университета проф. В. Ф. Шишмарев, хорошо знавший блестящие труды М. П. Алексеева, пригласил его в Ленинград для чтения лекций. Так начался новый период в жизни Михаила Павловича. Но уехав из Иркутска, М. П. Алексеев продолжает работу над сибирской тематикой. В 1934 г. в сборнике, посвященном Сергею Федоровичу Ольденбургу, он публикует любопытную статью «Один из русских корреспондентов Ник. Витсена. (К истории поисков морского пути в Китай и Индию в XVII веке)», в которой высказывает предположение, что известный голландский географ Николай Витсен смог получить так называемый «Годуновский чертеж Сибири 1667 г.» от московского живописца Станислава Лопуцкого. Эта гипотеза была встречена видными сибиреведами с

некоторым недоверием. Однако в дальнейшем удалось документально доказать, что в данном вопросе прав был М. П. Алексеев, а не его оппоненты¹.

Тогда же М. П. Алексеев узнал о существовании в Дании еще одного ранее неизвестного иностранного описания Сибири XVII в. Он сумел получить копию этого описания и опубликовал ее в «Историческом архиве» (М., 1936, т. 1, с. 97—104). В том же 1936 г. М. П. Алексеев публикует вторую часть своего капитального труда «Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей». И в последующие годы М. П. Алексеев продолжал совершенствовать свою «Сибирь...». Он объединил обе части в одну книгу, которая и вышла в свет в роковой 1941 г. опять в Иркутске. М. П. Алексеев весьма сожалел, что ему не удалось проверить корректуру нового издания, из-за чего в книге оказалось много опечаток. К тому же вся партия книг, отправленных из Иркутска в блокадный Ленинград, погибла где-то в пути. Единственная довоенная рецензия на новую книгу М. П. Алексеева появилась всего лишь за 18 дней до начала войны. Она была озаглавлена «Крупный вклад в изучение Сибири» и принадлежала перу замечательного сибирского историка Ф. А. Кудрявцева.

М. П. Алексеев еще в годы войны надеялся продолжить работу над своей «Сибирью...». Он предполагал в следующем томе опубликовать перевод всех материалов о Сибири, вошедших в известный труд голландского географа Н. Витсена «Северная и восточная Татария». Он собирался выпустить и новый перевод описания путешествия через Сибирь Исабрана, направленного в 1692 г. Петром I в качестве нового русского посла в Китай. Однако он отказался от этого плана после того, как узнал, что в Институте этнографии АН СССР за эту большую работу взялась прекрасный знаток староголландского языка В. Г. Трисман. А несколько позже новый перевод записок Исабрана выполнил знаток Сибири и Китая М. И. Казанин².

Вместе с тем в качестве продолжателя дела М. П. Алексеева выступил его иркутский ученик профессор Эрвин Петрович Зиннер, который в 1968 г. в Иркутске выпустил новую книгу «Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII века (от Н. Витсена до Августа Коцебу)».

Еще в середине 50-х годов по настоянию читателей Географиз включил «Сибирь...» М. П. Алексеева в свой издательский план. Однако из-за различных технических трудностей перепечатать книгу так и не удалось. В середине 60-х годов на последнем этапе работы над пятитомной «Историей Сибири с древнейших времен до наших дней» сибирские историки подняли вопрос о необходимости перепечатки капитального труда М. П. Алексеева. Эта идея была энергично поддержана Восточной комиссией Географического общества СССР и Институтом этнографии АН СССР. Сам Михаил Павлович оказывал инициаторам нового издания всяческое содействие. Под его руководством были даже частично сделаны некоторые из иллюстраций к новому изданию. Но такого рода гигантскую кропотливую работу выполнить на общественных началах оказалось невозможно. Хотелось верить, что положение резко изменится теперь. На состоявшейся в 1981 г. в Новосибирске представительной научной конференции «Прошлое, настоящее и будущее Сибири» ныне покойный А. П. Окладников высказал мысль об актуальности перепечатки труда М. П. Алексеева в Новосибирске.

Конечно, за сорок лет, прошедших с момента выхода второго издания книги М. П. Алексеева, появилась обширнейшая литература по истории Сибири и географическим открытиям. Подготовка нового издания потребует от сибирских ученых серьезной работы по составлению научных комментариев, ссылок на новейшие исследования. Выход этого нового издания станет лучшим памятником М. П. Алексееву как большому знатоку Сибири.

В. П. Полесвой

¹ Об этом подробнее см. Сравнительное изучение литератур. Сборник статей к 80-летию М. П. Алексеева. Л., 1976, с. 74—81.

² См. Исабранд Идес, Брант Адам. Записки о русском посольстве в Китай (1692—1695). М., 1967.

ИЗВЕСТИЯ СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР

№ 11, вып. 3

СЕРИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

1982

МИХАИЛ БОРИСОВИЧ ШЕЙНФЕЛЬД

(К 60-летию со дня рождения)

Видный советский ученый, педагог-историк, профессор Красноярского государственного педагогического института М. Б. Шейнфельд родился 31 января 1922 года в семье служащего на ст. Теткинко Глушковского района Курской области.

Начало самостоятельного жизненного пути М. Б. Шейнфельда было связано со службой в армии и участием в Великой Отечественной войне. В октябре 1940 г. он был призван в Красную Армию. Уже в июле 1941 г. М. Б. Шейнфельд сначала в качестве рядового, затем командира танка в составе 5-й танковой Гвардейской бригады участвовал в боях на Западном направлении, на участке Ельни под Москвой на Наро-Фоминском, за что был награжден орденом Отечественной войны II степени и медалями.

11 декабря 1941 года в боях за Наро-Фоминск он получил тяжелейшее ранение и до 1943 г. находился на излечении в госпиталях страны. По выходе из госпиталя, оказавшись инвалидом I-й группы, Михаил Борисович проявил необыкновенную силу воли и поступил на исторический факультет Томского государственного университета им. В. В. Куйбышева. По окончании университета М. Б. Шейнфельд работает на кафедре истории Красноярского педагогического института (с 1948 г.).

За три с лишним десятилетия педагогической и научной деятельности Шейнфельд М. Б. сформировался в видного специалиста по истории и историографии СССР, в ученого, обладающего лучшими чертами, присущими советской исторической науке. Для исследовательского «почерка» М. Б. Шейнфельда характерны разносторонняя эрудиция, пристальный интерес к историческому факту, стремление проникнуть в сущность явлений, выявить закономерность сложных исторических процессов. Эти свойства ученого проявились уже в кандидатской диссертации, защищенной в 1955 г. на тему «Борьба Советов Енисейской губернии за союз рабочего класса и трудящегося крестьянства в первый период Советской власти в Сибири (ноябрь 1917 — июнь 1918 гг.)». Наиболее полно и ярко они выступили в докторской диссертации «Историография Сибири (конец XIX — начало XX в.)». М. Б. Шейнфельду принадлежит более 60 работ. Его исследовательская мысль всегда обращалась к самым актуальным и неизученным проблемам советской исторической науки.

В первой половине 50-х годов научные интересы ученого концентрировались преимущественно вокруг проблем борьбы за власть Советов в Сибири. Проблематика его работ в этой области достаточно широка: строительство советского аппарата в Сибири, социалистические преобразования в промышленности и на транспорте, борьба за союз рабочего класса с трудящимся крестьянством. Выявляя общие закономерности развития социалистической революции в Сибири, М. Б. Шейнфельд внес много нового в изучение своеобразия формирования Советов крестьянских депутатов, борьбы с контрреволюционным земством, проведения декрета о земле и т. д.

Как в «Очерках истории Красноярской партийной организации» (Красноярск, 1967), так и в находящемся в печати новом издании этой коллективной монографии ему принадлежат разделы по проблеме борьбы за упрочение Советской власти в Енисейской губернии с конца октября 1917 г. по июнь 1918 г. М. Б. Шейнфельд один из авторов IV тома «Истории Сибири». Он внес весомый вклад в изучение истории восточных национальных окраин феодальной и капиталистической России. Им опубликованы работы, посвященные проблеме феодальных отношений у народов Сибири XVII — начала XX в., истории, историографии, источниковедения хакасов. М. Б. Шейнфельд является автором ряда глав подготовляемого Хакасским научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории первого тома «Истории Хакасии».

Во второй половине 50-х — начале 60-х годов в круг его интересов входят проблемы истории общественно-политической мысли и историографии Си-

бири, а в последнее пятнадцатилетие центральной темой творчества стала историография Сибири. Начиная с 60-х годов публикуются большие статьи по историографии Сибири конца XIX — начала XX в. Завершает это исследование изданная в 1973 г. монография «Историография Сибири (конец XIX — начало XX в.)». Кроме опубликованных историографических источников Шейнфельд М. Б. использовал документы и материалы 22 архивохранилищ страны. В исследовании широко представлены марксистско-ленинское, буржуазное и мелкобуржуазное социально-политические направления исторической мысли в неразрывной связи с борьбой классов, общественно-политическими и философскими взглядами ученых и авторов сибиреведческих трудов. С позиций марксистской партийности рисуется широкая панорама идеологической борьбы в исторической науке, обоснование марксистской методологии и основ новой научной концепции Сибири, кризисные явления в буржуазной и мелкобуржуазной историографии. Одно из центральных мест в историографическом анализе занимает ленинская концепция истории Сибири, а также работы историков-марксистов, в большинстве своем политических ссыльных.

В последующие годы ученый обратился к изучению советской историографии Сибири. Уже опубликована серия его статей: «Методология работ С. В. Бахрушина по истории Сибири», «Феодалы: отношения у народов Сибири в советской историографии 30-х годов», «И. П. Козьмин — историк Сибири». В 1980 г. вышла в свет монография «С. В. Бахрушин и историография Сибири советского периода», заметно пополняющая историографическую литературу о ведущих представителях советской исторической науки. В монографии рассматривается сложный путь С. В. Бахрушина от буржуазной к марксистской методологии, его профессиональное мастерство, блестящий талант историка — художника.

Характерной особенностью историографических трудов М. Б. Шейнфельда является стремление в органическом единстве анализировать историографические, методологические и теоретические процессы и проблемы. В перспективе исследование советской историографии Сибири предполагается обобщить в работу «Становление и развитие советской историографии Сибири 1917—1937 гг.».

Наряду с проблемами истории и историографии Сибири значительное место в научном творчестве Михаила Борисовича занимают вопросы источниковедения. Широко известен сборник документальных материалов «Красноярский Совет. Май 1917 — июнь 1918 гг. Протоколы», составителем и ответственным редактором которого был М. Б. Шейнфельд.

Михаил Борисович ведет большую редакторскую работу. Он ответственный редактор монографий ряда ученых Сибири, межвузовских сборников «Из истории Сибири», «Вопросы историографии и социально-политического развития Сибири XIX—XX вв.», «Освещение социально-политического развития Сибири XIX — XX вв. в трудах историков».

Особое место в его научной работе занимает историческое краеведение. Под его редакцией вышли пособия для учителей истории и учащихся «История Красноярского края» (1967 и 1981 гг.). В них он выступил и как автор ряда глав по истории края второй половины XIX в., периода империализма, борьбы за власть Советов в 1917—1918 гг.

Большая научно-исследовательская работа ученого тесно связана с учебно-методическими задачами преподавания в высшей и средней школах.

М. Б. Шейнфельд читает лекционные курсы по «Истории СССР» эпохи империализма, «Историографии истории СССР», им разработан спецкурс «Методология истории». Он является бессменным руководителем методологических семинаров, успешно руководит научной работой аспирантов.

Как педагог М. Б. Шейнфельд побуждает своих учеников к расширению их кругозора, самостоятельности в научных поисках в выборе темы, ее интерпретации и формирует школу специалистов по обширному кругу историографических проблем эпохи империализма. Наделенный качествами истинно ученого и педагога, с высокоразвитым чувством ответственности, доброжелательностью и объективностью в решении спорных и сложных вопросов М. Б. Шейнфельд является образцом для молодого поколения. Поздравляя Михаила Борисовича Шейнфельда с шестидесятилетием, мы желаем ему здоровья, сохранения мудрости и благородства, продолжения успешной научной деятельности и новых достижений в воспитании студенчества.

Ю. В. Журов, Г. П. Шапрова, Г. Ф. Биконя